

№8

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Гашам ИСАБЕЙЛИ. <i>Рассказы</i>	3
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. <i>Новеллы</i>	30
Дина ИЗМАЙЛОВА. Люди и тени... <i>Повесть</i>	58
Тамерлан ГАДЖИЕВ. Метель. <i>Рассказ</i>	108
Фариза БАБАЕВА. Байки Дома Художников	114
Марат ШАФИЕВ. Про Еремея	123
Али НАМАЗ. Футляра для гаджета. <i>Юмореска</i>	129

ПОЭЗИЯ

Тимур БАДАЛБЕЙЛИ. <i>Стихи</i>	20
Татьяна СЫРЫЩЕВА. <i>Стихи</i>	46
Галина БУЛАТОВА. <i>Поэтические переводы с татарского:</i>	
Нур АХМАДИЕВ. <i>Стихи</i>	84
Лябиб ЛЕРОН. <i>Стихи</i>	89
Ленар ШАЕХ. <i>Стихи</i>	95
Сергей ЖАДАН. <i>Стихи</i>	113

ПУБЛИЦИСТИКА

Людмила БЕЖЕНАРУ. От молчания к смирению	14
Марат ШАФИЕВ. «Что мне делать с моей журавлиной тоской?»	48
Айтен ШАФИЕВА-ИГНАТОВА. Из истории жизни и творчества поэта и переводчика Иосифа Оратовского	50
Низами ТАГИСОЙ. Взгляд на творчество Галимджана Ибрагимова	103

2024

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 25.7. 2024г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2024г.

ГАШАМ ИСАБЕЙЛИ

РАССКАЗЫ

Бог и человек

Люди в бытность зверьми были счастливей.

Одно было, другого не было. Было «бытие», и было еще «небытие».
«Бытием» был Бог, а «небытием» человек.

Бог был столь велик, столь велик, что даже волк знал, что это Бог, даже птица знала.

Человек был столь мал, столь мал, что даже в начале строки писал свое имя со строчной буквы. Человек видел величие Бога и видел свою малость. Ибо он был чище свежеснеженного снега: когда говорил – слово теплилось у него на устах, когда смеялся – теплилась улыбка.

Бог ни с кем ничего общего не делил. Но в человеке пребывала крохотная частичка Его сущности – ум, разумение человеческое. Не будь ума, человек возомнил бы себя Богом.

Целыми днями руки и ноги человека занимались делами, перебирали и перебегали. А с заходом солнца он ложился спать.

Ведь и Бог не сидел сложа руки – десница Его творила, шуйца разрушала.

Человек даже сложил строки во славу Божью:

*Ты даешь и отнимаешь,
Лжи, обмана Ты не знаешь.
То сей мир Ты украшаешь,
То внезапно разрушаешь!*

Одним прекрасным днем Богу вдруг что-то вспомнилось, и Он улыбнулся. Бог мог только улыбаться и мыслить. Когда Он улыбался, Земля и Небо погружались в сияние. А когда раздумывал, всю Вселенную охватывала тьма.

Только плакать был неспособен Всемогущий Бог.

Из древних книг я вычитал, что Бог заплачет только в конце времен, когда увидит, как рушится Им созданное!

Вот так, когда Бог, замечтавшись, улыбнулся, группа людей потеряла весь ум-разум и отделилась, отделилась от остальных.

Одни, мотая головой и воя,

Вошли в стаю, то есть стаю волков.

Другие с ржанием в табун лошадей.

Третьи с лаем ворвались в стаю собак.

Четвертые с бляением пошли к баранам.

Пятые к медведям...

Шестые...

Стая тотчас разорвала человека в клочья.

Конь затоптал копытами.

Собака вцепилась зубами.

Баран забодал и вытолкнул из стада, на человека слетелись вороны и грифы.

А медведь...

А с другой стороны в мир выпал потерянный ум человека –
Часть ума вошла в собачий череп, та залаяла и превратилась в человека.
Часть вошла в лошадиный, та заржала и превратилась в человека.
Волк завыл и тут же принял человеческое обличье.
А еще баран...
А еще медведь...
Еще совсем недавно только человек был человеком, а теперь человеком стали
и баран, и лошадь, и собака, и волк... и медведь...
Чтобы поверить, достаточно взглянуть людям в лицо.
Отныне на устах людских не теплились ни слово, ни улыбка.
Отныне человек стал писать свое имя с прописной буквы:
Человек – Бог.

Наконец-то я умерла, сынок

В каждом доме есть что-нибудь старинное. Такой вещью в нашем доме была железная кровать. Ей было ничуть не меньше полувека – все члены нашей семьи смогли воспользоваться ее удобством. Сетка настолько ослабла, что, когда ты ложился, она прогибалась до самого пола. Вот умудрись теперь лечь должным образом, чтоб не соскочиться. Не то радикулит замучает. Потому-то я впоследствии окончательно распрощался с железной койкой. В конце концов койка досталась матери. Мы разошлись кто куда, а потом обосновались в Баку, и тогда мама оказалась единственной обитательницей нашего деревенского дома. «Когда я пришла в этот дом невестой, мне тоже выпало одиночество, – говорила она. – Но тогда я была спокойна, знала, что скоро детки, плоть от моей плоти, окружают меня плотным роем, вот и не стану тосковать. Но сейчас я жду только одного, и это – смерть».

Да и мы перестали особо скучать по своему деревенскому дому. Иногда на пару дней мы приезжали и гостили у мамы. И скоро сбегали обратно в Баку.

После того, как дети, которых мама считала надежной опорой, оставили ее одну, она только и делала, что тосковала, боялась да погружалась в бесплодные думы. В то время только вышла моя книга «Моя одинокая бабушка», настроенная на этот самый лад, книгу прочла одна знакомая поэтесса. Она сказала, что съездила в родной район, но когда проходила мимо родного очага, где больше не было ни отца, ни матери, не рискнула открыть калитку и зайти.

Тогда я встретил это признание молчаливым упреком – как так, съездить в район и не зайти в родное жилище? Это никак в моей голове не укладывалось.

Но однажды со мной случилось то же самое, о чем рассказывала ныне покойная поэтесса. После смерти мамы я не очень-то охотно вошел в родной двор, но не смог заставить себя подняться на веранду и пройти в комнаты. После мамы я больше ни разу не ночевал в нашем деревенском доме.

Мама еще совсем молодой испытала боль сыновней утраты – умер мой средний брат Тофик, а младший Абдулбагы погиб в автокатастрофе.

Чтобы как-то развеять тоску, мама, оставшаяся одна-одинешенька с этими горестями, повесила у себя над головой фотографию младшего сына Абдулбагы в молодости – покойный был светленьким симпатичным юношей. Фотография была сделана в бузовнином санатории.

Директор средней школы сильно побил Абдулбагы за то, что тот ответил ему грубостью на грубость. Ребенок заболел. После выздоровления отдыхал в Бузовна. Мама рассказывала, что, когда отправилась в санаторий, к ней тут же подбежала одна девушка:

- Тетя, тетя, вы мама Абдулбагы?!
- Да, доченька. Что стряслось?

- Тетя, уймите его.
- Почему, доченька?
- Он мне проходу не дает.
- За попу щиплет, что ли?!
- Нет, на каждом шагу твердит: «ах, какие губки».
- Мама рассказывала, что ее разобрал смех, еле сдержалась:
- Но ведь, доченька, ничего плохого он не говорит.
- Как ничего плохого?!
- Раз это плохо, ответь ему тем же!
- Ну и ну, гляньте, что несет эта женщина?! Твой сынок только этого и ждет... После того, как умерла и избавилась от одиночества мама, осталась в одиночестве уже фотография Абдулбагы. Однажды ночью мне приснилась мама:
- Сынок, Абдулбагы жалуется мне на меня!
- ...?!
- Говорит, где ты, почему не приходишь домой?!

Разговор мамы с Абдулбагы:

- Я отвечаю, померла я, сынок!
- Не дай Бог, не говори так!
- Ей-богу, правду говорю, умерла я!
- Как это умерла, тебя нет на кладбище в нашей деревне Хельсё!
- Откуда мне там быть, сынок, твои сестры похоронили меня в Баку! Будто я им это завещала. Ей-богу, я так тоскую по Тофику, по тебе. Вот бы нам быть вместе!
- Мамочка, я тоже остался один!
- Почему, сынок? Отец рядом, бабушка рядом, бедный твой брат Тофик рядом, у тебя дочь, сын, да еще и внук, дай Бог Гашамчику здоровья, маленький Тофик...
- Мама, я о нашем доме!
- Но сынок, ведь ты тоже умер!
- И что с того? А как же моя фотография?! На фотографии не я, что ли?! Я все еще над ковром, куда ты меня повесила. Некому с лица моего пыль отереть, мама. Каждую ночь прилетает моя душа и садится у меня над головой. Ей-богу, будь рядом кто-нибудь, я бы заговорил. Знала бы ты, как я тоскую по ночам... Ты находилась рядом большую часть года. Каждый божий день разговаривала со мной. Часто гладила меня по голове своими руками, на которых проступали вены, целовала своими холодными губами, плакала потускневшими глазами: «Ай Абдулбагы, – говорила ты, – сглазили тебя, ей-богу, ай Абдулбагы!»
- Сыночек, родненький!
- Мама, помнишь, как ты поссорилась с соседями из-за нашего двора?!
- Они меня задевали, пускали свой скот в наш двор!
- Мама, ты заладила одно и то же. Видела б ты, в каком сейчас состоянии твой дом и двор. По ночам мне совсем невмоготу. Двор кишмя кишит окрестными кошками да собаками. Сюда даже лисы повадились. А днем в нашем саду вольготно расхаживают бараны да козы, ослы да коровы, которые отстали от стада. Мама, вспоминаю те дни, когда твой крик раздавался по всей деревне! Ты себе всё сердце изводила, твердя, что соседский скот перешел через изгородь в наш двор. Я тоже не могу здесь больше оставаться. Пришел бы Эльнур и забрал бы меня с собой в Баку. Там мои дети. Здесь я совсем один-одинешенек, ей-богу. Нет у меня плоти, чтобы встать и привести всё в порядок, нет голоса, чтоб спугнуть зверей да птиц. Иногда думаю, что у меня в Хельсё две могилы, одна на кладбище, другая тут, у нас дома...

Абдулбагы было 43 года, когда тот попал в автокатастрофу, а маме – 66.

Когда умер средний мой брат Тофик, мама плакала и стенала днем и ночью. Однажды я рассказывал о великом поэте Самеде Вургуне. Я выразил сожаление, что он скончался рано, в возрасте 50 лет. Мама принялась меня упрекать: «А бедному моему Тофику было всего 19...»

Когда погиб Абдулбагы, мама воспринимала жизнь более мудро. Она не плакала, не рвала на себе волосы, не царапала себе лицо. Только и делала, что рассказывала об Абдулбагы. А порой даже с упреком. Однажды мы с ней даже поссорились:

– Мама, Абдулбагы умер, он больше не воскреснет!

Она ответила таким образом, что я опешил:

– Умер так умер, да упокоит Аллах его душу. А я не умру, что ли?! Зачем ему нужна была эта машина?! Катался со своей женой то в Дашкесан, то в Сумгаит. Да и водить толком не умел – надо было ему продать эту гадость, когда он в арык угодил. Вот тогда с нами такой беды не приключилось бы...

После того, как я увидел во сне маму, я велел Эльнуру съездить в Хельсэ, забрать фотографию отца и повесить у себя дома! Что тот и сделал спустя два дня. В ту ночь я только лег, как передо мной снова встала мама:

– Сынок, знал бы ты, как радуется Абдулбагы! Говорит, мама, дай Бог счастья моему брату, теперь я совсем спокоен. Теперь я дома. Заходят дети, смотрят на меня, заходят внуки, общаются со мной. А маленький Гашам, да хранит его Аллах, вот что сказал, стоя перед моей фотографией: «Здравствуй, дедушка! Вот этот мальчик, – говорит он, указывая на стоящего рядом ребенка, – сын моей тети Кебире, он тоже твой внук. Знаешь, как его зовут?! Эльгюн. Деда, я подружился с Эльгюном, мы больше не деремся. Деда, почему ты сел за руль пьяным?! Я сказал дедушке Гаши, когда ты воскреснешь в судный день, чтоб он не давал тебе выпить. А если выпьешь, пускай отберет у тебя ключи от машины!» – Сынок, – с гордостью говорила мама, – я уже полтора года числюсь мертвой, клянусь Аллахом, совсем плохо мне было. Я очень беспокоилась об Абдулбагы. А теперь мой ненаглядный перед глазами своей семьи. Да хранит вас Аллах. Я теперь тоже спокойна. Если перестану тебе снится, не переживай, – наконец-то я умерла, сынок!

Бог взяток не берет

Он уже неделю находился при смерти.

– Может, ждет чего или кого?

– Все рядом, сын, дочь, внуки. Ни матери, ни отца больше нет в живых... кого еще ждать?!

Он работал при должностях, накопил состояние, жил припеваючи, но был прижимист – никому не помогал, ни с кем куском хлеба не делился. У него не было даже друзей и товарищей, гостей... Обедал и ужинал без сотрапезников. Правда, и плохого никому не делал. И этого было немало для человека высокопоставленного.

А теперь подошел срок, жизнь на исходе, лежит, уставившись в потолок... – душу не может отдать. Без малого два года он жил сиднем, только спускался во двор и возвращался обратно. И как только заходил домой, сразу садился – либо смотрел телевизор, либо читал. Но уже месяц он отказался и от этих своих привычек. Часами смотрел в потолок, смотрел... смотрел... в конце его смаривал сон.

В это утро он ощущал подъем.

– Машаллах, кажется, идет на поправку! – жена чуть ли не просила магарыч у детей.

В тот вечер, как только ушли дети, он подозвал жену:

– Закрой дверь, а сама иди сюда.

– Ты это чего? – Бог знает что подумалось жене.

– Возьми из-под кровати сундучок и поставь мне на колени.

Муж сел на кровати. Жена постелила на одеяле белую простыню и поставила посреди сундучок. Муж взял из-под подушки ключ и отпер сундучок. Достал оттуда шкатулку – поднял крышку и вытряхнул содержимое. Лицо его озарилось. Подцепил пальцем крупное ожерелье:

– Знаешь, кто это дал?

– Ариф.

– Откуда знаешь?!

– Забыл, что ли? Ты в тот же день надел его на меня.

– Да-а-а... А это вот?

– Сын дяди Гусейна попал в переplet, вот и дал, чтоб ты избавил его сына от тюрьмы.

– А вот это не знаешь.

– Гляну-ка. Впервые вижу.

– Я купил это, когда был директором хлопкового завода.

– Интересно, почему ты до сих пор мне не говорил?

– Всё равно тебе достанется.

Жена удовлетворенно улыбнулась:

– Да зачем мне, ай киши, отдам дочерям.

– Держи у себя.

– Почему?

– Пускай зависят от тебя.

Настала долгая пауза.

– В эту ночь мне приснился Азраил.

Жена вздрогнула:

– Ай киши, ради Бога, не говори глупостей!

– Клянусь Аллахом.

Жена растерянно на него взглянула.

Беседа с Азраилом

Схватил за плечо, начал трясти. Я открыл глаза:

– Кто ты?!

– Азраил!

– Азраил?! – так и вскочил я. – О Азраил, я еще не готов. Почему ты пришел?!

– Что станешь делать с накопленным?!

Ей-богу, так и сказал. Я прикинулся дурачком:

– Какое накопленное?!

– Золотишко, серебро, бриллианты, камушки драгоценные...

– Пускай все достанется тебе, только дай еще пару годков пожить!

– Бог взятков не берет! – Он улыбнулся, заметив, что я выпрашиваю у него милости. – Будь в этом толк, я забрал бы всё твое имущество!

Я опустил голову.

– Ты не ответил. Что станешь делать с накопленным?!

– Останется детям!

– Уверен, что смогут безнаказанно этим воспользоваться?

– В каком смысле?!

– Ведь всё это ты получил несправедным путем!

– Остальные-то пользуются. Вот и мои так же!

– Есть кто живой из тех, кто тебе всё это дал?

– Живой?! ... Есть!

– Хотя бы им их долю верни!

Я вздрогнул:

- Да что ты говоришь, о, Азраил?!
- Тебе не хватило жизни всё это истратить!
- Но ведь детям-то достанется в наследство!
- А я тебе ясно говорю: дети твои не смогут безнаказанно ими воспользоваться!
- Но ведь...
- Никаких но!..

- Жена, ты помнишь, как я ночью вскрикнул и проснулся?!
- Жена утвердительно кивнула головой:
- Ай киши, наверно, ты был чем-то обеспокоен...
 - Что ты хочешь сказать?!
 - Ты собрался вернуть всё это законным владельцам?!

Трое мужчин сидели в изголовье бывшего чиновника.

- Знаете, почему я позвал вас?

Гости переглянулись.

- Не бойтесь, я не прошу у вас себе жизни, жизнь дает и отнимает Бог!
- Мы тебя слушаем, – сказали хором гости.
- В свое время за мои услуги каждый из вас дал мне по браслету.
- Помним, – снова хором сказали гости.
- Я уже при смерти. Скажите, как вы сами получили это добро?!

Присутствующие нерешительно переглянулись.

- Мне больше некому об этом сообщить.

– По наследству.

- Какое наследство?!

Гости по очереди наклонились и прошептали в ухо бывшего чиновника. Тот, весь уйдя в думы, задал вопрос:

- Кажется, у всех тех троих жизнь пошла наперекосяк?!
- Так и есть.

Мужчина открыл шкатулку, которую держал на груди:

- Пусть каждый заберет то, что ему причитается.
- Что, правда?! – все трое вытаращили глаза.
- Куда еще правдивей?!

В секунду браслеты покинули шкатулку и отправились во внутренние карманы пиджаков.

- Можете идти!
- Выздоровливай!

В ту ночь уснули все на свете, но мужчина уснуть не смог. Наутро тоже. Он не мог ни есть, ни пить от охвативших его дум.

- Ай киши?
- Да...
- Знаешь, что стряслось?
- Что?

– Все трое, уйдя отсюда, слегли в постель.

Мужчина горько улыбнулся.

Проснувшись утром, жена увидела, что муж смотрит в потолок застывшим взглядом.

- Ай Аллах, беда-то, беда!

В тот же миг послышались стенания еще в трех домах села.

Похороните меня

Дул бы ветер, я подумал бы, что деревья и кусты шелестят от этой пасмурной ветреной погоды. Напротив, когда всё погружалось в молчание, в мраке ночи, будто подле самого уха слышалось:

– Похороните меня!

– Что ты подразумеваешь?! Шесть локтей вглубь, восемьдесят сантиметров в ширину, метр восемьдесят в длину. И куча земли сверху – мы тебе продохнуть не дали, бедное божье создание!

– Но ведь я мучаюсь!

– Ты же сама говорила «в могиле не мило»!

– Я тут одна-одинешенька!

– Такова участь покойника!

– По ночам я дрожу от холода!

– Сырая земля, голая плоть. Как иначе?!

– А днем гложет тоска. На это что скажешь?!

– Видать, и не умерла ты совсем?!

– Умереть-то умерла, ей-богу, только вот не похоронена!

Я вздрогнул и проснулся:

– Мама!

Никакого ответа.

Я протер глаза. Оглянулся по сторонам. Разве не с мамой я только что говорил?!

Как только рассвело, я отправился в мечеть – рассказал свой сон мулле.

– Муаллим, надо быть пророком Юсифом, чтобы растолковать твой сон.

– Так стань им, ай мулла!

– Если все муллы возьмут и станут юсифами, пророк Юсиф растеряет уважение!

– Во всяком случае, вы лучше нас разбираетесь в делах загробных.

– Твоя мать не распрощалась с этим миром!

– Да ей за девяносто было... как это – не распрощалась?!

– Где она родилась?!

– В нашем селе.

– Где похоронили?

– Здесь – в Баку.

– Почему?!

– Сестры меня сбили с толку, велели мне выполнить последнее завещание матери. А на самом деле думали только о своем комфорте.

– По какой причине?

– Чтобы не ездить в село на кладбище.

– Но ведь решать должны были вы!

– Меня с ног скосило, я тогда совсем растерялся. Оказывается, пожилому человеку сложнее вынести потерю матери!

– Твоей матери хочется на сельское кладбище.

В ту ночь мне снова приснилась мама. Как только настало утро, вместе с муллой и гробокпателем мы отправились на кладбище. Раскопали могилу. Мамин саван был запачкан кровью.

– Она ожила в могиле, билась, затем снова умерла. Это кровь из ее носа.

– Но ведь она никак не могла ожить, Хаджи! – промолвил я.

– Почему?! – с удивлением взглянул на меня мулла.

– Она умерла от сердца.

– Богу виднее! – улыбнулся печально мулла.

В тот же день мы извлекли мамины останки, отвезли в село и перезахоронили среди ее родных и близких.

Ночью мне снова приснилась мама:

– Сынок, дай Бог тебе долгих лет, наконец-то мне покойно!

Признания студента-самоубийцы своей матери

Мама, я сейчас пред престолом Божьим! Здесь нет ни радости, ни горя, ни обид. Нет здесь и возможности любить и быть любимым. Но там, на земле, все это есть. Наверно, это и делает жизнь краше, мама. Рано или поздно все предстанут перед Богом, перед этим высшим престолом, на который мы уповаем и где пребудем навеки. Думаю теперь: насколько я был прав в том, что свел счеты с жизнью – даром Божьим?! Знаю, смерть моя – смерть, а мука, которую я доставил, хуже смерти. Когда мулла отказался совершить надо мной намаз – это стало второй моей смертью. Ты рвала на себе волосы, царапала лицо, билась головой о стену. Знала, что соседка, которая с тобой не ладит, возьмет и скажет: «Да что ты такое несешь? Вот, оказывается, какая ты грешница, раз твой сын ушел без отпевания!»

Мама, когда я вступил в это царство, увидел умерших тысячу, сотни тысяч лет назад, понял, что ошибся, покончив с собой. Всё равно ведь рано или поздно я пришел бы сюда! Какой был смысл спешить?! Возможно, это было даже не ребячество, а глупость с моей стороны. Уйдя от вас, я каждый день спускаюсь и заглядываю в окно, мама. Не дай Бог никому терпеть того, что терпите вы! Ты себе глаза выплакала, а у папы сердце кровью обливается! Я вижу, как вы умираете со мной сотню раз за день! Сводя счеты с жизнью, я не думал ни о вас, ни о себе! Я своей смертью хотел отомстить одному человеку.

Мама, знаешь, кого я здесь увидел?! Пророка нашего досточтимого. Преславный наш Пророк даже бровью не повел в мою сторону. Пророк, посланный Богом, говорил, что оставил человечеству большой дар. Видимо, человечество все еще не постигло его ценность. Не то стал бы человек убивать себя самого?!

Мне стало так стыдно...

Мамочка, теперь мне становится очевидно, какие муки вы терпели, будучи нашими родителями. Мы даже не задумывались, с каким трудом вы зарабатываете, мы только и делали, что ели-пили, одевались и... А когда вы не выполняли наши требования, мы на стенку лезли:

– Я эти туфли надевать не стану!

– Сынок, мы ведь их купили на последние деньги, походи в них месяц, потом отец купит тебе новые!

– Не надо меня дурачить, ничего не купите!

– Ей-богу, купим!

Помню, как младшему брату не пришлось по душе купленные отцом туфли, он разрубил их топором надвое. Мы хохотали как сумасшедшие. Вдруг мне будто прошептали: взгляни-ка на мать! О Боже, ты вся обгорела на солнце! Откуда нам знать, что отец уплатил за эти туфли последние гроши!

Да, вы больше беспокоились не о нашем пропитании, а одежке. А учителя сделали из нас попугаев, главное: надо было вернуть то, что они в нас запихнули. Наши мнения и мысли никогда вас не интересовали. Но жизнь-то – это, по сути, и есть мнения и рассуждения.

Вы ни разу не давали нам денег на книги. Но вот обувь искали самую красивую, старались, чтоб костюм сидел, как надо. Мама, я не упрекаю вас за это. Ведь ваши родители поступали так же. Когда я оказался у престола Божьего, понял, что мы, люди, пришли в этот мир, чтобы жить. Но живем ли мы, как люди?!

Бог даровал нам два мира, один – ваш мир, другой – наш. Но в противовес божьей воле наши муллы с одной стороны, и аксакалы с другой нахваливают мир загробный, чуть ли не обвиняют людей в том, что те живут земной жизнью. Но ведь ваш мир именно для жизни и предназначен, а этот наш мир – это спрос за то, как мы жили на земле.

Я оставил вас в слезах, дорогая мама! Умирать не столь тяжело, как думают люди. Оказывается, мучения длятся минут пять-десять. А как умрешь, то и мук никаких. Душа улетает на небеса, а тело опускают в могилу, засыпают землей, а потом возвращаются в траурную палатку. А в палатке пришедших на поминки ждет стол с яствами. Все едят и пьют, беседуя и смеясь, дают последнее утешение родным: «Да упокоит Аллах его душу!»

А потом все расходятся. Остаешься только ты, мама! Остаешься?! Нет, ты умираешь и воскресает, снова умираешь! Ведь я плоть от твоей плоти! Ты не можешь стерпеть этих мук! Бедная мамочка, только сейчас я понимаю, какие страдания ты терпишь.

Имеешь право спросить: почему ты наложил на себя руки, сынок?

Нас было трое друзей, мама. С нами общались три девушки. Каждый из нас дружил с одной из них. Спустя три месяца мы обнаружили, что влюбились в них. Да и девушки об этом догадались. Может, эти чувства пробудились у них раньше, чем у нас?!

Раньше мы все гуляли вместе, а сейчас разбились на три пары, и каждая пара обособилась от других. Спустя пять месяцев я увидел, что моя любимая девушка интересуется моим другом. Я поделился с ней хорошими качествами моего друга, и тем самым, оказывается, пробудил в ней еще больший интерес. А в один прекрасный день она не пришла на встречу. Наутро на занятиях она даже смотреть в мою сторону не хотела.

– Почему ты вчера не пришла?

– Мы не подходим друг другу по характеру.

– Что во мне тебе не нравится?!

– Не станем затягивать. Нам лучше расстаться!

Вот так она и сказала в лоб. Человек так устроен – ты стремишься к тому, кто тебя отвергает. А я-то упертый был. Думал, могу заставить ее вернуться. Под конец мы крепко поспорили. Ребята об этом тоже узнали.

С того дня, как меня бросила девушка, я начал думать о смерти: «Нет, я не могу больше жить!»

Мама, помнишь, девушка по имени Сенубер покончила с собой за десять дней до меня. Кроме нас троих – меня, моей девушки и друга – никто не узнал причину этого... Сенубер была девушкой моего друга. В тот день, когда меня бросила моя девушка, мой друг бросил Сенубер. А бедняжка этого не вынесла.

Примерно спустя десять дней ребята сказали мне, что «твою девушку» увидели вместе с одним твоим другом. А друг во всем признался. Во мне что-то сломалось: «Нет, я не могу больше жить!» Спустя два дня, когда вы ушли на работу, я повесился.

Мама, я сейчас понимаю, что, умерев, избавился от мук. А как же ты, отец, брат, сестра?! А еще и бабушка, дедушка, тети... Порой задумываюсь, почему я так поступил?! Разве нельзя было этого избежать?!

В тот день, когда меня бросила девушка, я всё пробовал заплакать, выплакаться, но не смог. Я рвал на себе волосы, царапал тело, но не пролил ни слезинки. Слезы застряли в горле комом. Хватило бы десяти минут, чтобы вы не стали свидетелями этой трагедии.

Помню отчетливо – я гулял в парке Академии, стоял вечер. На скамейке, на холоде сидела одна девушка и возилась с телефоном. Она просидела там как минимум часа два. Вдруг я услышал плач, обернулся и увидел, что, прижав сумочку к лицу, она горько рыдает. Ее плач всё еще стоит у меня в ушах. Наверно, любимый парень не пришел на свидание. Не верю, что, выплакавшись таким образом, она могла наложить на себя руки. Своими слезами она смывала стоящий перед ее глазами образ неверного молодого человека.

Что за беда эта измена, эта неверность?! В первый день тяжело. Спустя неделю приходишь в себя. А через месяц человек, который тебя предал, едва тебе вспоминается. Разве стоит из-за изменницы лишать себя жизни?!

Мама, это была первая выпавшая мне тягота, но я ее не осилил! Не секрет, что кроме учебников я ничего больше не читал. Не читал стихов, не читал рассказов, сказок не читал. Оказывается, в сказках такого полно. Мне рассказали нашу народную сказку о Меликмамед... Его не поколебала даже измена братьев, благодаря своему уму-разумению он справлялся со всеми испытаниями! А я вот не стерпел измены какой-то девушки.

И где эта девушка?! Я принимал ее за ангела. Мы, юнцы, все такие. Даже в любви надо оставлять место сомнениям. Тут, у престола Божьего, мне стало известно, что она не вышла даже за моего друга. И его бросила, вышла замуж за другого. Сейчас у нее сын. Остальные мои друзья тоже переженились. Лишь я один ушел, не посадив семян, мама!

Мама, честно говоря, ни в школе, ни дома нам ничего не говорили о том, как жить. Учителя спрашивали уроки, ставили отметки. А вы видели свой родительский долг в том, чтобы кормить и одевать нас. Никто не интересовался нашей душой, нашими мнениями. Сейчас в школах начали просвещать детей о сексе. Думают, это решает все трудности. Но разве, прости меня, мама, животных об этом тоже просвещают?! Повторяю еще раз: лучше было бы в школах просвещать детей о человеческих отношениях, а не интимных.

Каждый миг меня охватывает всё большее сожаление!

Мы в царствие Божьем, мама. Здесь нам становится известно всё. Недавно у девушки, которую я считал смыслом своей жизни, спросили обо мне. Так она еле меня вспомнила: «Ах, да... вы о том идиоте, который покончил с собой?!»

Вот пожалуйста, та, ради кого я распрощался с жизнью, называет меня идиотом! По сути, она права. Какой нормальный человек станет кончать с собой?!

Мама, будь я жив, у меня была бы семья, жена, которая ценила бы меня, дети. Я лишил себя шанса стать «отцом», «дедом», «супругом», лишил и вас возможности стать «бабушкой» и «дедом».

Верю: умри я при несчастном случае, это вас не столь мучило бы. Но я восстал против Творца – наложил на себя руки.

Простите меня, мама!

Хаджиханым¹

Мы учились вместе в средней школе – он способностями особо не отличался. После школы все разбрелись кто куда – новый коллектив, новые отношения, новые друзья... Однажды, когда я переходил улицу, путь мне преградил полицейский:

– Гражданин, покажите документы!

– Вы со мной?! – сказал я, а когда поднял голову, мне в глаза блеснул свет от восьмиконечной звезды.

– Тут третьего покамест нет.

¹Уважительное обращение к женщине, совершившей хадж в Мекку.

Вдруг наши глаза встретились.

– Эльха-а-н?!

– Так точно!

Мы обнялись.

– Бахадыр, ты ведь нарушителем никогда не был?!

– С каких пор в форме разгуливаешь, товарищ полицейский?

– Не видишь, сколько звезд у меня на плече?!

– Ну, как ты?! Жена, дети есть?!

– Как говорил Низами Гянджеви, жениться надо... но после тридцати. Показывай мест...

– У тебя, наверное, есть хорошенькие на примете!

– Еще какие...

– Закон ничего такого не запрещает?!

– Закон не может устоять перед красотой!

– Неужели?!

– Именно!

– Губа не дура у тебя.

– Точно. Приехала одна из России, белая как снег. Она у меня на крючке. Кроме рабочего времени мы постоянно вместе.

– Ну-ну, смотри, чтоб она тебя на крючок не взяла!

– Жениться я пока не собираюсь!

Однажды я услышал, что Эльхан женился. Я отправился к ним с поздравлением. Меня встретила его мать.

– Тетя Гюльтекин, дай Бог счастья. Говорят, ты женила Эльхана.

– Да, сынок.

– Кто она?!

– Ей-богу, не знаю ни отца ее, ни матери, нечестивец не стал жениться на своей, породнил меня с неверными.

– С какими еще, тетя?! – опешил я.

– На русской женился.

– И ты позволила?!

– Но, чертовка красива, белая как снег, даже смотреть боязно.

– Ты-то постишься, совершаешь намаз?! – спохватился я.

– Я поставила перед Эльханом условие: если эта девушка не примет ислам, я уйду из дому...

Эльхан поднялся по должности до майора полиции. Бедный, рано умер. С женой они нажили троих сыновей. Я тоже отправился на поминки.

Выйдя из палатки, я выразил свое соболезнование тете Гюльтекин и тут увидел, что рядом с ней стоит молодая еще женщина в черном чаршабе.

– Бедный мой сыночек, так рано ушел!

– Дай вам Бог терпенья!..

– Да и эта бедняжка не вкусила радостей вдоволь.

– Это супруга Эльхана?! – спросил я.

– Да-а-а, сынок... Эльхан недавно ее отправил в паломничество, на хадж.

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

ЛЮДМИЛА БЕЖЕНАРУ

ОТ МОЛЧАНИЯ К СМИРЕНИЮ

В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МИРАХ КАМАЛА АБДУЛЛЫ И КЭНДЗАБУРО ОЭ

Жизнь и миф переплетаются в творчестве Камала Абдуллы, как и в романах современного японского писателя Кэндзабуро Оэ. Многочисленные связи с творчеством великих европейских авторов ставят этих двух писателей, собравших ворох наград в литературном мире, в контекст мировой литературы, в которой повседневный человеческий опыт переплетается с мифологией. Используя стилистические приемы и модернистские средства выражения, авторы мифологизируют национальные реалии, и усилия по согласованию мифа с хаосом пронизывают все повествования романов этих двух авторов. Прежде всего, речь идет о причинах обращения писателей к мифопоэтике, об осознанном или, напротив, интуитивном стремлении выйти за грани национальной литературы и включиться в мировой литературный процесс, используя хорошо известные в этой области искусства универсалии и концепты, восприятие мира как Мифа и его мифологическое переосмысление. Умберто Эко как-то писал, что современный мир гораздо более магичен, чем пятьдесят лет назад.

Популярность авторов, обусловленная глубиной и значимостью тем и сюжетных линий, которые они развивают в своих романах, и разнообразие их восприятия через переводы, их положение в качестве лидеров национальных литератур и современной мировой литературы – яркий признак высокой культуры, стиля и интеллекта писателей. Кэндзабуро Оэ и Камал Абдулла, признанные на протяжении более трех десятилетий наиболее интересными и яркими современными писателями в Азербайджане, Японии и мире, трансформируют автобиографический опыт и опыт самосознания в романский, поэтому каждый может найти в их романах множество образов истории народов или общечеловеческой истории, поведенческие мотивы и мысли.

Роман Камала Абдуллы под говорящим названием «Долина кудесников» представляет собой сплав мифа, фантастики и истории. Мировоззрение, представленное в романе, глубоко традиционно. Герои находятся на границе между новым и старым, модернизация несет в себе опасность забвения миропорядка, и писатель считает своим долгом напомнить о нем, вызвать его в памяти, чтобы сохранить. Архаичный человек, оторванный от тишины природы, противостоит современному миру. Опираясь на панораму древней национальной литературы, автор романа переосмыслил традиционные мифы, перенес их героев в современный мир, используя миф как структурную и этико-эстетическую основу жанра фэнтези.

Через завораживающую тайну Слова Камал Абдулла создал свой мир, который, по сути, является историей поиска глубинного смысла познания человеческой жизни, которая может обрести целостность только через очищение и прощение, составляющих, в которых автор видит реализацию полной гармонии человека со Вселенной. Его поучения – «*Не сотвори себе кумира*», «*Не живи с мыслью о мести*», «*Не живи одним миром*» – ставят перед нами проблемы наших собственных грехов и свидетельствуют о принципах прощения и любви ко всем людям, которым учат Коран, Библия, Священные книги мировых религий. Милосердие, доброта и прощение созвучны и христианской теологии, и ритуалу; эти базовые характеристики человеческой личности и человеческих отношений всегда способствовали переплетению культур. Через эту философию автор призывает нас не пытаться жить одним миром, не создавать себе миров, не давать себя сжигать огню мести и, главное, прощать и любить ближнего.

Идея прощения – надо научиться прощать, а само прощение нужно потому, что оно дает невыразимую духовную радость – это образ идеальной модели мира, которую Камал Абдулла создает в своих произведениях. Автор проводит читателя через три ступени самого процесса прощения: *не суди, прости, люби*. Это должно осуществляться прежде всего через личный пример праведной жизни и жертвенной любви во имя спасения не только заблудших и ошибающихся, но и собственной души.

Созвучно с этой идеей и творчество японского писателя Кэндзабуро Оэ, Нобелевского лауреата (1994), который подсказывает нам, что *каждый осознанный грех – это путь к очищению*, а грех неосознанный – это лишь бессмысленный бег по лабиринтам жизни. *Учиться прощать* как модель мира у азербайджанского писателя – это тот путь к очищению, который в романе «Объяли меня воды до души моей» японского автора, по сути, тоже является своего рода моделью мира. Необходимо во главу своих убеждений поставить вопросы собственных грехов и исповедовать принципы *всепрощения и любви ко всем людям*, ведь без прощения мы теряем душу, и жизнь наша теряет всякий смысл. Ибо тот, кто лишён силы прощать, лишён силы любить.

Осознание грехов, как и прощение, осуществляется и осознается через молитву, через молчание, *«на высшем уровне слово и молчание взаимобратимы»* (Михаил Эпштейн). Молчание как концепт существует в традициях литературного, фольклорно-этнографического, религиозного и социо-политологического дискурса. Главное, как образно сказал Станислав Ежи Лец: *«Молчание нужно слышать в его контексте»*. В литературном дискурсе молчание как конструкт, берущий на себя роль сцепления между вербальным и невербальным, соотносится по принципу антитезы с полифонией (полилогом) М.М.Бахтина, понимаемым как множество авторских голосов, а в художественном произведении молчание помогает правильно интерпретировать поведение персонажей и раскрыть их характер, изучить внутренний мир человека, его переживания и состояния, характер мышления.

Молчание как часть духовно-религиозного обряда и дискурса трансформировалось в молчание созерцательное, в возвышенном, глубоком размышлении о Боге. Если в обывательском, физическом, понимании и даже в науке молчание приравнивается к неговорению, т.е. молчание – это «когда ничего не говоришь», то в восточнохристианской мистике молчание можно определить как мистическое, скрытое, тайное состояние, как *«умное делание»*¹: непрерывное внутреннее произнесение молитвы, которая приводит ум в состояние полного безмолвия. Для этого используются *смирение, молчание, молитва и трезвение*.

Мистическое молчание, или сакральная религиозная практика, имеющая целью переживание непосредственного единения с Богом – это произнесение такого *внутреннего молитвенного Слова*, которое есть само бытие и исключает внешнюю речь, действие языка. Наряду с прощением или для прощения – *молитва – загадочное время самоотречения или время уединения* в «Долине Кудесников» Камала Абдуллы, когда «Лишь на час или два в течение дня каждый кудесник <...> оставался наедине с собой. Это время так и называлось – *временем уединения* и почиталось ими *святым*. Никто из других кудесников не осмеливался нарушить время уединения собрата...Чем занимался кудесник в течение этих часов, ведомо ему одному. Он *разговаривал с самим собой*, задавал вопросы и сам же на них отвечал, *однако при этом никто не понимал его языка»* (Камал Абдулла, трилогия «Под сенью карагача», стр. 269).

Уединение излечивает сердце, как сказал Ибн аль-Каййим: «Есть в сердце болезни, которые можно излечить, только отвечая Аллаху, и есть в нем чувство одиночества, которое можно устранить только *близостью с Ним в уединении»*².

¹Умное делание – выражение, используемое в Православии для обозначения формы аскетического делания, заключающегося в непрестанной молитве «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

²«Ступени идущих» (Мадаридж ас-саликин) – книга имама Ибн аль-Каййима, которого часто называют лекарем сердца.

И полутона, шепот, молчание в ответ на молитву – в романе «Объяли меня воды до души моей» Кэндзабуро Оэ, как в каком-то странном сне, который может даже заморозить, – образы деревьев и китов, «десятки китов мирно спят, задрав хвосты, утопая в коронах гигантских деревьев», чашки чая, кружащиеся в темном парке, скрытые образы и, главное, ощущение, что весь мир сошел с ума. Странные люди, понимающие, что происходит, мечты, тоска, отчаяние, желание обрести равновесие и гармонию в мире, расставание с жизнью путем простого (или совсем не простого) самоубийства, настолько легкого, что становится страшно прежде всего за себя, потому что «жизнь – как ветка дерева, безжалостно сорванная ветром, как глубокий и громкий крик кита на печальных просторах океанских волн». И во всем этом «между», во всех этих полутонах и шепотах, просто молчание или молчание как ответ на молитву – самое важное послание в романе «Объяли меня воды до души моей».

Значения молчания многообразны. Молчание, как и тьма, бездна, стена, может быть символом ограниченности возможностей человека, конечности его жизни и в то же время неистребимого стремления к постижению недостижимого, отказа от неизбежного. Молчание создает эффект достоверности происходящего, а также направляет мысль читателя на понимание того, **ЧТО** не было сказано, т.е. на понимание контекста и подтекста. Молчание может быть символом гармонии или дисгармонии. Молчанию всегда предшествует речь, и если речь прекращается, то наступившее молчание свидетельствует о психологическом, эмоциональном, мировоззренческом кризисе.

Молчание стало объектом изучения лингвистики, причем изучается оно в различных аспектах: коммуникативном, психологическом, религиозно-мистическом, эстетическом, культурологическом и ритуальном. Смыслы молчания рассматриваются не только в лингвистике и психологии, но и в религиозных и философских учениях. Однако среди ученых нет единства в вопросе о первичности или вторичности молчания по отношению к речи.

Религиозные и эзотерические учения (в большинстве своем) называют молчание изначальным состоянием бытия, началом всех начал. Молчание здесь понимается как Великое Небытие, которое пребывает в спокойствии, а слово (как любой акт, действие) разрушает спокойствие и гармонию.

Основной единицей общения и взаимодействия с социумом является слово, а его противоположностью – молчание, которое иногда выражает чувства и эмоции сильнее, чем устная речь. Иногда возникают ситуации, при которых «слово ничего не говорит», а «молчание говорит все» или «слово говорит о том же, о чем молчит молчание».

Некоторые исследователи рассматривают молчание как форму высшего внутреннего диалога. Молчание «лучше отвечает на неопределенность мира. Человек – единственное говорящее существо в природе, но и первое молчащее существо. Человеческая речь была бы невозможна без первоначального молчания».

Иногда молчание указывает на стратегию поведения, либо является признаком характера человека, его неумения и неспособности связно выразить свои мысли, сильных психологических потрясений и переживаний, либо успокоением, ощущением бесполезности слов перед лицом духовной и физической красоты мира.

«Дух. Он уставился глазами на классную черную доску. Взгляд его был устремлен в мрачную пустоту. Молчал.

Одинокий. Он всегда молчал, словно был обижен на всех. Эх ты... А почему он молчал?

Дух. Я не знаю». (Камал Абдулла, «Дух»)

«Чем занимался кудесник в течение этих часов, ведомо ему одному. Он *разговаривал с самим собой*, задавал вопросы и сам же на них отвечал, однако при этом никто не понимал его языка» (Камал Абдулла, трилогия «Под сенью карагача»).

Этот внутренний диалог кудесника с самим собой на непонятном никому языке и есть *умолкание-через-говорение*, или *мауна*, восточная практика молчания.

В религиозно-мистическом аспекте *молчание* является необходимым условием, для *общения с Богом*.

«Молчание в древности считалось состоянием Первенства: до божественного Творения в Мироздании было Молчание. Молчание наступит и после гибели Мира. В связи с этим молчание во время культа символизировало общение и слияние с Мировой Душой, с Божеством»(Сеничкина Е.П.).

Так внешне *безмолвие* оказывается в религиозном контексте прикрытием внутреннего подключения к «высшим силам». С «высшими силами» связан и такой вид аскезы, как обет молчания, – один из священных обетов, распространённый во многих религиях и религиозных течениях мира.

В этом контексте *положительная концепция молчания* (М. Эпштейн) проявляется в самом молчании – *молчании затворников, отшельников, мистиков*. Именно такой вид *молчания* ведет к смирению и очищению.

В *молчании* отражаются ценности национальной культуры, ментальности. В культурологическом аспекте молчание вызывает огромный спектр ассоциаций. В разных культурах, каждая из которых являет собой специфический взгляд на мир, содержание ассоциативного пространства вокруг слова является разным.

В Азербайджане немногословность сравнивают с блеском жемчуга. Это сравнение показывает отношение азербайджанского народа к темпу речи, паузам и молчанию, т.е. в Азербайджане не любят того, кто много говорит, не принято болтать, пустословить. *Danışmaq gümüşdür, susmaq qızıl.* (Речь – серебро, молчание – золото.) Как видно из вышеприведённой пословицы, азербайджанцы высоко ценят умение красиво говорить, но порой не менее важным они считают умение молчать.

Для азербайджанцев недосказанное может быть столь же важным, как и то, что сказано вслух. В художественных текстах Камала Абдуллы молчание относится к глубочайшей душевной тайне, к тому, что должно остаться неизреченным, потому и «не время», и противопоставляется слову-лжи, слову-отречению. Мистический тип молчания выражен у Камала Абдуллы безмолвием (*sükuta getmək* – уйти, углубиться в самого себя), при котором распускаются цветы...

«Юноша. Слава Богу. Слава Богу. Вспоминаю. Сначала было безмолвие. Я хорошо помню безмолвие. Когда распускаются беззвучно цветы...

Женщина. Странно. Ты говоришь о безмолвии?! Странно. *Безмолвие, при котором распускаются цветы...* А потом? Что было потом?» (Пьеса «Ангел»)

Оно бывает и *полубезмолвием*, но как *общение с Богом* посредством глубокой и отчасти забытой *традиции медитации* встречается только в Долине Кудесников.

Физическое молчание встречается чаще в творчестве азербайджанского писателя, и его герои «*погружаются в молчание*», проходят «*в полном молчании*» большое расстояние, «*понимая друг друга только по взгляду*» или «*не смея произнести ни слова*» («Долина Кудесников»), они то «*сидели молча*», или «*хранили молчание*, молча свернули, промолчали всю дорогу» («И некого забыть»).

Их молчание бывает многозначительным или красноречивым, даже подозрительным: «*Его молчание по поводу авторства порою бывало настолько многозначительным, что споры стихли сами собой*»; «*От внимательного взгляда Бахрама не укрылось красноречивое молчание согласно кивнувшему головой Ф.Г.*». («И некого забыть»)

Герои Камала Абдуллы часто «ведут безмолвный диалог». Безмолвие. Но это не тишина. В этом безмолвии могут переговариваться пугающиеся друг друга голоса. Темнота погружена в безмолвие, и ночь бывает после безмолвия...

«Мубариз опешил, грустно поднял голову и, безмолвно посмотрев ему в глаза («разве ты?...»), не нашёл, что ответить» («И некого забыть»).

Хотя П.Т.Юсифова определяет существование в творчестве Камала Абдуллы таких положительных и отрицательных значений физических форм молчания как Молчание, используемое для размышления о чем-либо (Дух), Молчание как выражение обиды, Молчание как признак колебания (у Саида), Молчание как признак страха, – однако в сущности своей *молчание* в творчестве азербайджанского писателя есть *тайна*.

Японская культура – это культура молчания. Ее фундамент составляет даосско-буддийский принцип, согласно которому истина невыразима в словах. Не только в Японии, но и в других странах *«японцев называют носителями традиционной культуры молчания, культуры бесстрастной коммуникации, имеющей минимальные внешние проявления»* (Гуревич Т. М.). Склонность к молчанию и невербальным средствам передачи информации проявляется в японских пословицах и поговорках, которые отражают представления о вреде многословия и пользе молчания. Например, Хага Ясуси пишет, что японцы не любят всю информацию передавать словами, и можно говорить о «языке без языка» (*gengai no kotoba*) в Японии; по его мнению, японцы испытывают недоверие к слову и не любят объяснять.

Думаем, не случайно названием романа стала строка из Библии. В Книге пророка Ионы непокорный Богу пророк Иона произносит из чрева кита молитву об искуплении: «Отринут я от очей Твоих, однако я опять увижу святой храм Твой. Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морской травой обвита была голова моя. До основания гор я нисшел, земля своими запорами навек заградила меня; но Ты, Господи, Боже мой, изведешь душу мою из ада».

Эта же притча описана и в Коране.

«Объяли меня воды до души моей» – это роман смирения и покорности, даже когда вокруг раздаются выстрелы; это роман ледяного спокойствия, даже когда речь идет о собственной смерти. Герой романа пытается выжить в великой пустыне, чтобы сообщить китам и деревьям, что человечество погибло, и хочет остаться для них доверенным лицом, когда взорвется атомная бомба... Молчание символизирует судьбу, предназначение, неизбежное, радость слабоумного сына, который сидит в бункере, разговаривает сам с собой и молчит в одиночестве, думая, что слышит души китов и деревьев и... искупает грех, который могут смыть только воды. Таким образом, молчание также помогает писателю выразить разговор с вечностью, с миром «за гранью». Безмолвие, которое слышит его сын, показывает другую часть души, способную на ропот, на протест, что становится признаком двойственной природы героя. Смирный и покорный, он может выплеснуть свой гнев на несправедливость земной жизни и роптать на небо.

Оба писателя стремятся раскрыть двойственную сущность человека, по определению В.С.Соловьева, «божественную и низменную». Авторы вновь и вновь возвращаются к волнующему их вопросу: какая из бездн преобладает в человеке? Молчание в творчестве азербайджанского писателя предвещает тайну, тогда как у японского романиста это молчание, полное мрачного предчувствия, рождает тревожное ожидания ответа.

Автор «Долины Кудесников», не ставя перед собой задачу соблюдения хронологии или исторической строгости, пытается представить и реконструировать ту часть легенды, которая повествует о любви, предательстве, войнах и смерти, разворачивающихся по воле Господа: «Сколько врагов падет к его ногам, по воле Господа, и будет молить его о милости...» или «Только один Бог знает – сколько любви в моем сердце к тебе...». («Долина Кудесников») Автор «реанимирует» миф научно и художественно, потому что миф помогает глубже осмыслить сегодняшний день, природу, колыбель и самих себя.

Оба автора так мастерски создали параллельные миры, что можно забыть, где что происходит, когда происходит, и даже не понимать, реальность это или сон, правда или выдумка. Когда появляется хоть малейший фрагмент объективной истины, это воспринимается как откровение. Кто бы мог подумать, что в японской деревне в наше время вдруг оживут исторические события, родовые трагедии, герои со всей их жадной страсти, проклятий и мести. А в обворожительной долине разыграется притча полная нравственных и экзистенциальных вопросов, воплощающих в жизнь великую суфийскую идею: «Твоя жизнь – твой путь». В параллельных мирах, созданных обоими авторами, всегда раны лечат любовью и прощением, и они заживают.

Камал Абдулла и Кэджабуру Оэ – это писатели, которые убедили читателя в том, что хорошая современная проза может быть прочитана и воспринята наравне с классикой, независимо от культурного пространства ее происхождения. Произведения этих двух авторов – это фильтр душевных смятений, пропущенных через историю поколений, средство распознавания динамики человеческой души, индикатор внутреннего состояния героев, такой же глубокий, как последний мучительный вздох предков на страницах азербайджанского эпоса или события японского лета 1860 года.

Их творчество – и о душе, о ее оскудении, о страхе познать себя и остаться наедине с самим собой; о человеке, выброшенном в недоступный его пониманию мир; о необходимости и потребности внутренней, духовной наполненности каждого человека, из какого бы культурно-цивилизационного пространства он ни происходил, через озарение души. Озарение, которое совершается переходом от привычной реальности к той, которую можно назвать уходом в себя, в молитву, в молчание, в ино-реальность, которое и становится спасением.

О том, как рушатся приоритеты и приходится уходить в свою скорлупу. Или в замкнутое пространство круга Черхе Фелек и Долины кудесников, – у Камала Абдуллы, или в панцирь и бункер, как в собственную броню, – у Кэндзабуру Оэ. В них, как в зеркале, люди призваны, каждый по-своему, открыть истину своего бытия, спасаясь молитвой, сакральным временем и временем уединения или молчанием-тишиной.

Камал Абдулла и Кэндзабуру Оэ показывают нам, как можно восстать против себя, против своего **Ego**, если хочешь открыть в себе добро и любовь. О битве с самим собой, которую можно выиграть, только смирившись. О путешествии человека к себе и к божественности внутри себя через любовь. И тогда воды вздымаются, как мираж, очищая все вокруг, и очищают твою душу, обволакивая ее целиком и принимая в свои объятия. И ты попадаешь в Райский Сад – в Долину Кудесников!

ТИМУР БАДАЛБЕЙЛИ

(Азербайджан-Россия)

Два имени

Рассветный луч был предвестник зноя
Июньского. Так захотел Аллах,
Чтобы в пространство Азии земное
Спустился ангел с девочкой в руках.
Дитя любви, пустыни и востока,
Лишь обрела земное бытие,
Отец и мать поспорили жестоко,
И каждый дочке имя дал свое.
И четверть века плача, хохоча,
В одном сосуде –
 два чудесных дара,
Они росли – Диляра и Гунча.
Они цвели – Гунча и с ней Диляра.
Гунча – бутон, что нежности своей
Лишь аромат волшебный источает.
Услада сердца, ураган страстей,
Любовь! – вот, что Диляра означает!..
Заране не раскидывая руны,
В мужчин и в жизнь
 влюблялась вновь и вновь!
Но натянув души стальные струны,
Гунча никак не верила в любовь.
Была Гунча робка и осторожна,
Смирная поступь в жизненной ходьбе.
Но что нельзя другим, то было можно
Диляре, безрассудности рабе.
Пророчиц сторонясь и их открытий,
Гунча боялась вглядываться вдаль.
Была ж готова будущность событий
Принять Диляра:
 радость и печаль.
То заклеив друг друга, то простя,
То утешая сладко, то ругая,
Одна смеялась, взорами блестя –
Глаза закрывши, плакала другая.
Один поэт увидел деву в чайной
И он подумал: вот моя жена
Гунча!!! – ошибся именем случайно...
Ах, да, в любовь не верила ж она

Премудрые читатели, когда же

¹ В переводе с персидского Гунча – «бутон», Диляра – «возлюбленная»

Вы спросите:
 чему же верить нам?
– Скажу: Любви!..
А не словам, и даже
Не именам.
 И даже – не стихам.

В трактире

В трактире, в полночь, в непогоду,
В Средневековье, в полумгле
Сидели два чернобородых.
Стояли кружки на столе.
Сидели долго, пили много,
Устав от долгого пути.
По разным шли они дорогам,
По разным предстоит идти.
Сидели с мутными глазами,
Допив из кружек терпкий эль.
В камине догорало пламя,
А на дворе была метель.
Сидели друг напротив друга,
Две разные прожив судьбы,
Два разных очертивши круга
Вкруг не услышанной мольбы
В пустое глядя дно смиренно,
Безумно схожие с лица,
Сидели жители вселенной –
Два антипода-близнеца...

ИНТЕРМЕДИИ

к спектаклю К.Кедрова и Ю.Любимова

«СОКРАТ/ОРАКУЛ»

ХОР:

Истина в вине,
Тени на стене.
Нет вина во мне,
Вся вина вовне.

СОКРАТ:

Что ты скажешь об этом вине, Платон?

ПЛАТОН:

Что его стало меньше, чем было.

СОКРАТ:

Ты опять задаешь философский тон,
От которого тянет затылок.

АРИСТОФАН:

Но и ты, о, Сократ, задаешь вопрос,
От которого тянет софизмом.

СОКРАТ:

Что такое, по-вашему, греческий нос?
Что и варварский!.. Но со снобизмом!
Нос у варвара – для дышать и соплей,
И по ветру держать чтоб, на запад!
Вот налей мне еще. И себе налей.
Ну, понюхай, не чувствуешь запах?
Виноград успел явно перебродить:
Урожай позапрошлой осени.
Чтобы кислый привкус другим перебить,
Сюда много корицы бросили.

АРИСТОФАН:

Первый раз в своей жизни слышу! В вино
Добавляют еще и корицу!
Запишу этот способ, дельфийский, но...
Так, пожалуй, недолго и спиться.

СОКРАТ:

Что ты видишь, Платон, глядя в свой бокал?

ПЛАТОН:

Ну, допустим, в нем плавают бесы...
Вижу истину... вижу еще, облака...

АРИСТОФАН:

Неплохое название для пьесы...

СОКРАТ:

Я то же самое в бокале зрю –
и что же?
Платон мне друг, но истина дороже!

ХОР:

**Истина в вине,
Тени на стене.
Нет вина во мне,
Вся вина вовне.**

ПЛАТОН:

**То, что истина, как корица, горька –
Это так. Но скажи нам, невеждам,
Что же слаще всего и во все века?**

СОКРАТ:

Я не знаю... Наверно, надежда.

АРИСТОФАН:

**Ты надеешься, ум у Милета квёл,
Слишком короток? Он же сутяга.
Ведь Милета длинный язык довел
До афинского ареопага!**

СОКРАТ:

**Пусть добьется казни моей Милет,
Я не стану взывать и к Афине –
Между жизнь и смертью разницы нет...**

АРИСТОФАН:

Что ж живешь ты?

СОКРАТ:

По той же причине.

ПЛАТОН:

Этот подлый Милет поднял круговерть...

СОКРАТ:

Знаю я, что не знаю, что будет...

ПЛАТОН:

Афиняне осудят тебя на смерть.

СОКРАТ:

Их природа на смерть осудит.

ПЛАТОН:

На днях в мыслильне размышлял о том,
В чем больше смысла:
в праздности, в работе ль?..

Гляжу, сидит мальчишка под столом.

– Как звать тебя?

– Зовите Аристотель.

Одним вопросом он меня убил:

«Катарсис связан с радостью иль с болью?»

Я этого мальчишку полюбил...

АРИСТОФАН:

Надеюсь, платонической любовью?

СОКРАТ:

Мы, как три лягушки, что квакают в нос,
Зеленея от тостов во здравие.

ПЛАТОН:

Сократ, ты с лягушками нас соотнёс?

АРИСТОФАН:

Неплохое для пьесы заглавие...

ПЛАТОН:

Что трудней всего в жизни?

СОКРАТ:

Себя познать.

АРИСТОФАН:

Что же легче?

СОКРАТ:

Давать советы.

АРИСТОФАН:

Я, Сократ, одного не могу понять...

СОКРАТ:

Все пройдет, в том числе, и это.

«Не подумай чего там недоброго,
Мне не то, чтобы пить и кутить –
Мне Валерик дал книжку с автографом,
Только надо ее оплатить».¹

Времена были труднодоступными,
Кто умел как-то жить, тот и жил.
Я шел с дела с купюрами крупными
И, конечно, трояк одолжил.
А потом началось... Девальвация,
Перестройка, нехватка стропил...
И решил никуда не соваться я,
А на сцену играть поступил.
И – увидел его за кулисами,
Он сморкался и плакал в кашне.
Я не грезил уж больше актрисами,
Только он мне являлся во сне.
Я, игрою его очарованный,
Все кричал ему «браво» и «бис».
Говорил, мол, желаю здоровья Вам,
Вы – мой самый любимый артист!
Как-то раз он слезою наполнил глаз,
Видно, книжку с утра прочитал...
И сказал мне тихонько:

«Я помню Вас...»

А затем три рубля отсчитал.
Я хотел на него разозлиться!..
Но припомнил святые слова:
*«Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!..»*²

На день рождения известного сценариста и кинорежиссера Леши (Алексея) ЧУПОВА

Не вживляли мне чипов,
Я не драпал от ЧОПов,
Не шугался я скрипов
Под шагами циклопов.
Не вставляли мне кляпов
И не ставили клипов,
Майку, алым заляпав,
Не сдирали мне слипов.
До простенка дочапав,
Где лежит моя печень,
Не пугал я сатрапов,
Что режим их не вечен.
Толком век не пощупав,
Я тонирую вздутость...

¹Близкий друг Ивана Бортника Валерий Золотухин перед спектаклями в фойе Театра на Таганке продавал свои книги, чтобы окупить издание новых.

²Любимая песня Ивана Бортника.

Упаси меня Чупов
Жизнь с кино перепутать!..

На 35-летие ТАГАНКИ (а-ла Бродский)

Плывет в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
седой кораблик «Ю. Любимов»,
и спорить с ним скорей не надо,
чем надо. Это утверждение
верно всего наполовину.
Оно равно углу паденья
плюс Каталина.¹

Плывет в тоске краснокирпичной,
(его оттенки не тревожат)
певец, по случаю столичный,
и он не плыть уже не может...
За ним плывет тоскливый танец:
артистов пара, пара резвых
артисток, следом пара пьяниц
и пара трезвых.

Плывет в тоске пост-юбилейной,
припорошённый майским снегом,
театр. Блуждает смысл келейный
в любви народа к этим стенам...
Тоскливо, как и майский иней,²
как жрать с писателями ханку,²
любить другие театры и не
любить Таганку!..

К 75-летию Народного артиста Азербайджана Фархада БАДАЛБЕЙЛИ

На дворе в Шуше был позапрошлый век.
В Карабахе, в сердце благостной земли
Появился славный мальчик Бадал бек.
И пошло, поехало...
Бадалбейли!..

Променяв на вечер тенор на фальцет,
Покорив подмостки в образе Лейли,
Может, первым, но не крайним был Ахмед:
Есть актеры с именем
Бадалбейли!

¹Последняя супруга Ю.П.Любимова, Каталина Любимова (Кунц).

²Жаргонное название наркотиков и медицинских препаратов, содержащих наркотические (как правило, опиумные) соединения.

Если б только это можно было, я б...

Я б спросил:

«А как Вы первым стать смогли,
Первым в музыке, müəllim Афрасияб,
Может, потому что Вы –
Бадалбейли?»»

Просто, как до-ре-ми-фа, как соль-ля-си,
Изваяв свои сандалии в пыли,
Наконец пройтись по улице Шамси –
А в Баку другой и нет –
Бадалбейли!..

Теплый, терпкий апшеронский аромат
Обволакивает клавиши вдали.
Позывные посылает нам Фархад...
Как – какой?..
Такой один – Бадалбейли!

Кстати, помните студентка па-де-де
Здесь играла?
Вы талант в ней разожгли.
Лала... Лалочка...¹ Была Гусейн-заде,
Только и она теперь
Бадалбейли!

Рифмоплет, артист,
киношник, балагур,
На Таганке тридцать лет мои прошли.
Все в порядке.

С юбилеем!..

Я – Тимур,

Я приехал.

Я в Баку.

Бадалбейли...

НОСНУ

(Пародия)

«Хочу на Арбате с тобой...»

(из сетевой поэзии)

Хочу с тобою на Арбате!..
Хочу с тобою на Тверской.
Хочу с тобою на закате
Посередине Поварской.

¹Ученица юбиляра, невестка автора.

Хочу с тобою на Покровке
И на Неглинной поутру,
На Маросейке, на Петровке
И там, где памятник Петру.

Хочу с тобой на Маяковке,
На серой ветке (но в конце).
Хочу с тобою на Ольховке,
На третьем транспортном кольце.

Хочу с тобою на Суцевской,
И где театр стоит Большой,
И на Большой хочу Филевской,
И на Очаковской Большой.

У Александровского Сада,
На улицах на букву «Сэ»,
И на пересеченье МКАДа
Хочу с Осташковским шоссе.

Хочу с тобою на Полянке...
И в том не вижу я греха,
Чтобы хотеть на Якиманке,
А также на ВДНХ!..

Хочу с тобой на Ленинградке,
Хочу с тобой на Беговой,
И, если будет все в порядке,
То в Лужниках хочу с тобой.

На четной стороне Рязанки
Хочу с тобою до зари,
На охраняемой стоянке
По Селезневке, 23.

И на аллее Космонавтов
У нас нашлось бы много дел...
И на шоссе Энтузиастов
Я тоже бы с тобой хотел!

Хочу с тобою на Солянке,
Хочу на площади любой,
И уж конечно на Таганке –
Хочу!..
И именно с тобой!..

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Н О В Е Л Л Ы

Модель

День начинался тяжело. Нужно вставать и идти на тренировку, а после вечернего даже мысль о том, чтобы поднять голову с подушки, вызывала приступ мигрени. Лера перевернулась с боку на бок, покрепче завязала развязавшийся головной платок и закрыла глаза. Мобильник она предусмотрительно отключила еще накануне. «Вот все думают о том, как хорошо быть моделью, какая у нас замечательная жизнь. Вышла на подиум, прошлась кошачьей походкой и, пожалуйста, купайся в шампанском, отдыхай на Багамах, покупай шмотки в бутиках. Вообще живи на полную катушку. Им бы на мое место, хоть на один денек! Посмотрела бы я на их физиономии. А ведь нужно быть свеженькой. Как сказал тот тип в жутком пабе? «Свежа, как нераскрывшийся бутон розы». Интересно, сам придумал, или где-то услышал?»

В тренировочном зале Лера крутила педали и продолжала думать о нелегкой судьбе манекенщицы. Диеты, тренировки, кастинги, а самое главное – бесконечная зависть, злоба, сплетни. Какими изобретательными могут быть коллеги по бизнесу, Лера выяснила, только когда захотела стать настоящей моделью, участвовать в дефиле, а если повезет – в фотосессиях известных домов моды. Подруги придумывали сложные каверзы. Самая невинная – это вечернее платье, слетевшее с девушки в тот момент, когда она, обольстительно улыбаясь, проходила мимо одного из сильных мира сего. Подруги просчитались. На Лере, как на античных богинях, ничего под платьем не было. Она гордо прошествовала далее в костюме Евы и сорвала бешеные аплодисменты. Это позволило ей немного приблизиться к заветной цели. Много усилий пришлось приложить, чтобы попасть на самую нижнюю ступеньку чрезвычайно крутой и скользкой лестницы, ведущей вверх, на вершину гламурных журналов. Самое большое ее достижение: фото в одном из модных итальянских журналов. Правда, не самого престижного, не для элиты, а скорее, для домашних хозяек. Сколько пришлось потрудиться, через какие тернии пришлось пройти, страшно вспоминать. Фото получилось отличным. Ее всегдашняя проблема – прыщавая нечистая кожа, не омрачила небесного облика девушки, улыбающейся с разворота журнала. Кожа лица выглядела безупречной. Все достоинства умело подчеркнуты: налитая грудь, тонкая талия, длинные ноги. Журнал теперь лежал в гостиной лондонской квартиры ее друга, на низком столике со стеклянной столешницей, рядом с другими журналами и книгами. Бестселлер Умберто Эко «Маятник Фуко» прекрасно смотрелся на фоне яркой обложки итальянского журнала. Соседство двух, казалось, несовместимых изданий: серьезной интеллектуальной книги, с экскурсами в историю тамплиеров, ставших вдруг популярными в начале XXI века, и глянцевого журнала, – неизменно производило впечатление. Невольно возникал интерес к особе столь широкого диапазона.

Лера поняла еще в детском возрасте, что хорошенькое личико и стройная фигурка без остальных составляющих не смогут открыть ей путь в богатую и веселую жизнь. Чтобы добиться настоящего успеха, нужно стать интересной женщиной. Уметь одеваться, накладывать макияж, двигаться, уметь поддерживать беседу, говорить на иностранных языках. Конечно, бывают счастливые исключения, счастливые Золушки. Например, Наталья Водянова, жена английского лорда. Все знают, что она торговала фруктами на базаре в Нижнем Новгороде. А сейчас!!! Но это скорее исключение из правил. Целая армия золушек штурмует модельные агентства, а везет единицам. Все

равно, что сорвать джекпот. Должно сказочно повезти, и не один, а много раз, чтобы оказаться там, где сегодня обитает бывшая замарашка. Лера не хотела ничего пускать на самотек. Она будет успешной женщиной, у нее для этого есть все необходимое, начиная с тяжелого детства, как у Водяновой, и кончая высоким ростом.

Детство у модели не было стопроцентно тяжелым. Она жила с мамой в русском провинциальном городе, со всеми прелестями российской глубинки. Русская женщина, та, что «в горящую избу войдет, коня на скаку остановит, посмотрит – рублем одарит», везла на своих плечах воз семейной жизни. В школе Лера прочла это стихотворение Некрасова и почему-то сразу же подумала о своей маме. Нет, ее мама работала продавщицей в бакалее и особых подвигов не совершала. Однажды, когда Лере было лет десять, она пришла к маме в магазин за шоколадкой. К ее красивой маме приставал какой-то пьяный мужчина. Всегда строгая вежливая мама вдруг стала ругаться словами, которые девочка слышала иногда от пьяных мужиков, но не могла даже представить, что ее мама способна выговорить такое. В тот день она много плакала. Она решила, что в ее взрослой жизни не будет стояния за прилавком по десяти часов кряду, ни пьяных рож, ничего подобного тому, что составляло жизнь ее любимой мамочки. Мама в тот злополучный день не заметила свою Лерочку, стоявшую в уголке, и не смогла выяснить причину горьких слез своей единственной настоящей радости: белокурой, синеглазой доченьки.

Лера прекрасно усвоила урок. Мама не совсем такая, какой ей хотелось казаться. С дочерью она была строгой, требовательной, даже вредной иногда, но всегда очень правильной. Если мама вдруг обращалась к ней «Валерия», – это значило, что она сердится и нужно срочно делать так, как она хочет. Мама научила Леру выразительно читать стихи. Заставляла следить за интонацией. В школе на уроке литературы учительница, когда ей хотелось отдохнуть душой от нерадивых двоечников, обязательно вызывала к доске Лерочку, и она чувствовала себя настоящей артисткой. Еще у нее в памяти сохранилась картинка городского парка в воскресный вечер, куда они ходили с мамой гулять, и где можно было полюбоваться на нарядных горожан. Красиво одетая Лера шла прямо, с поднятой головой. Побегать, полазить по деревьям, наестся кислых ворованных яблок, жарко целоваться в кустах с мальчиком из класса – это то, что маме знать не полагалось. Во взрослой жизни Лера поняла, что и она в свою очередь не знала многого о своей мамочке. Когда девочке исполнилось пятнадцать лет, она вполне созрела для того, чтобы принимать решения. Как всегда бывает в такой ситуации, тут же подвернулся подходящий случай.

Лерина тетя еще в молодости вышла замуж и уехала в город Баку. Тетя написала своей сестре, что девочка может прекрасно устроиться в этом богатом городе, вместо того, чтобы прозябать в российской глубинке. Баку набирает силу, новый нефтяной бум улыбается смелым и наглым. В городе есть все, что нужно девочке, мечтающей о богатстве и успехе. Город становится одной из нефтяных столиц мира, а это значит, что в нем полно богатых иностранцев, а также местных богачей, способных по достоинству оценить молодость и красоту. Тетя не написала, чтобы не испугать родню, что вместе с безумными деньгами сюда также устремились разного калибра и окраски бабочки, летящие на свет нефтяных долларов, горящих ярким пламенем в отелях, ресторанах и барах столицы.

Вхождение во взрослую жизнь оказалось тяжелее, чем непростые события детской жизни. Лера училась в техникуме на кулинара, а самое главное – пыталась найти плодотворную жилу, благодаря которой она станет по настоящему свободной. Учиться не составляло труда. Самое главное, вовремя платить. Вот в баре, куда она пришла в первый раз вместе с новой подружкой, она испугалась. Яркие, веселые девушки, красиво одетые, щебечущие на английском, порхали вокруг затрапезного вида иностранцев. Лера вдруг почувствовала себя настоящей бедной родственницей, чужой на «празднике жизни». Ей захотелось уйти, и тут случилось то, что случается очень

редко. Невидимая фея, вероятно, та же, что подарила в свое время хрустальные башмачки другой бедной девочке, подвела к ней молодого интересного человека, заметно выделяющегося из общей массы клиентов. Молодой человек оказался одним из успешных менеджеров богатой нефтяной фирмы. Опытный, несмотря на кажущуюся молодость, он наметанным глазом определил дебютантку. Дальше все складывалось как нельзя лучше. После нескольких месяцев страстной любви менеджер отправил девочку на учебу в Англию, в лицей средней руки: навести необходимый лоск. Первое время они перезванивались каждые два часа. Затем каждые три. Затем стали посылать друг другу меседжи по мобильнику. Следующий этап — письма по электронной почте. В один прекрасный день (погода для Англии в самом деле стояла замечательная: сухая и солнечная), Леру вызвали к директору лицея, объявившего ей, что поскольку было оплачено два семестра ее учебы, которые подходят к концу, то ей необходимо позаботиться о дальнейшей оплате, в противном случае ее отчислят. Лера засмеялась, настолько нелепым показалось ей заявление директора лицея. «Как он может сомневаться, что я заплачу за учебу? Старый надутый индюк! Мой милый мечтает о том дне, когда я буду говорить и вести себя в обществе, как настоящая английская леди». Однако милый не спешил с оплатой, хотя ответил на Лерино тревожное письмо. Вскоре наступил ледниковый период отношений. Любимый не отвечал ни на звонки, ни на письма. Умная девочка скоро догадалась, что любимый, вероятно, осчастливил очередную дебютантку. Из лицея пришлось уйти. Лера, однако, не оставила своих наполеоновских планов и продолжала работать в выбранном направлении. Стала посещать небольшую школу для моделей, куда она вложила свои последние деньги. Здесь учили тому, как ходить, как смотреть, улыбаться. И самое главное, как выразительно молчать. Мужчины, — ведь это они, в основном, издают и покупают журналы с красивыми сексуальными моделями, — так вот, они ждут от красивой женщины, что она озарит их быт, заставит волноваться, вернет утраченное вдохновение, при этом не сильно напрягая. Лера обошла все агентства, оставила везде свои портфолио с фотографиями и приготовилась ждать. Оставшись с одним фунтом в кармане, она устроилась на работу официанткой в пабе. Здесь ей повстречался тот, с кем она начала свое упорное восхождение на вершины гламурного Олимпа. Мужчина в полном расцвете сил. На двадцать пять лет старше Леры. Успешный ирландский бизнесмен. Рыжий, конопатый, веселый. Этим и еще манерой легко тратить деньги он подкупил новенькую симпатичную официантку. С ним она почувствовала себя если не английской леди, то во всяком случае достаточно умной и воспитанной девушкой. Ему не нужны были манеры и лондонский выговор. Вполне достаточно смазливой мордашки, молодого тела и покладистого характера. Теперь она могла расслабиться. Джим выполнял ее простые капризы, ни разу не поморщившись. В какой-то момент ей даже показалось, что именно в этом и заключается счастье. В простых отношениях, в отсутствии сверхзадач. Но когда она заговорила о том, что не мешало бы как-то оформить их отношения, Джим из весельчака и зубоскала превратился вдруг в угрюмого медведя, разбуженного посреди зимы. Лера не стала настаивать, тем более, что раздался долгожданный телефонный звонок. Говорили на плохом английском, впрочем, точно таком же, на каком говорила и сама Лера. Ей предложили сняться для итальянского журнала. От неожиданной удачи, девушка потеряла голос. Она только и смогла сказать «Si». На другом конце провода мужской голос приобрел особый завлекательный оттенок. «Si, signorina, si». «Какой музыкальный, красивый язык, этот итальянский, обязательно выучу его». Она долго готовилась объявить эту новость Джиму, предполагая, что он опять превратится в ворчливого медведя. Отсутствие опыта сказалось. Лера ошиблась. Джим не только не расстроился, наоборот, обрадовался. «Моя маленькая беби станет известной моделью. Все будут завидовать мне и говорить: Джим, как тебе повезло с твоей малышкой!». Его восторга хватило на то, чтобы оплатить Лерину поездку в Италию.

Не обошлось без банальных разочарований. Редактор журнала, дряхлый любитель молоденьких моделей, не внушал никакой симпатии. Пришлось Лере вкусить все прелести модельного бизнеса: пройти через его постель, вернее, кожаный диван, ставший знаменитым в известных кругах. Подобное общение не прибавило ей радости жизни, зато особенно ценным показался результат титанического труда: красивый глянцевый журнал с Лериными восхитительными фотографиями.

Сама работа, то есть фотосессия, прошла без сучка, без задоринки. Лишь одно замечание, которое она попыталась сделать, вызвало снисходительную усмешку фотографа. Он попросил девушку прикусить пальчик и с томным видом посмотреть на него.

— А можно я просто посмотрю на вас? Я умею это делать выразительно, — английский язык модели уже позволял выразить достаточно сложную мысль.

— Не сомневаюсь, но только не стоит учить меня профессии. Я знаю, что будет продаваться лучше всего. Мужчины точно оценят именно эту фотографию.

Лере пришлось подчиниться. Поглядев на фото, она вдруг обнаружила новую Леру, как ей показалось, не имеющую ничего общего с ней настоящей. Вместо молоденькой девушки на нее тяжелым зовущим взглядом глядела женщина-вамп. Позже она признала правоту фотографа: это фото больше всего разглядывали мужчины.

Ей не удалось поймать волшебную птицу удачи за хвост на этот раз. После выхода в свет журнала, ей не поступило ни одного серьезного предложения. Вероятно, Лере не хватало какой-то изюминки для того, чтобы стать желанной в Доме высокой моды. Капризная хозяйка fashion не заинтересовалась вчерашней замарашкой, она равнодушно прошла мимо, одарив своей щедрой улыбкой другую счастливицу.

Лера, умная девочка, поняла причину своего фиаско. В тот осенний сезон на подиуме и в журналах царили «хищные кошки», с ярко выраженным огненным темпераментом, одетые в леопардовые наряды. Несмотря на стиль вамп, своим северным прозрачным обликом она все-таки напомнила итальянцам не очень любимую ими холодную зиму.

Вернувшись в Лондон, Лера все еще под впечатлением недавнего недолгого успеха посмотрела американский фильм «Джиа», о судьбе модели, с Анджелиной Джоли в главной роли. Рыдала всю вторую половины кассеты и вдруг поймала себя на мысли, что уже не знает, хочет ли она, как прежде, звездной карусели.

Судьба Леры еще раз круто переменялась, когда Джиму предложили работу в Баку в одной из очень успешных мировых компаний. Обещанная зарплата менеджера иностранного происхождения наводила на приятные размышления о том, как чудесно можно спланировать свою жизнь, попав в этот удивительный город ветров. То, что это город ветров, Джим узнал из Интернета. Естественно, прежде всего он посетил сайты для экспатов. На них он нашел немного обескураживающую информацию, где уточнялось, что это город в зоне военных действий с перебоями в энергоснабжении и водоснабжении. Медицина на низком уровне, и в случае самой простой проблемы со здоровьем, например, если заболит зуб, настоятельно рекомендуется немедленно возвращаться на родину. Джим не знал, что и делать, до той минуты, пока он не рассказал о заманчивом предложении Лере. Как она смеялась, увидев его огорченное лицо! Захлопала в ладоши от искренней радости. Ее красочный рассказ о новом западном облике города, приближающемся к европейским стандартам, немного облегчил душу Джиму. Особенно убедительно ей удалось поведать о ночной жизни города. Она так увлеклась, что Джим задал ей вопрос, вернувший ее из жаркого Баку обратно в зябкий Лондон:

— Можешь не стараться, я понимаю, что ты хорошо знакома со всеми барами и ресторанами. Не трудись, у меня все в порядке с мозгами. Когда мы только встретилась, я сразу догадался, где ты проводила большую часть своего времени. Не знаю, заметила ты или нет, но я никогда не расспрашивал тебя о твоих прежних мужчинах...

Лера не ответила, только прикусила язычок и дала себе слово, что сделает все возможное и невозможное, чтобы стать успешной женщиной и больше никогда не зависеть от прихоти и настроения даже самого симпатичного мужчины. Она станет самодостаточной особой, которая может себе позволить все, в том числе и выбрать себе мужчину.

Возвращение в город ветров стало для нее подарком. Она с удовольствием ходила по улицам, успевшим перемениться. Однажды она случайно встретилась со своим первым возлюбленным. Он шел упругой спортивной походкой по пешеходной зоне одной из центральных улиц. Сердце девушки забилося, как у испуганного воробушка. Ей пришлось остановиться и перевести дух. Лера испугалась прежнего чувства и прибавила шагу, стараясь ни в коем случае не попасться на глаза тому, кто сделал ее сильнее, мудрее и циничнее.

С Джимом она появлялась иногда в барах, ресторанах. Но частенько он развлекался один. Одна с прежних подруг, увидев, как Джим мило беседовал с высокой жгучей брюнеткой, сидевшей за стойкой бара, не поленилась, позвонила к Лере, чтобы спросить:

— А ты не боишься потерять дружка? Вон сколько девушек вокруг. Все молодые и хорошенькие. Он у тебя бродит, как неприкаянный.

— Я не боюсь! Он на двадцать пять лет старше меня. Если ему нравится резвиться, пусть резвится, я не буду ему мешать.

И все-таки слова подруги подстегнули ее. Она стала брать частные уроки, чтобы запастись хоть какой-то гарантией на случай, если и Джим захочет стать прежним вольным холостяком и перестанет оплачивать ее счета, наряды и развлечения. Она брала уроки делового английского, французского, турецкого языков, искусства макияжа, а также уроки плавания, сгоняла лишние килограммы на тренажерах, занималась бальными танцами. У нее был свой личный шофер, возивший ее повсюду. Лера жила жизнью, о которой когда-то мечтала в далеком провинциальном русском городке. Заходила иногда к тете, теперь не только для того, чтобы выслушать наставления, а наоборот, чтобы показать, какая она успешная и как ей все удается. Убедившись в том, что тетя все меньше отвечает на провокации, она сказала целую речь о том, как нужно воспитывать детей и какой она станет матерью, когда у нее родятся дети. «Я буду с ними разговаривать на иностранных языках. С девочкой я буду говорить по-французски, с мальчиком — по-английски. У меня будет двое детей, а может, еще больше. Не так, как у моей мамы, я одна. По-другому. И у моих детей будет все. Все, что они захотят. Конечно, у них будут няни. Обязательно с хорошими рекомендациями. Сейчас не знаешь, на кого можно напороться. И обязательно, чтобы няня была немолодая. Еще я буду брать с собой детей в бары. Да, да, не смейся... Нужно, чтобы они с детства знали, что это такое. И ни в коем случае не буду их обманывать. Как моя мама, мне говорила всегда, что у нее в стакане сок. Я, дурочка, верила. Я своим детям скажу, что это не сок, а алкоголь, и пусть они знают, что это такое. Чтобы они знали.. Знали...» Лера заплакала.

Для того, чтобы приблизиться к нарисованной идиллии, придется потрудиться. Прожив с Джимом около двух лет и убедившись в том, что ирландскому весельчаку не хочется обременять себя семейством, Лера с блеском решила поставленную задачу. Убедила своего друга в том, что расставаться нужно красиво, а это значит, что ему придется заплатить за счастливую, насыщенную сексом и любовью жизнь в течение двух лет. Уроки делового английского не прошли даром. Она убедительно объяснила Джиму все преимущества дальнейшей их дружбы, рассказала о своих планах вернуться в родной город и открыть там модельное агентство и, конечно, запросила подъемные. Очень солидные. Джим не моргнул и глазом. Оказался настоящим мужчиной, Лере повезло. Он согласился на все ее условия. Лера уезжала победительницей, заранее предвкушая, как она осчастливит мать, и какой крутой дамой станет уже через год.

В родном городе Леру встречала мама, помолодевшая, посвежевшая, и не одна, с каким-то высоким мужчиной, нежно державшим ее под локоток.

— Познакомься, Лерочка — это мой муж Аарон. Он бизнесмен из Ирландии, занимается модельным бизнесом и рекламой. Мы с ним поженились две недели назад. Ты так раз вовремя приехала, мы с Аароном открыли первое модельное агентство в нашем городе и очень хотели бы, чтобы ты стала лицом нашей компании...

Ген счастья

«Британские ученые собираются улучшить породы некоторых собак. Бульдоги, бульмастифы, таксы страдают от различных заболеваний в силу физического несовершенства. Ученые предлагают поменять их облик, изменив некоторые гены данных животных, что позволит им излечиться от многих болезней». Диктор продолжала рассказывать о других новостях, а человек у телевизора погрузился в размышления.

«Добрались до собак. Начинают влезать в генетический код собак. А если учесть, что собака самый верный спутник человека, то следующим в списке на усовершенствование обязательно будет человек. Как же, припоминаю, совсем недавно прошла информация о том, что изменили ген, отвечающий за возможное развитие наследственной болезни у британской девочки, вернее у зародыша, ставшего вскоре девочкой. И попросила об этом ее мать. А кто может поручиться, что эта информация не является верхушкой айсберга? А вдруг мы ходим по улицам городов, населенных клонами и генетически модифицированными людьми, а может быть, телеуправляемыми роботами. Погружаемся в виртуальный мир, где явь и буйная фантазия разработчика нового мира сливаются в клубок. Поиск совершенства в понимании автора идеи, своего рода гламура, в реальной жизни превращается из кошмарного сна в нашу реальность», — Питер встал, прошелся по комнате. Представил себе, как бы изменилась жизнь его близких, родись они с идеальным генетическим кодом. Без единого физического изъяна, с отменным здоровьем, без наследственных моральных пороков. Его дядя с материнской стороны, Джон Голдсмит, горький пропойца, дожил до преклонных лет, сведя в могилу двух жен, отчаянных трезвенниц и примерных прихожанок церкви святого Патрика. Представить его трезвым, благообразным Питеру не удавалось. Это был бы совершенно другой человек, будь у него в свое время удален ген, отвечающий за склонность к спиртному. С приятной, располагающей внешностью, здоровым цветом лица и, вероятно, одной единственной цветущей счастливой женой и множеством ребятишек.

А его тетка с отцовской стороны, Полина. Старая ведьма, с которой не смогла ужиться родная дочь, добрая и симпатичная женщина. Настоящий пример вампира. Вампиром обычно представляют худосочное существо, со смертельной бледностью на челе, страшными клыками и безумными глазами. Так вот, тетя Полина никак не подходит под это описание. Дородная тетка, с отменным аппетитом, способная съесть целого поросенка за один присест, громоподобным голосом, пронзительными хитрыми глазами — в реальной жизни настоящий энергетический вампир, питающийся скандалами и ссорами. У нее удивительная способность создавать вокруг себя атмосферу вражды, конфликта, войны. Она находится в состоянии перманентной войны и получает от этого заряд бодрости и долголетия. Выпив оптимизм, надежды своего близкого, она расцветает, словно напившись человеческой кровью. Отними у нее ген вампиризма, и она превратится в старушку, божий одуванчик. Наверное, она давно бы умерла, утомившись собственным совершенством.

А жена его двоюродного брата, Мэгги! Такую жадину, как эта женщина, еще поискать. Ее ум, имеющий четко выраженную направленность, работает без отдыха день и ночь. Возможные способы отъема денег — вот что стало смыслом ее жизни.

Жирная, с тройным подбородком, с заплывшими глазками, елейным голоском и мягкими манерами, она оставляет впечатление доброй сострадательной женщины, которой так и хочется поплакаться в жилетку. Впечатление не просто обманчивое, оно чревато ужасными последствиями. Стоит жертве расслабиться, как она тут же попадет в умело расставленные силки, и нет ей спасения. Мэгги обобрала до нитки столько родственников, что ее обходят стороной, как если бы она была больна чумой, и общение с ней грозило летальным исходом. Теперь только незнакомцы, случайно забредшие на огонек, могут попасться ей на крючок. Без гена жадности представить Мэгги невозможно, но случись такое чудо, ее натура... Нет, Питер не смог представить жену брата доброй. Это была бы совсем другая женщина, но никак не Мэгги.

Сегодня у Питера свидание с новой знакомой, совсем девочкой, только окончившей колледж. Ее зовут Айша, она азиатских кровей, что видно сразу по ее характерной внешности. Познакомился он с ней по долгу службы. Для рекламы последней модели домашнего миксера он искал именно такую азиатскую внешность, рассчитывая сделать акцент на признанные в Европе качества азиатской прислуги. Девочка, по его мнению, должна быть миленькой, но в меру, прежде всего, чтобы не слишком контрастировать с вероятной хозяйкой: бесцветной среднестатистической европейской домохозяйкой. Неделю он прогуливался мимо колледжа, где по его сведениям училось несколько выходцев из Азии. Айша сразу обратила на себя внимание легкой походкой и удивительной манерой смотреть на людей. Она делала это открыто, не так, как обычно смотрят девушки, украдкой. Айша откровенно разглядывала своего визави, вызывая у некоторых страдающих комплексами персон недоумение и неприязнь. С Питером этого не случилось. Наоборот, ему понравились ее открытость и уверенность в себе. Он подошел, представился и подробно объяснил девушке, что ему от нее нужно. Она не смутилась, не удивилась, а рассмеялась:

— Обычно это я делаю такие предложения своим моделям. А теперь мне даже интересно поменяться ролями

Из разговора выяснилось, что Айша собирается стать профессиональным художником. Ее манера разглядывать людей объяснялась просто. Айше хотелось разглядеть малейшие подробности каждого человеческого лица, запомнить выражение. Познакомившись с ней ближе, он убедился в том, что она могла застыть на месте, разглядывая куст, кошку, необычную ветку, воробья, раскачивающегося на ветке, долго смотреть на то, как капли дождя стекают по пыльным листьям в городском парке. Когда Питер рассказал ей о том, что хочет сделать её лицом фирмы, выпускающей домашнюю технику, она не удивилась:

— Нормально! Кого еще можно представить в качестве прислуги, которая пользуется этой техникой? Только азиатку, — Айша грустно улыбнулась.

— Напрасно ты обижаешься, я просто отвечаю социальному запросу, не более того.

— Я не обижаюсь. Когда я стану известным художником, возможно, я поменяю мнение европейцев об азиатах. Кто знает?

Питер пригласил Айшу в студию и сделал серию фотографий, одев ее в закрытое платье, украшенное белоснежным фартучком. На фотографиях Айша выглядела привлекательно. Глядя на нее, хотелось сейчас же обзавестись домом, в котором главное место занимает просторная кухня со всеми причудами. И все же Питер задал себе дурацкий вопрос, волновавший его весь месяц. «Интересно, что бы мне хотелось поменять у этой девушки. Она такая миленькая, но вот ее манера разглядывать людей неприятна. Я, профессиональный фотограф, никогда не позволяю себе этого делать. Могу обратить внимание, естественно, но так, чтобы пялиться, как она, — никогда».

Молодые люди виделись несколько раз, но отношения не получили развития. Питер с успехом провел рекламную кампанию, бытовая техника новой фирмы продавалась на ура. А когда его спрашивали о его модели, он принимал загадочный вид, и только.

Все это время в поле его зрения попадали люди, животные, растения, имеющие ярко выраженные недостатки. Все, что он видел, требовало вмешательства, все было несовершенным. В самом начале странного периода его жизни, наступившего после того, как он узнал о новых возможностях, щедро предлагаемых наукой несовершенному миру, он активно выступал против вмешательства людей в божественный замысел природы. Но чем больше проходило времени, тем чаще он ловил себя на мысли о том, какая красота и гармония могли царить в мире, если люди воспользуются небывалым шансом поправить явные ошибки природы. И еще одно обстоятельство стало его огорчать. Раньше он равнодушно, а иногда и с сочувствием смотрел на старых людей. А теперь все поменялось. словно близорукий человек, надевший очки, он вдруг увидел стариков в истинном свете. Они не только утратили былую привлекательность, но приобрели карикатурную внешность и отвратительный нрав. А то, как они двигались, говорили, смеялись, в лучшем случае могло вызвать чувство жалости. «Вот если у людей удалить ген старости, появится надежда на то, что все будут оставаться молодыми и прекрасными до конца жизни». Один вопрос оставался нерешенным — вопрос о смерти. Питер заметил за собой еще одну странность: он стал активно избегать всего, что могло вызывать раздражение и напомнить о несовершенстве мира. Он старался встречаться с людьми, доставляющими ему радость. При малейшем подозрении на то, что человек, с которым ему предстоит встретиться, тем или иным образом может испортить ему настроение, он отказывался от встречи. Вскоре Питеру пришлось признать, что такое поведение сильно мешает ему в карьере, да и в личной жизни. Из его круга общения исчезли многие знакомые, переставшие отвечать его представлениям о совершенстве. Сначала он перестал общаться со своими неприятными родственниками, теми, чья натура кричала о необходимом вмешательстве генетиков. Затем он перестал общаться с пожилыми людьми, не перенося их физического и морального несовершенства, а уже потом он прервал все связи с людьми, имеющими ярко выраженные особенности: странную манеру говорить, смотреть, смеяться. Осталось несколько человек из его когда-то большого круга общения, с кем он иногда виделся. Свое жилище, где прежде царил живописный хаос, он оформил в новом стиле. На стенах — пейзажи пронзительной, завораживающей красоты. Стилизованные в лучших традициях гламура лица девушек. Совершенные линии. Минимум мебели, аппаратура, встроенная в стены. Интересная цветовая гамма. Мир, созданный его воображением. Когда к нему приходила очередная девушка, чтобы заняться любовью, он требовал от нее такого же совершенства, как и всё, что ее окружало в квартире у Питера. Она должна была красиво стоять, сидеть, пить из высокого бокала, изящно склоняя шею; смотреть на него долгим взглядом, снимать одежду рассчитанными артистичными движениями, целоваться страстно, но не вульгарно. Питер стал потреблять жизнь осторожно, красиво обставляя каждое мгновение жизни, стараясь не нарушать хрупкую гармонию своего мира. Он увлекся японской живописью и поэзией, плавно перетек в средневековый готический роман. Современность, окружавшая его, постепенно отходила на второй, а потом и на третий план. Он перестал смотреть телевизор, не понимая, как он мог терпеть всю пошлость, что льется с экрана. Как-то ему на глаза попала книга китайской придворной дамы. Дама прислуживала последней китайской вдовствующей императрице Сикси в Запретном городе. Редкостная книга, где впервые свидетель событий рассказывал о том, что многие века было скрыто за стенами целого города,

куда не мог проникнуть не только иностранец, но и китаец, не имеющий отношения ко двору императора. Питер восхитился совершенством, продуманной красотой каждой минуты бытия императрицы. Желание сделать следующий миг еще прекраснее, чем предыдущий, показалось Питеру главной заботой этой выдающейся личности. Его не смутили попытки придворной дамы принизить облик ее хозяйки. Самым красивым предметом во дворце придворная дама назвала ночной горшок в виде дракона, сделанный с большим искусством. Эта деталь еще больше убедила Питера в том, что только избранные, вознесенные провидением на вершину, могут оценить и понять красоту, и только им судить о том, что прекрасно, а что нет. Он проникся философией императрицы, не желающей видеть того, что претило ей, что вносило дисгармонию и нарушало каноны красоты. Он принял и то, как она расправилась с наложницей сына, которая, по мнению императрицы-матери, стала нарушать образ наложницы и захотела стать другом императору. Она приказала сбросить ее в колодец. Наложница должна быть красивым предметом, и если поменять ее роль, то она перестанет быть красивой. Новые фотографии Питера в полной мере соответствовали новому взгляду на жизнь. Самые банальные сюжеты, которые ему предстояло снять, превращались в поиски изысканных форм, весьма далеких от реального положения дел. Снимая сюжет о проститутках, проданных в страшный подпольный бордель предприимчивым дельцом из Средней Азии, он сделал несколько снимков, которые поместили все главные мировые пресс-агентства. На фоне старинного персидского ковра он усадил на подушки полуголых девушек, курящих кальян, а между ними он поместил пальмы в кадках и ярких попугаев в золоченых клетках. После публикации фото бордель не только не прикрыли, наоборот, ему дали официальный статус закрытого клуба, а азиат стал миллиардером. Новый стиль озолотил Питера. Ему стали поручать самые безнадежные темы, вызывавшие прежде ужас, страх. Сюжет из дома престарелых, заказанный ему одним из самых престижных журналов, в исполнении Питера выглядел более чем пристойно: Интересная дама протягивает руку седовласому джентльмену у раскрытого окна, куда заглядывают ветки цветущей вишни, и лучи солнца создают нимб вокруг голов двух зрелых людей. Фото приняли с большим энтузиазмом, и многие пожилые люди, до этого не желавшие попадать в качестве отработанного материала в казенные дома, куда их сдают родные, занятые поиском пропитания, с радостью согласились на новую жизнь. Счастливую картинку не испортило известие, появившееся через несколько дней в одной из газет, где говорилось, что в далекой России сгорел дом для престарелых, а вместе с ним 25 беспомощных стариков отправились в рай. Небольшую заметку, напечатанную мелким шрифтом, забыли на второй день, тем более, что дом и старики сгорели далеко от благополучной Европы, а фото Питера кочевало по страницам самых известных изданий и набирало новых жильцов в дома для стариков.

И, конечно, Питеру поручили сделать фото, когда случилась война, и нужно было убедить молодых мужчин, а то и просто мальчиков в том, что о лучшей доле, чем доля лихого, крутого наемника, любимого родными, а главное, молодыми горячими красотками, не стоит и мечтать. С плаката, задуманного и снятого Питером, улыбался сексапильный мачо в запыленной щегольской форме, держа наперевес автомат, а рядом стояла туземная темнокожая красавица, кокетливо улыбаясь и протягивая ему фрукт, отдаленно напоминающий яблоко.

Все, кто смотрел на плакат, понимали, что война — это совсем другое, и если следовать логике войны, то туземная красавица либо должна лежать изнасилованной в луже крови, либо с лицом, перекошенным от страха и ненависти, бежать, завидев вдали вражеского солдата. Несмотря на очевидное вранье, плакат имел успех, как и все, что делал Питер. На эту войну ушло больше добровольцев, чем на предыдущую.

Питер перестал интересоваться судьбой своих фотографий, так же, как еще раньше его перестали интересовать люди, которых он снимал. Его привлекала воз-

возможность найти новый, неизвестный до него прием, позволяющий самый скорбный сюжет сделать шедевром, вызывающим если не радость, то возможность получить эстетическое наслаждение. В самом крайнем случае, легкую грусть или романтическую ностальгию. Такой позитивный настрой, ставший лейтмотивом его творчества, оказался золотой жилой. Легкие, живые деньги, способные размножиться, падали на него. Никогда еще Питер не ощущал такой легкости бытия. Все удавалось, а самое главное — у него появилось чувство, что он сумел построить фантастический дворец красоты и гармонии, совсем как когда-то китайская императрица, и уже ничто не помешает ему прожить в радости и совершенстве до конца своих дней.

В одном из журналов, случайно попавшем ему в руки, он увидел свое фото плачущей девочки, стилизованной таким образом, что горе малышки не вызывало сочувствия, а провоцировало умиление и восхищение очаровательным детским личиком. На том же развороте поместили картину, изображающую женщину, сразу напомнившую Питеру Мэгги, жену двоюродного брата. Внешнего сходства, пожалуй, не было; выражение алчности, с какой она смотрела на корзину с фруктами, точно подмеченное художником, напомнило Питеру Мэгги. Он подумал о том, что если молодая женщина с картины доживет до возраста Мэгги, то обязательно станет походить на нее еще больше. Манера художника заинтересовала Питера. Он с удивлением прочел подпись: Айша. Питер забыл о картине очень скоро и не вспомнил бы о ней, если бы в следующем номере того же журнала он не увидел портрет старухи, удивительно напомнившей ему тетю Полину. Дородная тетка, сидевшая в кресле-качалке, распространяла вокруг себя флюиду ненависти. Стоило посмотреть на картину больше минуты, и возникало чувство усталости, почти болезни. Старуха напоминала его тетку и чертами лица. Питеру не нужно было смотреть на подпись художника; он знал, чье имя он увидит. Он подумал о том, что следующим главным персонажем картины Айши станет алкоголик, похожий на его дядю, и не ошибся. Алкоголик получился чрезвычайно натуральным. Зритель, постоявший некоторое время перед картиной, рисковал отойти от нее в нетрезвом состоянии. Этот эффект проверил на себе Питер. Поглядев на картину в журнале больше пяти минут, он понял, что совершенно пьян. Странное воздействие картин Питер приписал своей впечатлительности, а затем решил проверить их действие на других людей. Ему не давала покоя мысль о том, что Айша каким то непонятным образом вторгается в его личную жизнь и разрушает гармонию, созданную с таким трудом. «Зачем она это делает? Чем я заслужил столь пристальное внимание к своей особе. Мы не стали друзьями, мы даже не были любовниками! Почему она идет по моим следам? Что ей от меня нужно? Она — маньяк и таким образом сводит людей с ума? Ее картины оказывают удручающее воздействие на людей. Неужели ей нравится вторгаться в психику и превращать нормальных людей в неврастеников?» Питер задал себе еще много вопросов, на которые не смог ответить. Единственным выходом ему показалось найти девушку и спросить у нее обо всем, что мешало ему вести прежнюю счастливую жизнь. Но сначала ему захотелось посетить своих родственников и убедиться в том, что они живы и не изменились. Что все их пороки остались при них.

Первым он решил навестить старого Голдсмита. Дверь ему открыл сам дядя после пятого звонка. Он долго держал Питера на пороге, выясняя, что тому понадобилось. Питеру пришлось поклясться, что он не собирается брать взаймы или просить о том, чтобы дядюшка сделал его наследником своего скарба. Питер повторил свои клятвы дважды, потому что старый дядюшка был туг на ухо. Первое, что Питер увидел, войдя в запущенную холостяцкую квартиру, был портрет дяди, написанный

Айшой, висевший на самом почетном месте, рядом со столиком, где обычно старый пропойца держал бутылку виски.

— Значит, я не ошибся. Она добралась до тебя. Я все таки надеялся, что ее картины — это просто совпадение! А она добралась-таки до моих неподражаемых родственников. Самых, самых... И выставляет их всем напоказ. Только зачем? Скажи, мне? Она заморочила тебе голову. Что она обещала взамен? Ты же не совсем выжил из ума, и понимаешь, что эта девка выставила тебя на посмешище. Все, кто смотрит на картину и узнает тебя, понимают, что ты конченный человек, настоящий алкоголик, и виски — это все, что у тебя осталось в жизни.

Питер не собирался читать нравоучений своему старому дядюшке, тем более что сам не мог терпеть, когда его учили жить, и все же не смог удержаться. Он ожидал, что возмущенный родственник прогонит его прочь. Дядя только покачал головой и неожиданно предложил выпить. Обыкновенно он очень бережно относился к алкоголю и делился им в случае крайней необходимости, но на этот раз Питер почувствовал, что старику необходимо излить душу, и лучшего собеседника ему не найти.

— Девочка предупредила меня, что ты заявишься ко мне и будешь возмущаться. Она как будто знала заранее, что ты будешь говорить. Как ты сказал? Конченный человек? А разве те старики, те самые, на твоём фото, они не конченные? У них все впереди? Так я понимаю, глядя на твоё произведение. Хочешь, я скажу тебе, чем отличается настоящая вещь, картина, рассказ, короче, стоящее творение человека, от подделки? Хочешь?

— Ну конечно, ты сейчас, как попугай, будешь повторять то, чему тебя научила твоя новая знакомая Айша? — Питер давно не испытывал такого раздражения. Ему очень хотелось уйти, хлопнув дверью, и только еще большее желание услышать то, что собирался сказать дядюшка, заставило его сесть в старое продавленное кресло и взять в руки стакан с виски. — Ну, говори!

— А что говорить, у меня есть журналы с твоими фотографиями. Их мне принесла Айша. Теперь посмотри на них и посмотри на мой портрет. Ты сразу поймешь, где настоящее. Я стал меньше пить. Видишь? Раньше я бы уже выпил весь стакан, а сейчас ты обогнал меня.

Питер невольно оценил содержимое своего и дядиного стакана, и ему пришлось согласиться. Старый Голдсмит продолжил, не дождавшись комментариев племянника:

— Посмотри на свои творения! Разве это бордель? Райские кущи! Как их себе представляют мусульмане. Я слышал, каждому праведнику обещаны девственницы. Глядя на этих молодых девчонок, обмануться не трудно. А дом для престарелых! Кто поверит тебе, что вот такие веселые, на вид здоровые люди отправятся в хоспис, последнее прибежище немощных стариков! А теперь посмотри на её картину. Только постоять около неё — и не нужно пить. Пьянеешь без виски. Ты помнишь картину Пикассо «Любительница абсента», помнишь?

Фотограф не узнавал в яром спорщике своего дядю алкоголика. А про Пикассо ему Айша рассказала. Не мог старый Голдсмит, за всю свою жизнь не посетивший ни одной галереи или музея, слышать об этом художнике, ни тем более о картине. Питеру очень хотелось ответить ядовитыми словами и увидеть, как исказится и без того кривая физиономия Голдсмита. Он начинал понимать, в чем для старого пропойцы ценность картины. Для того, чтобы впасть в состояние опьянения, ему не нужно надираться, как прежде, достаточно постоять перед картиной. Ему становится так же весело, словно он выпил полбутылки любимого старого шотландского виски, и унылый быт приобретает новые краски.

— Я знаю, о чем ты сейчас думаешь. Старому дураку нравится картина потому, что не нужно покупать виски. Глянул на картину, и довольно. Не знаю, может ты и

прав. Только скажи мне! Кто из вас, моих близких, интересовался моей судьбой, до того, как появилась Айша? Кому-нибудь пришла в голову мысль послушать о том, как я жил, кого любил, а кого ненавидел. Вот ты, мой племянник! Хотя раз ты пришел ко мне не для того, чтобы выцарапать у меня гроши или получить вещь, что тебе понравилась, а просто так, чтобы выслушать меня. Вспомни! Ни разу! Несмотря на свой склероз, я точно знаю, что этого не было. Ты занят! Ты всегда занят, у тебя дела, ты такой важный! А старый пьяница Голдсмит пусть подышает в своей берлоге, туда ему и дорога! — в сердцах старик схватил стакан и разом вылил в глотку все содержимое.

Питер задохнулся от возмущения, вспомнив дядюшку в молодости:

— Знаешь, старик, сейчас ты плачешься, на жалость напиралась. А ты напряги свою память пьяницы, к кому из своих близких ты был внимателен и хоть раз проявил сострадание. Я был мальчиком и не помню, чтобы ты интересовался мной. Попробуй вспомнить хоть одну прогулку со мной! Ни разу! Ни разу ты не удосужился пойти с маленьким мальчиком, каким я был когда-то, погулять или подарить ему подарок. А сейчас тебе плохо, ты старый, и тебе понадобилось внимание, от которого ты так защищался, когда был помоложе. Айша, я ее понимаю! Она получила бесплатную модель! И какую! Я даже думаю, что эта картина приобрела свою пьяную ауру благодаря тебе. Ты столько выпил за свою жизнь, что алкоголь просачивается сквозь поры твоего рисованного персонажа. Единственная ее заслуга в том, что она сократила твои расходы. Тебе не надо покупать столько виски, как раньше. И еще хочу тебя предупредить, раз уж ты мой дядя, несмотря ни на что, я не желаю тебе зла. Будь осторожней с девчонкой. Кто их знает азиатов, что у них на уме.

Питер не стал дожидаться реплики старика, в сердцах распахнул дверь и выбежал на улицу. Питеру пришлось отказаться от намеченного распорядка дня, и он вернулся домой, прежде купив любимый напиток дяди — виски. Фотограф собирался снимать работу фондовой биржи. Финансовый кризис внес сумятицу в умы людей, и самое время разогнать тучи на экономическом горизонте, смоделированном на фотографии, и сорвать хороший куш на этом благородном поступке. Если снимок получится и биржу перестанет лихорадить, то спрос на картинку, сделанную Питером, будет расти, и, как следствие, гармоничный мир, созданный его трудами, станет еще гармоничнее. Но для того, чтобы свершить намеченное, требовалось особое настроение, состояние души: отрешенность и способность не замечать кошмара реалий, а отвечать только внутренней установке на положительные эмоции.

Питер налил виски в красивый бокал, из которого он заставлял пить своих подруг по любовным утехам. Сделал несколько глотков, ожидая, что алкоголь поможет вернуть утраченную от общения с Голдсмитом радость жизни. Через четверть часа и нескольких щедрых порций виски, жизнь заискрилась новыми красками и возможностями. Финансовый кризис, охвативший планету, нагнавший страху и безумного отчаяния на многих и без того растерянных и неприкаянных жителей Земли, становившихся все более похожими друг на друга в самых отдаленных ее уголках, казался не таким беспросветным и бесконечным. Состояние души позволяло взяться за дело, вот только время убежало; биржа закрылась. Вечером раздался звонок. Питер не сразу узнал голос своей собеседницы; женщина звонила к нему в первый раз. Мэгги, жена двоюродного брата, та самая, которую он побаивался и старательно обходил стороной, звонила, чтобы сообщить невероятную новость. Она просила Питера зайти к ним за подарком. Питер не верил своим ушам. Чтобы Мэгги по доброй воле заговорила о подарке, должно было произойти невероятное событие. Он, как обычно, старался отговориться, ссылаясь на свою чрезвычайную занятость, но Мэгги настаивала и интриговала. Она напустила туману, в котором промелькнул силуэт Айши. Этого было достаточно, чтобы Питер принял приглашение. Уж очень ему хо-

телось добраться до девчонки и сказать все, что он о ней думает. Питер спустился в подземку, чего не делал несколько лет. Он предпочел не садиться за руль. Ему хотелось скорее покончить с визитом, а значит, пришлось воспользоваться метро. Сабвей стал еще грязнее, еще неприглядней прежнего. Лица также изменились. Питер с удивлением обнаружил, что у толпы азиатская внешность. Отдельные вкрапления ярко-рыжих ирландцев ничего не меняли в общей картине. Фотограф уставился на постеры на стенах вагона и обнаружил свое произведение, где главная героиня Айша улыбалась своим сородичам, спрессованным в монолитный блок в тесном помещении вагона. «Что они думают, глядя на девочку-прислугу? Представляют, как через несколько лет появится реклама, где служанка, девочка европейской внешности, улыбается своей хозяйке-азиатке? Лица их закрыты. Угадать, что у них на уме, почти невозможно, совсем как у нашей Мэгги!»

Мэгги встретила его радушно и любезно, что, впрочем, являлось ее обычной манерой. Двоюродный брат выполнял функцию рамки для своей активной и экспансивной жены. Она рассыпала комплименты, вплетая в них реальные и вымышленные достоинства Питера. Питер с опаской поглядывал на нее, пытаясь вычислить, чем же она собиралась поживиться, щедро расточая столько меду. Улучив момент, Питер вклинился в нескончаемый монолог Мэгги:

— Извините меня, но, к моему большому сожалению, я спешу. Мэгги, ты что-то хотела мне передать, или я тебя неправильно понял?

— Да, конечно, Питер. Ты знаком с молодой художницей Айшой. Она нарисовала мой портрет. Польстила мне немного, кажется. Я там моложе. Она подарила мне портрет с одним условием: я должна передать тебе подарок — картину модного современного художника Тревиса Луи.

Мэгги сделала знак мужу; тот зашел за портьеру и вернулся с небольшой картиной. Картина представляла собой портрет упитанного мужчины, очень похожего на вампира. Его верхние клыки не помещались во рту, а лежали на нижней губе. Картина напоминала нечеткую веленевую фотографию. На Питера она произвела двойственное впечатление. Монстр, изображенный на картине, не оставлял сомнений в том, что он монстр, но вот ужаса и желания спрятаться или убежать он не вызывал. Добрый сытый монстр? Мэгги внимательно следила за реакцией Питера:

— Тебе понравилась картина? Айша так хотела, чтобы ты ее получил!

— Мэгги, расскажи мне, пожалуйста, как ты познакомилась с Айшой?

— Очень просто. Она пришла ко мне. Показала рекламный постер, тот, что ты сделал, и предложила написать мой портрет. Сказала, что она молодая художница и ищет интересные модели. Вот она и пришла ко мне! — Мэгги кокетливо поправила челку.

— А откуда она могла знать, что ты интересная модель?

— Ты же столько рассказывал ей о своих родных, и обо мне, и о старом Голдсмите, о тете Полине! Ты же ей все уши прожужжал своими замечательными родственниками!

Питер ничего не понимал. За время их недолгого общения он ни разу не обмолвился о своих родных.

— Послушай, Питер, — Мэгги не могла отпустить фотографа, не попытавшись выцарапать у него хоть какую-нибудь безделицу, — Айша много работает, но она ведь молодой неизвестный художник. У тебя, наверное, полно ее картин, и ты не знаешь, куда их девать? Отдай их мне!

Питер не удержался от улыбки, узнавая прежнюю Мэгги:

— Нет, дорогая, тебе не повезло. Мы совсем не так близки, как тебе показалось, и у меня нет ни одной ее картины.

Дома он долго рассматривал картину при электрическом освещении, пытаясь разгадать послание загадочной Айши. Ничего не выходило. Добрый мерзкий монстр

выбивался из аллюзий связанных с Питером. Он вдруг вспомнил серию своих декадентских фото с намеком на вампиров; сексуальных, фатально-гламурных вампиров, не имеющих ничего общего с этим прозаически пошлым добряком-вампиrom. Глядя на добрые предобрые глаза толстяка, невозможно предположить, что на завтрак он напился крови толстого младенца и теперь доволен жизнью именно по этой причине. Хотя, чем больше Питер глядел на картину, тем больше такая вероятность представлялась возможной.

С утра Питер пребывал в меланхолии, днем взбудрил себя алкоголем и лишь к вечеру решился выйти из дому, надеясь мягким освещением сумерек облагородить окружающую действительность. Он долго бродил по улицам прежде любимого города, превращавшегося у него на глазах в чужой, абсурдный, аморфный мегаполис, населенный такими же безликими людьми. Наткнулся на афишу, кричавшую о выставке художницы, покорившей Старый свет. Афиша привлекла Питера нарочито примитивными детскими буквами объявления в обрамлении языков пламени, съевших половину букв. Подойдя поближе, Питер застыл. Имя художницы, объятое пламенем, читалась с трудом, но Питеру оно было хорошо знакомо. В верхней части афиши он вдруг увидел свою физиономию. Рисунок был похож на мазню рано повзрослевшего ребенка. Размытые черты и поразительно схваченная суть его характера. Глаза круглые, пустые; губы, вытянутые трубочкой, и большие оттопыренные уши. Несмотря на карикатурный характер рисунка, Питера невозможно было не узнать. «Мерзкая девочка! Чем я так насолил ей, что она преследует меня!» – Питер в сердцах сорвал афишу со стены и разорвал в клочья. Буквы продолжали плясать перед глазами. Название улицы, номер дома и час открытия выставки стучали в голову и толкали в указанном направлении. Ноги привели его в нужное место. Помещение, где проходила выставка, оказалось квартирой его тетки Полины.

Большая гостиная старой Полины преобразилась в художественный салон. Остались намеки на прежнюю атмосферу, присущую владелице квартиры. Тяжелые портьеры, ковры, бронзовые светильники. Интерьер теткиной гостиной, вобравший в себя картины, создавал предгрозовую атмосферу духоты и крайнего напряжения. Малейший вскрик, громко сказанная реплика, – и в закрытом пространстве душевной комнаты засверкают молнии и загрохочет гром. Публика, пришедшая на вернисаж, способствовала подобной атмосфере как нельзя лучше. Питеру показалось, что один из посетителей, застывший перед его, Питера, портретом, с силой сжал губы, чтобы спрятать выпирающие клыки. Фотограф побоялся заглянуть мужчине в лицо, невольно ожидая увидеть красные кроличьи глаза. Мужчина показался знакомым. Питер внимательнее присмотрелся к нему и решил, что человек удивительным образом похож на портрет вампира кисти Тревиса Луи. Посетители тихо переговаривались между собой, как будто понимая, чем чреватые для них неуместная веселость и экспансивность. Картина, изображающая фотографа, пользовалась самым большим успехом. Возле нее стояло несколько ценителей. Питер не стал подходить ближе, опасаясь, что его узнают. Он надеялся поговорить с тетушкой, а еще лучше с Айшой, чтобы понять, что ему грозит. Он чувствовал себя мишенью, добычей, на которую идет охота. Всегда проще ускользнуть, если тебе известны мотивы преследователя. И не остается ни единого шанса, если охотник нападает из засады, устроенной в логове жертвы. Айша выбрала такой метод атаки; она использовала родных Питера в качестве гончих. Питер провел в салоне часа два, и за все время ни одна из интересующих его дам не появилась. Время не пропало даром, Питер подробно рассмотрел картины без рамок, парившие в воздухе; они висели на невидимых капроновых тро-

сах. Кроме знакомых Питеру портретов его родных, он увидел картину, изображавшую одну из его моделей — плачущую девочку. На картине девочка не плакала, а невесело улыбалась. В вымученной улыбке ребенка проглядывало настоящее горе, отсутствующее на снимке плачущей девочки, сделанной фотографом. Глядя на картину, совсем не хотелось погладить девочку по головке и дать ей конфетку. Хотелось найти обидчика, того, кому невесело, через силу и страх улыбался ребенок, и расправиться с ним. И конечно, Айша не прошла мимо фотографии из борделя. Она изобразила девушек в их привычном растерзанном виде рядом с клиентами, занятыми своими делами. Один из них, в расстегнутой рубашке и галстучке на голом выдающемся животе, обнимает девочку, похожую на ошипанного цыпленка. Высокий изможденный мужчина поит из стакана другую девочку-нимфетку; судя по тому, как свело горло у несчастной, в стакане, опустошенном наполовину, самая дешевая водка. Питер почувствовал, как у него в душе разорвалась мина, подложенная Айшой. Посмотри он на свое отражение в зеркале, он тотчас бы узнал Питера с портрета, помещенного в самом центре салона. Он, с таким азартом убегавший от всего пошлого, вульгарного, страшного, от повседневности, от кошмара действительности, на картине был похож на затравленного растерянного глупого обывателя. У Питера закружилась голова; ему показалось, что все герои картин вернисажа, так же легко, как вампир, могут оставить холст и сойти в теткинину гостиную. Он сам являлся живым прототипом самой главной картины и, оглядываясь вокруг, переставал понимать, где он настоящий, а где его изображение.

Каждой своей картиной Айша вызвала Питера на поединок. Она кричала о его поражении, о бесполезности его творчества. Питер стал понимать, что хотела ему доказать девушка. Она показала ему мир, ужаснувший его в самом начале его преобразования, до того, как он обрел новый взгляд на виртуальную реальность, где все будет прекрасно, где все недочеты наивной природы будут исправлены мудрецами-людьми. Теми, кто понимает толк в жизни и может себе позволить судить о том, что хорошо, а что плохо. Но каким образом Айша смогла договориться с Полиной? Для того, чтобы получить согласие на выставку, Айше, вероятно, пришлось пообещать старой вампирше по меньшей мере литр молодой крови. Теткиных знакомых, а может, и друзей Питер наблюдал в гостиной. Чем могла завлечь их Айша?

Невеселые мысли Питера прервал мужчина, скрывающий клыки, с усилием натягивая на них губы:

— Простите, мне показалось... возможно, мне просто показалось, что вы родственник нашей дорогой Полины. И еще, я хотел спросить. Случайно не вы позировали для портрета Жертвы? Главного, так сказать, персонажа этой выставки?

Питер попытался ответить, но не смог. Ярость, охватившая его, вызвала спазм в горле. Питер задыхался и не мог произнести ни звука. Справившись с собой, он спросил:

— Как вы сказали, портрет Жертвы? Почему жертвы?

— А вы не читали аннотацию к выставке? Ах да, я забыл, ее раздали только посвященным. Я хотел сказать, только членам клуба.

У Питера появилось желание вырваться из душного салона и убедиться в том, что все увиденное — всего лишь плод его больного воображения. Он оттолкнул вампира и устремился к двери. Дядюшка Голдсмит как будто ждал сигнала, чтобы войти и заключить Питера в объятия. Питеру показалось, что свет ламп стал тускнеть, зазвучала музыка — протяжные звуки мелодии, похожей на детский плач. Пастушья свирель солировала; она плакала и заставляла обливаться кровью сердца чувствительных натур. Из соседней комнаты в салон вошли знакомые Питеру люди. Все они были либо родными Питера, чьи портреты, написанные Айшой, висели на стенах теткинской гостиной, либо персонажами его фотографий. Собралась небольшая толпа, окружившая Питера и Айшу, одетую в платье и белый фартучек с его фотографии.

Фотограф затравленно озирается по сторонам, надеясь найти сочувствие и поддержку. Свирель замолчала, и голос Айши отчетливо зазвучал в наступившей тишине.

— Вот он, наш герой, посмотрите на него внимательно! Тот, от кого зависят наше счастье, наш успех!

— Да, да! Дайте его нам, мы хотим разглядеть его получше, — живое кольцо со-мкнулось, и Питеру показалось, что сейчас его разорвут на части. Тетка Полина в сопровождении добряка-вампира подошла совсем близко. Питера ужаснул нездоровый блеск ее глаз и отвратительная улыбка ее компаньона.

— Что вам от меня нужно? Что я вам сделал? При чем тут счастье?

Вмешалась Айша, дирижировавшая всем сборищем:

— Я попытаюсь объяснить, в чем дело. У тебя есть ген счастья! Он позволяет тебе жить счастливо, видеть все окружающее только в радужных тонах. Ген позволил тебе стать успешным. Все, на что ты обращаешь внимание, начинает привлекать окружающих. Твое прикосновение, как прикосновение царя Мидаса, превращает все вокруг в золото. Посмотри на этих людей. Половину из них изобразила я, такими, как они есть, а вторую половину изобразил ты. Художников, подобных тебе, становится с каждым днем все больше. Они вдохновляют ученых, создавших генетические продукты-мутанты и мечтающих о той же судьбе для людей. Я тебе послала в подарок картину Тревиса Луи. Он пошел дальше тебя. Он позолотил не обыкновенных людей, а тех, кто обычно прячется в тени, чтобы скрыть свои природные изъяны. Мы хотим, чтобы ты согласился пройти тестирование у ученых, чтобы выяснить, можно ли пересаживать ген счастья. Тогда все, кто захочет, могут стать счастливыми.

Раздался дружный хор:

— Мы хотим счастья-я-я-я ! Богатства-а-а-а!

Питер обхватил руками голову и заговорил, когда смолкли крики:

— Ты же подружилась с моими родными! Они приняли твои портреты, хотя на них они такие, как есть. Почему тогда вам нужен «ген счастья», если вам и так хо-рошо?

Тетка Полина подмигнула племяннику:

— Она пудрит тебе мозги. Я мерзкая, и я нравлюсь себя. Спроси у Голдсмита, спроси у Мэгги. Хотят они меняться? Спроси у моего друга Роберта, — Полина кивнула в сторону вампира. — Я не хочу быть другой! Ты, дорогой мой, всего лишь Жертва. Ты тот, кто боится всего! Ты — жертва хозяев и моделей. Ты боишься быть собой. Царь Мидас чуть не умер от голода, потому что все, к чему он прикасался, в том числе и еда, превращались в золото. Он остался жить потому, что упрямил бога Диониса забрать дар — способность превращать все вокруг в золото.

— Тебя, дорогая тетушка, просветила Айша, как и всех остальных?

— Конечно, ты ведь занят! Тебя пора спасать! Мы любим тебя, несмотря ни на что и хотим избавить тебя от «гена счастья»! — тетка плотоядно улыбнулась и потянулась рукой к тонкой шее Питера.

Толпа сомкнулась, и последнее, что увидел Питер — это был белый фартучек Айши.

Проснулся Питер у себя в квартире. Прямо перед ним на подрамнике стоял его портрет, перевязанный белой ленточкой, а на столе лежало послание. «Дорогой Питер! Мы попытались спасти тебя. Мы лишили тебя «гена счастья». А дальше все будет зависеть от провидения». Питер подошел к зеркалу: несчастная физиономия молодого Голдсмита глядела на него из зазеркалья.

ТАТЬЯНА СЫРЫЩЕВА

Мне кажется: прямо в пламя
бросается человек!
В широкой огненной яме
бакинцы пекли чурек.
Являлась тут мысль о боге –
поди ведь точно таком:
сидел он, скрестивши ноги,
похлопывал теста ком.
И смесью душистых масел
из глиняной пиалы
сатурны и марсы мазал
и ловко скруглял углы.
И вот золотой планетой
ещё один хлеб готов...
А пекарь – полуодетый,
сошло с него семь потов.
Холщовые шаровары,
и лоб обмотан чалмой.
Стою среди базара,
забыв, что пора домой.
Я школьница не навеки.
Мне надо всё это знать:
легко ли творить чуреки
и в самый огонь нырять?

У других всё это
по-другому:
ветер бушевал, потом утих.
Тёплая привычка, стены дома
постепенно разлучают их.
Чувства их с годами всё тупее,
словно кто штрихи затушевал.
О моя любовь, моя Помпея!
Ты попала в огненный обвал.
Страшный день тот вспоминать не стану.
Спит огонь под грудой темноты.
За своё доверие к вулкану
слишком многим поплатилась ты.
Что там преисподняя, что пекло!
С чем сравнить трагедию твою?
Но зато из каменного пекла
всё таким, как было, достаю.

Как с горы, на всё поглядела я.
Что я делаю? Что я делаю!
Труд не в труд, я сказать по совести:
разве это я – по способности?
Наворочено, набатрачено,
на мильон мелочей потрачена
жизнь – одна мне данная жизнь моя...
Что с того, что я одержимая,
что привязываются музы ко мне?
Ведь не выплакана моя музыка.
Мне обманывать больше некого,
мне откладывать дальше некуда!

Завидую самой себе,
чья жизнь теперь вдали:
своей (без устали) ходьбе
сквозь красоту Земли –
то многолюдной, то лесной,
богатой тишиной...
А то еще дружил со мной
в деревне дух печной.

Счастливою бывала я:
в рабочий некий час
улавливала кисть моя
все, что подметит глаз.
Как я хотела бы вернуть, —
пусть был бы он тяжел, —
тенистый, каменистый путь
и тех, кто рядом шёл!..

Когда моложе я была,
да и на склоне лет,
меня носили два крыла.
Теперь тех крыльев нет.
Но жаловаться мне грешно:
у старости моей
есть око светлое – окно
и голоса друзей.

К столу подсяду моему,
возьму перо, тетрадь,
коробку с красками возьму,
чтоб новое создать.
А все, что было и прошло,
что вижу лишь во сне,
и это в глубь души вросло
и будет век при мне.

**Мы не так уж редко умираем,
и опять живём, и всякий раз
Радостным и перевозданным раем
мир повинный хочет стать для нас.**

**Будто за своей забытой вещью
залетает в комнату пчела,
горы в шубе греются овечьей,
и цветёт зимою мушмула.**

**Так поют пичуги на заборе,
словно их учили соловьи, –
и всё моет, моет, моет море
камни ненаглядные свои.**

МАРАТ ШАФИЕВ

«Что мне делать с моей журавлиной тоской?»

Откуда эта фамилия – Сырыщева? Отец рассказывал Татьяне о казачьих корнях: в местном диалекте есть слово «сырычь» – кожа-сырец или сырой. Тем не менее семья после Петрограда (где в 1915 году и родилась Татьяна) живёт на берегу Каспия, мама ласково перебирает её кудри: «*Золотаечка моя!*» и в память сердца впечатано и не вырезать никаким скальпелем:

*Вернувшийся ветер сквозь город летит напролом.
Шумят шелковицы; акации гнутся, не споря.
Покрыто морщинами старое тёплое море,
и парус вонзается в небо тернистым уglom.*

Пойдя по стопам отца, Татьяна с отличием заканчивает архитектурный факультет Азербайджанского индустриального института (дипломный проект: Зелёный театр в Нагорном парке) и работает в Азгоспроекте. Ближнему кругу её пристрастие к поэзии непонятно, и 27-летняя зрелая женщина, понимая, что если не сейчас, то уже никогда, резко меняет жизненную колею, в разгар мировой войны срывается в Москву – учиться в Литературном институте и обрекая себя на казалось бы ненужные дополнительные лишения. Эта война, это 15-летнее мыканье без своего угла выковали её «несуразно-светлый» характер: «*Он тяжёл, потому что прямая/ никогда не сойдётся с кривой*».

Но почему при этом Татьяна заявляла: «*А войны я так и не узнала –/ ветер тучу в сторону отнёс*»? Ведь помимо учёбы было и другое, от которого невозможно оставаться в стороне. «*Землю-кормилицу медленно роем,/ твёрдые клубни берём из земли./ Гордые: мы ведь не с ложкой, а с сошкой*»; «*мы грузили вагоны и драли корьё,/ приходилось нам трудно порой.../ Было всё хорошо! Даже горе моё/ показало мне дальней горой*» – действительно, даже самый тяжёлый труд – не горе, если разделён на весь народ, и если есть ужас более высокого порядка – смерть, поставленная на промышленную основу. Даже если «*отношения бьются, словно чашки и блюдца,/ но стихи остаются. Стихи остаются*».

Как и всякий архитектор (как и её отец – Яков), она прекрасно рисовала: потом оформила этими карандашными эскизами четвёртую свою книгу: одни деревья! гордо-спокойные и мятущиеся под ветром. Откуда эта тяга городского жителя к природе? Есть её фотография в лесу: простенькое пальтецо, платок на голове и рюкзак за плечами. Это ведь тоже спасение – походы с весёлыми друзьями, с палатками по Подмосквовью: *«Приучились мы, как цыгане,/ песни петь и смотреть в огонь»*; в послевоенное время они ещё сохранились: лесные островки; речки, из которых можно пить: *«Я не вылезла из палатки,/ только выглянула в прорез/ и увидела: всё в порядке./ Под луной цепенеет лес»*. Стрекозиный сферический взгляд художника позволял её скупой штриховкой обозначить самое важное: *«алмазная полночь июня»*; *«деревья, как дельфины,/ прохладе радуясь ночной,/ чешуйчатые горбят спины/ и плещутся передо мной»*; *«горы в шубе греются овечьей»*.

«Собирать, не раздавая,/ не могла я никогда./ Вплоть до круглой капли света/ на трилистнике в лесу,/ до жгута смолы – всё это/ горожанам отнесу» – первую её книгу «Бересклет» (1965 года) взяли под крыло большие поэты: редактировал Николай Старшинов, а предисловие написал Александр Межиров: *«Я просто не понимаю, как это случилось и почему до сих пор читатель не знаком с произведениями этой давно сформировавшейся оригинальной поэтессы. Ведь Сырыщева по таланту своему давно должна была стоять в ряду современных русских поэтов»*. Но Татьяне претило это свойство современников – ногами и локтями распахивать толпу, ей казалось, что всё, если оно выплакано, выстрадаано, прикипело к судьбе, придёт к читателю само собой. Оттого и такая у неё короткая библиография: тоненькие книжки: «Бересклет» (1965), «Зелёные рукава» (1971), «Минуты станут веком» (1976), «Скажу нечто» (1985), «У широкого окошка» (2004) и редкие публикации в альманахах «Московская муза», «День поэзии», «Строфы века».

21 год Сырыщева работала редактором в издательстве «Молодая гвардия». Редактируя книгу «Живой как жизнь» Корнея Чуковского, ездила к нему в Переделкино. Чуковскому было под восемьдесят, они уединялись в дачном кабинете на втором этаже с семи утра и допоздна – заказ был срочным, иногда Татьяна оставалась ночевать. Ей запомнилась одна минута высокая: *«Прощаемся у ворот, и дальше я иду одна. Под гору, к мосту, вверх по голубой снежной дороге... Скоро полночь. Мороз, высоко в небе луна, холмы и кресты слева за кладбищенской оградой, кругом ни души, а мне не страшно: за плечами у меня крылья»*. В день окончания работы над рукописью Чуковский протянул ей флакончик чудных заморских духов, Татьяна сказала: *«Я вас и так не забуду. А это не надо»*.

Москва изменилась до неузнаваемости. Что поленовская Москва! Век уже двадцать первый. Сырыщева обитает в огромном доме на десятом этаже, но даже в глубокой старости, до самой смерти в 2008 году остаётся скиталицей: *«Простора! с котомкой опять за порог...»*, и пусть уже не физически, но в воображении она качается, учится не тонуть на каспийской волне (*«Мне бы горстку соли – горькой синевы»*) и, отодвинув лозу виноградника, жмурясь от солнца, выглядывает за горизонтом своё неизвестное будущее. А мама – врач по специальности – музицирует Шопена. Звучи, не прекращайся «Весенний вальс». Лишь бы не «Похоронный марш». Что такое смерть? Это возвращение туда, где ты был до рождения.

АЙТЕН ШАФИЕВА-ИГНАТОВА

«...Душа жаждет лирического отношения к себе...»

Из истории жизни и творчества поэта и переводчика Иосифа Оратовского

– В этом году исполняется 110 лет со дня рождения Иосифа Оратовского, – напомнил мне «хранитель» истории русскоязычной бакинской поэзии Марат Шафиев, – в архиве в Москве лежат материалы об Оратовском. Посмотришь?

И я засобиралась в РГАЛИ. Дорога к Российскому государственному архиву литературы и искусства (РГАЛИ) шла через зеленые московские дворы. Солнце, не такое щедрое в Москве, в этот день палило нещадно, темно-зеленые, изумрудные, салатные – в зависимости от того, как много солнца им попадало, – листья деревьев, осенняя весь путь, с обеих сторон дороги создавали арку тени. Не было ее только перед самим архивом. Напротив, перед его старыми дверями, заливая зеленую лужайку, покрытую всю желтыми цветами – первоначально будущих одуванчиков – солнце бесновалось. «Как в Баку», – подумалось мне, и я потянула на себя тяжелую дверь архива.

Как перешла в другой мир. Солнце, лужайка, желтые цветы остались где-то там. В архиве царил прохлада – следствие необходимых требований температурного режима – и тишина, и все вкуче навевало ощущение торжественности. Вот, где оказывается находят покой безмолвные свидетели творческих порывов, бессонных ночей, или, наоборот, строгие хранители скупых хронологических событий жизни!..

Мне выдали три папки. Наугад я открыла первую, тоненькую. Там лежало одно единственное письмо, отпечатанное на машинке с проставленной от руки в углу датой –12.XI.54 г.:

«Милый Иосиф Борисович,

Конечно, мне и в голову не приходило заподозрить Вас в каких-либо происках в связи с романом Гусейна. Мне только досадно было, что Вам, видимо, в силу местных условий, пришлось согласиться на невыгодные и несправедливые материальные условия. Но все это «дела давно минувших дел», и я не стала бы к ним возвращаться, если бы не Ваша фраза о колесах и палках. Я неизменно отношусь к Вам с уважением и симпатией, и никакие дурные мысли не приходили мне в голову.

Не собираетесь ли Вы в Москву? Хотелось бы расспросить Вас и о литературной жизни Азербайджана, и о Вашей собственной.

У нас все еще осень, – серая, хмурая, – и я не могу с ней освоиться, хандрю.

Снова, – в который раз? – посылаю Вам справку для бухгалтерии. Наша управдомша удостоверила почти все факты из моей биографии, даже постоянную прописку.

В скольких номерах печатается Мехман? Делали ли Вы сокращения, ругали ли меня? Что Вы думаете вообще об этой повести?

Сердечный привет Вашей жене. М.Юфит¹»

Это письмо в редакцию «Литературного Азербайджана» для Иосифа Оратовского отправлено не было, и причина тому была указана ниже, в том же письме, припиской от руки: «Не отправила, узнав, что Оратовский и /неразб./ обращались с просьбой в «Советский писатель» о том, чтобы фамилию мою вообще сняли».

¹Юфит М.И. (1909-1993) – советская писательница и переводчица. Член Союза писателей СССР с 1938 г. Переводила с азербайджанского языка для журнала «Дружба народов» повесть Исы Гусейнова «Шелковая нить» // Гусейнов И. Шелковая нить // Дружба народов. 1951. № 12 и роман Мехти Гусейна «Утро» // Гусейн Мехти. Утро. // Советский писатель. 1954 г.

Каких только писем не бывает! Какие только истории не хранят в себе тоненькие архивные папки! Могла сложиться интрига, но нет, мы точно знаем, что на титульном листе изданного в 1954 году в издательстве «Советский писатель» романа Мехти Гусейна «Утро» стояли фамилии переводчиков М.Юдифь и Мир Джабара.

Что стало причиной слухов и какова роль в этом Иосифа Оратовского, мы теперь никогда не узнаем. Но постепенно стал вырисовываться образ человека, невидимой нитью связывавшего Москву и Баку, жизнь литературного Азербайджана, и его связи с московскими издательствами и журналами. И что-то подсказывало мне, что только «московская осенняя хандра» могла навеять «дурные мысли», могла спровоцировать совершенно незаслуженную приписку к письму. И тогда, закрыв папку с неотправленным письмом, я углубилась в две другие.

Обе папки по заголовкам казались сухим отражением фактов жизни: первая была личным делом студента заочного отделения Литературного института СП СССР по кафедре литературного мастерства Иосифа Борисовича Оратовского, а вторая – уже личным делом отдела творческих кадров Союза Писателей СССР поэта И.Б.Оратовского (И.Маршанова). И обе с грифом «хранить постоянно».

Папка студента литературного института открывалась небольшой фотографией из личного дела. С нее в полупрофиль смотрел совсем молодой человек, с серьезным, целеустремленным лицом и взглядом, устремленным куда-то вверх, вперед, в будущее. Вторая папка открывалась большой, как говорили тогда, фотокарточкой – портретом человека в военной форме, с удивительно мягким взглядом, иронически смотрящим прямо на вас, и свет этого взгляда не смогла заглушить даже черно-белая гамма фотографии. От решительности – к мудрой иронии, от устремленности вверх – глаза в глаза. И между ними – целая жизнь.

*«Родился в Махач-кале (Именно так во всех документах И.Оратовского записан город Махачкала – **авт.**) в 1914 году. В следующем году с матерью переехал в г.Маршанск (Тамбовская губерния), где жил до 1928г. С 1928 г. – в Баку. В 1931 окончил десятилетку. В том же году поступил рабочим на нефтеперегонный завод им.Андреева. Был редактором ежедневной стенгазеты, и через год партийный комитет завода выдвинул меня на работу в многотиражку. В конце 1932 г. райком партии перебросил меня на другой завод им.Джапаридзе – заменить редактора многотиражки. С июня 1933 г. по решению комфракции Оргкомитета Союза Советских писателей Азербайджана работал ответственным секретарем журнала «Литературный Азербайджан». С 1935 г. работал в течение года в редакции газеты «Бакинский рабочий» и в 1936г. в связи с переходом на учебу работу оставил.*

Учусь я в Азгосуниверситете на втором курсе исторического факультета.

Однако потребность в литературной учебе велика настолько, что решил совмещать учебу сразу в двух ВУЗах.

Писать начал в 1930г. Писал вначале прозу. Успел напечатать несколько рассказов. С 1932г. пишу стихи. Печатался в газетах «Молодой рабочий», «Бакинский комсомолец», «Вышка», «Бакинский рабочий», в журналах «Темп», «На рубежах Востока», «Ударник», «Литературный Азербайджан». Переводы мои с азербайджанского печатались кроме этих изданий в газете «Экономическая жизнь», в журнале «Огонек».

С творчеством моим знакомы тов.тов. Павленко, Антокольский, Луговской, Панченко.

27 /IX-1937

И. Оратовский»

1937 год в самом разгаре, мог ли он коснуться молодого человека, который в личном листке для поступающих в Литературный институт, как и положено в анкетах того времени, указывал свое происхождение: «народность – еврей; социальное происхож-

дение – рабочий; бывшее сословие – мещане; основное занятие родителей – отец рабочий, рыбак; социальное положение – служащий»? Да, не член партии, но комсомолец с 1932 года, и уже принят в кандидаты Союза писателей Азербайджана.

Страшное время могло коснуться всех, не щадило оно ни рабочих, ни комсомольцев, ни мещан (эту информацию позже Оратовский не будет упоминать нигде, но в память об отце, умершем в 1943 году, в анкете, где совсем не надо было рассказывать о родных, подробно опишет: «Отец Борис Соломонович Оратовский до революции был рабочим на рыбных промыслах Каспия, после революции – рабочий, а затем служащий на рыбных промыслах Азрыбтреста»). Коснуться могло всех, но все же у Иосифа Оратовского была своего рода «охранная грамота» – в личном листке напротив графы «Знание языков народностей СССР» он размашисто напишет, что «владеет свободно, читает на азербайджанском языке». А это означало, что Иосиф Оратовский, принятый в Литературный институт на заочное отделение поэзии, потенциально рассматривается еще и как переводчик литературы с азербайджанского языка, как человек, который создаст мост между двумя литературами, откроет литературу Азербайджана для советского читателя, и судьба его творческая выстроится по двум параллельным линиям.

Но пока из Правления Союза писателей Азербайджана в Литературный институт направляется характеристика на поэта Иосифа Оратовского:

«Союз Советских Писателей Азербайджана командирует на учебу в Ваш институт на заочное отделение т.Оратовского И.Б. – кандидата в члены Союза писателей.

Тов.Оратовский – молодой талантливый поэт-комсомолец, активный общественник.

За последнее время тов.Оратовский сдал в печать сборник своих стихов.

*Председатель ССП Азербайджана Али Мамедов
Управделами Ашурбейли»*

И рядом рекомендации на молодого поэта, уже данные Литературным институтом:

«Товарищ Оратовский является одним из способных молодых поэтов Азербайджана. [...] Его стихи «Ода Аптекарю», «Надпись на книге» (напечатанные в «Литературном Азербайджане»), «Гроза в лесу» могут служить примером для доказательства этой мысли. По характеру своего творчества т.Оратовский стремится к эпическим стихам, к сюжетности. В «Оде Аптекарю» он создает образ старого аптекаря, оторванного от жизни, живущего своим маленьким мирком, в котором революция открывает новые интересы и чувства. В смысле формы наиболее показательное явление «Гроза в лесу». Настоятельно рекомендую принять товарища Оратовского на заочное отделение Литературного института. // Стихи на высоком литературном уровне, вполне «столичные». Порок – отсутствие смелости, большого дерзания, гладкость, бесспорность стихов. Это, по-видимому, объясняется «сглаживательными» функциями редакторов и ставкой газет на «конъюнктуру». Но т.Оратовский успешно освобождается от этого груза. Человек он, несомненно, способный, думающий – и думающий правильно. Собирается приступить к поэме, большой сюжетной вещи. Это намерение отойти от лирики нужно признать правильным»

Иосифа Оратовского приняли в Литературный институт, и молодой поэт, ещё вчера выпускник 21-ой Советской Единой Трудовой школы 2-ой ступени (так назывались средние образовательные школы девятилетки) г.Баку, сдав экзамены (русский, турецкий, немецкий языки, космографию, графическую грамотность, военизацию, обществознание, математику, естествознание, физику, химию и географию), и получив право «как окончивший полный курс» школы поступать в Высшие учебные заведения, оказался сразу студентом и исторического факультета Азербайджанского университета, и студентом заочником Литературного института.

Трудные времена рожают сильных людей. Достаточно сказать, что в 1936 году Иосиф Оратовский работал в газете «Бакинский рабочий», с 1936 по 1939 учился на историческом факультете, в 1938 году стал ответственным секретарем русской секции Союза писателей Азербайджана и принят в члены Союза писателей Азербайджанской ССР, параллельно начав с 1937 года учиться на заочном отделении Литературного института, и в это же время выпускает книгу собственных стихов «Первая песня» (1938г. Азернешр), сдает переводы стихов С.Рустама («Летучий портрет», 1935г.), Ч.Бозханлы («Песня о Сталине», опубликовано в «Вечерней Москве», 1936г.), Самеда Вургуна («Мастеру искусства», 1936г.), М.Рагима («А.С.Пушкин», 1936г.), стихи «Чайхана в Карабахе» (1936г.), стихи Б.Касум-заде (1937г.) и Мирварид Дильбази («Дорогой отец», 1937г.), газели Натаван («Не уходи» 1937г.), газели М.Ахундова (1938г.) И это еще неполный список.

В 1938 году у Иосифа Оратовского родилась дочь Ирина.

Казалось бы, поддерживать надо таких литераторов, но из Москвы летели письма о несданных вовремя курсовых работах, а из Баку – письма с просьбой не отчислять, оставить на втором курсе, зачесть сданные на «отлично» и «хорошо» в Азербайджанском университете общественные дисциплины, и объяснения, что только «исключительные обстоятельства» вынуждали молодого поэта и переводчика быть неаккуратным в выполнении домашних заданий: «Происходило это потому, что я был избран на добровольно ответственную для моего возраста работу – руководителем русской секции ССП Азербайджана». И, прося не отчислять его, Оратовский скромно пишет:

«В отношении творчества этот год был также у меня весьма продуктивным. Результат вышедшая книга моих стихов и «Письмо бакинской интеллигенции т.Сталину», переведенное мною и двумя другими товарищами на русский язык (см. газету «Правда» за 16. IV.1939г.)»

Неизвестно, что сыграло большую роль в этот год обучения – скромность ли студента, являющегося на самом деле ответственным секретарем писательской организации, или же имя Сталина в газете «Правда» рядом с именем скромного студента, но Оратовскому не только разрешили приехать на сессию, но и намекнули на то, что о его успехах узнали слишком поздно:

«Письмо бакинской интеллигенции т.Сталину» в Вашем переводе и еще двух товарищей мы прочли с большим удовлетворением. Но почему мы должны узнавать о Ваших творческих успехах «со стороны», а не непосредственно от Вас? При приезде захватите с собой все Ваши стихи, неизвестные заочному отделению»

Но сессии имеют особенность повторяться, а работа – особенность увеличиваться. К 1939 году Оратовский «по состоянию зрения» оставляет исторический факультет, на работе в Баку ему идут на все уступки, о чем он пишет в институт в Москве: *«На работе дают мне возможность заниматься: согласились дать мне с января 2 свободных дня в шестидневку. Это, конечно, сильно меня разгрузило. Сейчас же – через несколько часов – я уезжаю из Баку в командировку от ССП в районы Азербайджана»*

Шел 1939 год. Приближался юбилей Сталина.

В этот год Иосиф Оратовский, воспринимающий мир как единую лирическую волну, а всех поэтов – как одну семью, видимо, написал кураторам курса об их формальном отношении к студентам. И в ответ полетело, как всегда отпечатанное на машинке: *«Уважаемый тов.Оратовский, Ваша поэтическая душа жаждет лирического отношения к себе. Вы просите, чтобы посланные заочным отделением материалы содержали «пару приветственных строк» и то написанных «от руки». [...] Вы хотите, чтобы в конце списка литературы указаны были лирические строки». И как вердикт: «посылаемые студентам материалы должны быть написаны четко и ясно, может быть несколько сухо»*

Но Оратовского ценят, и в этом же письме просят прислать стихи к юбилею Сталина: *«Не думаете ли Вы прислать стихи к 60-ию Сталина И.В.? Поторопитесь. Мы собираемся издавать сборник»*

Иосиф Оратовский, к этому моменту севший за перевод на русский язык народного тюркского эпоса «Кёр-оглу», за перевод поэмы Низами «Искендер-наме», газелей Натаван, не отвечает больше кураторам курса. Стихи о Сталине он прислал, но сопровождающее письмо написал и за себя, и за него друг Оратовского, тоже бакинский поэт и переводчик, Сергей Иванов, приславший вместе с Оратовским в сборник и свои стихи о Сталине. В письме С.Иванов комментирует сюжет и ситуации своего стихотворения, которые могут быть непонятны редакторам юбилейного сборника:

«Мое стихотворение основано на историческом факте. В новогоднюю ночь 1902г. в Батуме Сталин организовал пирушку на квартире рабочего Селубестро Ломджария, был тамадой, пел, шутил. В эту ночь оформлялась батумская социал-демократическая организация. [...] «Правосидящий пьет за здоровье левосидящего» – традиционный первый тост, кавказский церемониал, так сказать.

Стихи Оратовского, к счастью, комментарии не требуют.

Если мы опоздали с присылкой этих вещей, возможно они могут угодить не в сборник, а в собственно «Огонек», во всяком случае просим Вас выслать отзыв на эти стихи...

Мы живы, здоровы, готовим работы по теории литературы. Переводим 10 тысяч строк «Искендер-наме» и эпос «Кёр-Оглу», и сборник газелей поэтессы 19 века Натаван.

С сердечным приветом, С.Иванов»

Это единственное письмо в архиве, из которого мы узнаем что-то о друге Иосифа Оратовского. Судя по тону письма, Сергей Иванов обладал способностью непринужденного общения, а по тому, как он это общение с администрацией вуза еще и «взял на себя», видимо, это был надежный товарищ...

В 1943 году, будучи уже на фронте, Оратовский посвятит своему погибшему другу стихотворение:

Сергею Иванову – другу, поэту, солдату

(Публикация Шафиева М.)

*Я проходил по тем местам, Серёжа,
где потерял тебя я год назад.
Пустынный дол теперь мне стал дороже
тех шумных мест, где побывал солдат.*

*Здесь тишина глухая давит поле, –
не вырваться из этой тишины.
Забыты взрывы, блиндажи, пароли,
как будто вовсе не было войны.*

*А, может, здесь, где я сейчас тоскую,
быть может, здесь, у тропки полевой,
ты год назад упал на землю злую
прекрасною тяжёлой головой?*

*Не плакала подруга над могилой,
ей никогда и места не найти,
где у тропы заброшенной, унылой
лежал нескладный и разбитый ты.*

*Кто знает, как и где нас смерть обманет?
Куда тебя ужалила змея?
Быть может, в сердце?
А под ним в кармане
лежала, помню, карточка моя.*

*Мы побратались в юности сердцами
и вместе с сердцем дружбу берегли,
и, хоть ходили кошки между нами,
ни разу поругаться не смогли.*

*Но ты упал. Метала тучи вьюга.
Холмы. Холмы. Ни леса. Ни жилья.
Обагрена внезапной кровью друга
была, наверно, карточка моя...*

*Когда-то дружбу звали мы с тобою
сговорчивой, покладистой сестрой.
Но нынче дружба – это сердце боя,
и злость, и месть, и подвиг огневой.*

*Она пропахла гарью, тьмой промозглой,
её и пуля не смогла пробить,
промочла, пропотела и промёрзла,
и никогда ей доброй вновь не быть.*

*О эта боль... Но даже острой болью
отныне укрепляются сердца.
Когда с врагом я повстречаюсь в поле,
я буду верен дружбе до конца.*

1943 г.

Следующий, 1940 год, в Литературном институте был уже более спокойным для Иосифа Оратовского, он опять загружен работой, опять не успевает, но он уже Мастер, он пишет большие письма о работе и не просит его не отчислять, а объясняет объективные причины задержки выполнения студенческих работ. В ответ он получает письма, написанные от руки, и чувствуется, что разговор идет на равных:

«Уважаемый тов.Федосеев!

Причин много, это болезни, и во второй половине года нас – бакинских поэтов – страшнейшим образом загрузили в связи с подготовкой декады Азербайджанской литературы в Москве, участником которой я являлся, и в связи с подготовкой к юбилею Низами Гянджеви. Нам поручили достаточно ответственное дело – перевод его произведений на русский язык.

Пользуясь случаем, похвастаю, что мы перевели для Детиздата главу о русской царевне из поэмы Низами «Семь красавиц», которая скоро выйдет отдельной книгой в оформлении палешан. Мы переводим поэму «Искендер-наме» для московского журнала «Октябрь» и вторую часть поэмы «Хосров и Ширин» для местного издательства.

Не думайте, что поназаклучали столько договоров – с целью нажать капиталец и некую толику славы: в Баку кроме меня и Иванова, и еще одного товарища¹ поручить это некому.

¹Видимо, речь идет о близком друге И. Оратовского писателе и переводчике Абраме Плавнике.

«Искендер-наме», над которой давно работаем, никто из московских поэтов переводить не решился (в нем 2 тысячи строк и ни одно издательство не берется его издавать).

Должен ко всему этому добавить еще одну, более интимную причину: сильнейшую болезнь моей маленькой дочери, которая уже в течение двух лет сильно и безнадежно страдает желудком и нуждается каждое лето в виду страшной жары у нас в Баку в выезде на время.

Вот эти обстоятельства вырвали меня из моей учебы и из моего творчества год. Весь этот год я – и то с большими перерывами – занимался почти одними переводами, сам писал крайне мало, только то, что читал во время нашей декады у Вас в Клубе писателей на встрече бакинских русских поэтов, и это было затем отмечено в «Литературной газете».

Вот, собственно, и все.

В связи со всем этим очень прошу дирекцию и учебную часть заочного отделения пойти мне на встречу и дать мне возможность остаться на повторный курс.

Уверен, что в текущем году не опозорюсь, ибо малярия моя почти излечена, а договора же истекают в конце будущей осени.

Жду Вашего ответа.

С приветом,
И.Оратовский»

«Уважаемый тов. Федосеев!

Получил Ваше письмо от 12.XI.40.

Считаю необходимым сообщить Вам следующее.

Весь 1940 год я работаю над переводами произведений Низами. В начале 1941г. выйдет перевод «Славянской царевны» (новелла из поэмы «Семь красавиц»), переведена мною и еще двумя поэтами¹. Сейчас она печатается отдельной книгой в Москве в оформлении палешан (жители села Палех – авт.). Книга эта предназначена для детей старшего возраста. Издает ее Детюниздат Азербайджана.

Сейчас заканчиваю работу по переводу избранных мест из эпопеи Низами «Искендер-наме» (об Александре Македонском) – всего 2000 строк, для журнала «Октябрь» и одновременно работаю над второй частью поэмы «Хосров и Ширин».

Такое «распыление» происходит не по моей воле, а по злой воле наших издателей и руководителей.

Вскоре в Баку выйдет на русском языке полный свод азербайджанского народного эпоса «Кёр-оглы»², над переводом на русский язык поэтической части работаю и я.

Оригинальных стихотворений мною в этом году написано сравнительно мало, ибо переводы меня сильно переутомили. Сочетать все это со службой довольно трудно.

Написано мною несколько стихотворений, небольшая поэма ...[...]

На днях должен сдать в местный Детюниздат небольшую книгу стихов, выход ее запланирован в I квартале 1941 г.

Кроме этого, мною мелких произведений современных азербайджанских поэтов было переведено много к декаде азербайджанской литературы в Москве и напечатано в Альманахе Азербайджанской Советской литературы.

Думаю, что послать Вам сейчас что-нибудь преждевременно, вышлю все, что выйдет из печати.

С товарищеским приветом,
И.Оратовский»

¹Ивановым С., Плавником А.

²В книге переводу И. Оратовского принадлежали главы «Дербентский поход Кёр-оглы», «Старость Кёр-оглы». Совместно с другими переводчиками эпоса С. Ивановым и В. Гурвичем И. Оратовский также перевел заключительное стихотворное «Приложение к эпосу Кёр-оглы» // Кёр-оглы Азербайджанский народный эпос. Азербайджан. Баку. 1940 г.

Строить планы на 1941 год, конечно, можно было. Только не всем планам удалось сбыться.

Так, И.Оратовский, как и его друг по переводам С.Иванов, как и адресат по переписке, профессор Г.Федосеев, в 1941 ушли на фронт. Вернулся с фронта только один Оратовский, пройдя спецкором военной газеты с частями Красной Армии Иран, Польшу, Германию, Восточную Пруссию, Маньчжурию («за границей бывал только с частями Красной Армии»), остров Сахалин, участвовал в боях. В армии, в 1943 году, он вступил в партию, вернулся с двумя орденами Красной Звезды и семью медалями, был награжден за выполнение заданий командования.

После войны начиналась новая жизнь. С 1941 года Иосиф Оратовский уже не был ответственным секретарем русской секции ССП Азербайджана, придя с фронта в 1947 году, в 1948 он устроился начальником сценарного отдела Бакинской киностудии, но, проработав там два года, ушел на творческую работу. С 1952г. он вел общественную работу в ССП Азербайджана, был членом правления Литфонда, одним из руководителей объединения молодых поэтов при союзе писателей.

В 1952 году друг И.Оратовского Абрам Плавник, уже будучи сам секретарем русской секции Союза писателей Азербайджана, в чудесной творческой характеристике для вступления в Союз Писателей СССР среди всего прочего написал, что Иосиф Оратовский, в прошлом рабочий-нефтяник, сейчас один из активно пишущих поэтов Азербайджана. Его довоенные стихи (книга «Первая песня») о современниках – нефтяниках, студентах, молодых строителях родной республики – отличаются романтизмом, лиричностью. В военных стихах И.Оратовского (книги «Фронтовые дневники» и «Нам нельзя проститься») прослеживается «четкое реалистическое письмо», а сами эти книги являются «лирической летописью солдатских будней». Послевоенная книга И.Оратовского «Друзья повсюду» посвящена идее неразрывной связи советских людей, их дружбе, работе, жизни родной республики...

И, конечно, А.Плавник отдельно отметил переводы И.Оратовского, подчеркнув, что «знание азербайджанского языка во многом повышает качество его переводов».

Иосифу Оратовскому, так стремительно ворвавшемуся в студенческую активную жизнь, так активно подхватившему литературную жизнь Азербайджана, не удалось окончить исторический факультет – помешала болезнь, не удалось окончить литературный институт – помешала война, но разве поэт определяется корочкой об образовании? Видимо поэтому с фотографии уже в личном деле Союза советских писателей СССР смотрит не целеустремленный юноша, а мудрый, ироничный, многое понимающий Поэт.

Иосиф Оратовский прожил до обидного мало. Родившись 14 июня 1914 года, он внезапно умер 18 января 1963 года. Но годами ли определяется след, оставленный Поэтом?

Оратовский Иосиф Борисович является автором книг «Первая любовь» (1938), «В бой, товарищи!» (1941), «Фронтвой дневник» (1942), «В боях за Кавказ» (1943), «Нам нельзя проститься» (1948), «Друзья повсюду» (1950), «Маленькие граждане» (1952), «Поэма о разлуке» (1954), «Расставания и встречи» (1958). «Точное время» (1960), посмертно «Избранное Стихи и поэма» (1966).

В его переводах с азербайджанского русскоязычные читатели познакомились с азербайджанским эпосом «Кёр-оглу», а также с произведениями Низами Гянджеви, М.Дильбази, С.Вургун, Натаван, С.Рустама, Расула Рза, Гусейна Джавида, М.Рагима, М.Ахундова, Б.Касум-заде, Р.Мамеда, К.Тагиева, Бозганлы, З.Халила, Нигяр Рафибейли, Бахтияра Вагабзаде, Сафарли, А.Зиятая, А.Абасова, К.Закира, Н.Бабаева, Г.Гусейнзаде, М.Сеидзаде.

ДИНА ИЗМАЙЛОВА
(Владивосток)

ЛЮДИ И ТЕНИ...
Повесть

*Тусклый день, укутавшись в закат,
Задремал. Зажглись в домах глазницы.
А тела, ослабшие стократ,
Отпустили тени порезвиться...*

*Люди без теней укрылись в сны.
Тени без людей в ночи воспряли –
Необузданно мятежны и хмельны
В мороке безудержной печали...*

Предисловие

И люди без теней, выпуклые в своей очевидности, держащие нутро в контурах чётко очерченных тел, тела – в рамках ярко освещённых каморок, лица трепещущие пластиковыми масками прикрывшие...

Где-то на задворках бродят их голодные неприкаянные тени, жалобно поскуливая от безнадёжной одиночества. Они сбиваются в стайки, рыскают в подворотнях, уползают под кроны деревьев, в подземные пещеры втискиваются шорохом мышинной возни, обрушиваясь невзначай беспросветным мраком на потерявшихся странников, цепенеющих от внезапной тоски...

1

Лохмотьями душа Её повисла на растопыренных ветках кедра, обволакивая ствол бестелесной невесомостью. Сквозь Неё струился туман, сливаясь с которым Она обретала силу и слабость инобытия – вневременного и внефизического – парения тени, некогда оторвавшейся от плоти, рассыпавшейся на кровотокающие фрагменты у подножия горы. Полусонное солнце розовато подсвечивало зарождающееся утро, пробивая брешь в пелене воздуха, рассеивая туманный морок, растворяя его в прозрачной неизбежности дня. Под натиском солнца Она сползала всё ниже, оставляя на колючках могучего дерева невидимые ошметки Себя, пока не припала к могучим корневым переплетениям, уползающим в подземельный мрак затхлого сна, утягивающего Её за собой. Белая бесплотная женщина¹ замерла полупрозрачным облаком в хтонической пещере, объятая дремой, нащёптывающей ей сказки давно минувших лет. «Друг мой милый, окропивший земли эти своей кровью, чую твой

¹ «Белая женщина», по преданию, была невестой верховного жреца, который принёс себя в жертву на вершине горы Пидан (Приморский край) и остановил войну. Когда жрец не вернулся с горы, женщина отправилась на его поиски. Труп бездыханный нашла. И тогда она бросилась вниз со скалы, и её тело разбилось о камни. А душа осталась на вершине рядом с трупом возлюбленного. Так у горы появился духовный охранник. С тех пор «Белая женщина» бродит по лесу, оплакивая погибшего любимого и охраняя путников. Она является как предупреждение об опасности. Блуждающим в лесу помогает отыскать верный путь. (Легенды горы Пидан)

запах в каждой травинке, слышу дыхание твоё в шелесте листьев, в подвывании тоскующего ветра, вижу отражение твоё в бурлящем стекле ручья, множественными осколками спадающего с вершины. Годами, десятилетиями ищу тебя, блуждая под землёй, летая над облаками, натываюсь на отпечатки твоей души, а тебя нигде нет. Где же ты, любимый, принёсший в жертву себя во имя жизни всех прочих, во имя смерти Меня, Единственной? Зову тебя – знаю, что не откликнешься. Ищу тебя – знаю, что не отыщешься. Но здесь мне не осталось ничего иного. И в мир другой пути нет. Навеки замерла в ожидании...»

2

В восемнадцать я совсем не умела общаться с людьми. Были отчётливые очевидности, ради которых не стоило ворочать языком, типа: «И снова дождь», «А всё-таки Танька – корова», «Какая тоска – эта внешнеэкономическая коммуникация»... Иной раз сказать «Привет» было всё равно, что садануть булыжником в ближайшее дерево – и лень, и тело ломит от несурзности, и невнятно хочется вроде, а толку-то никакого, одно сотрясение воздуха и общественная девиация. Молчаливая я была девица, всё больше безмолвствовала в кругу говорливых подруг, невнятными жестами отделялась да улыбками отпихивалась от досужей коммуникабельности. Мне «Здорóво!» вопят, издали помахивая конечностями – я лыбу чпок, ресничками хлоп, «Уф-ф-ф!», пронесло, далее топаю в тишине собственного неговорения.

А порой как прорвёт, словно трещинка в большую дырень прорастает, ширится и глубится в необозримой безграничности, и начинаю я лепетать чушь несусветную – всю белиберду, по карманчикам души распиханную, невпопад повыплёскиваю, да и замолкну, ударившись об изумление собеседника... И снова – лыбу чпок, ресничками хлоп, невинно так плечиками оп, ладошками перед лицом поведу, наваждение отряхивая: «Чур меня, фу-у...» И вновь тишайшая благодать обезвреженного словоизвержения, и умирающие фразы, тихонько скворча, угасают в придорожных лужицах...

А так хотелось всегда сказать что-нибудь. Поймать первого встречного, наговорить ему сотни две слов, громоздя одно на другое, сооружая на его голове шаткую пирамиду своего волнительного недоумения, а потом второго поймать, третьего, десятого, сотого, тысячного мимоходящего, мимопадающего во тьму ежеминутного забвения. И поведать им всем, что я умру, и они умрут, и они умрут, и, наверно, есть Бог, а возможно, его нету, и неизвестно, что хуже... и если он есть, то почему же... а если его нет, то как же... а у тёток в автобусах невыносимо пустые лица, смиренно самодовольные, пугающие своим мертвенным покоем... а у бездомных собак такие заведомо виноватые глаза, когда они, поджимая хвост, трусят вдоль обочин дорог... и пока я брожу по улицам, я могла бы выучить все диалекты китайского, сдать кандидатский минимум, и, влюбившись, переспать с полдюжиной парней, а, разлюбив, разочароваться наконец в любви и самоутвердиться в работе... но тошнотворно ничего не хочется, лишь бы отворились створки воздуха, лишь бы высветился кусочек неба, стянутый пеленой облаков...

А когда по утрам вырождаешься из сна, порой не понимаешь, где ты, словно бы нитки все поистёрлись, прорехи зияют в пространстве, и надо быстро наляпать заплатки, чтоб не выпасть изнутри НАРУЖУ. На обнажённую пустоту утра отчаянно натягиваешь вчерашние события, подмазывая щели смутными воспоминаниями, кое-как создаёшь целостность времени, чтобы как-то идти дальше, опираясь на шаткие цели и призрачные ориентиры... Мне нынче двадцать шесть, я уже научилась общаться, я менеджер среднего звена, моя профессия говорить с людьми. «Привет, – я машу руками какой-нибудь неведомой тени. – Однако, ну и погода. Не хотите ли чего прикупить, а?»...

3

Живёшь, словно идёшь коридором, стены которого увешаны разномастными картинками. Тут и обольстительные пейзажи, и аппетитные натюрморты, и загадочные зигзаги вперемешку с кляксообразными разводами, и всевозможные отпечатки лиц на глянцевых бумажках, да рекламные слоганы на приклеенных наспех плакатах. Собачек, кошечек ещё много – всяких, и няшных, и несчастных, младенцы рожичи корчат то тут, то там. Накачанные попки мелькают, повсеместно губки выпячиваются, как некие автономные новообразования на плоскости дня. И всё же какое-то катастрофическое изобилие фотографий. Женщины на них краше, чем в действительности, природа причудливей, дети – с крылышками за спиной. Все они выпуклы, тени не отбрасывают, сияя в своей однозначности. Только глаза устают, и зевота накатывает... «Спать, наверно, пора, – зеваю я, захлопывая ноут. – Авось сон обрушится как чёрный квадрат, затянет в свою безмятежную мглу, в сад теней на пару часиков...»

– Анжи, может, на Пидан махнём. – Голос Фила доносится словно издалека, с треском разрывая свивку моих бессвязных мыслей.

– На фига? – отрываюсь я, лениво опрокидывая голову в мягкотелость бесхребетной подушки и запрятывая глаза под утомлённые шторы век.

– Загадаем желание на вершине, мудрость обретём, порыскаем среди камней в поиске озера с животворной водой, авось на пещерку магическую набредём... А нет, так просто нахерачимся у подножия да потрахаемся всласть под шелест вековых древ...

– Я помню корни бессмертных деревьев, плетущихся по земле, поросшие мхом, пропитанные старостью...

– Пойдём. – Фил по-хозяйски наваливается на меня всей тяжестью тела и, прикусив сквозь лифчик сосок, невнятно бубнит в межрёберные щелины: – Припадём к ним устами жадными, да телесами упитанными поелозим. Чего ржёшь?

– Я не ржу, я заливаюсь хрустальным переливистым смехом. Аки Рапунцель. Али Русалочка. Аки Волочкова, пригвождённая к неотвратимости шпагату. Задушишь, перестань.

– Так пойдём?

– А если меня крылатая бабёнка поцарапает, а то и тигр отгрызёт бочок? Вот этот самый, а?

– Этот самый – я защитю, собой прикрою. Этот бочок мне особо мил.

– Да ладно?

– Точно.

– Ну ладно.

– Точно?

– Покажь, как прикроешь.

– Убедил?

– Почти...

– Пришло время полазить по камням?

– Лазить – не собирать... Поприкольней будет.

4

Инстаграм. Фото. Моё отражение в зеркале.

«Я смотрю в прошлое, но не назад, а куда-то в сторону, в правую, в левую, не понять, плоховато у меня с ориентирами, а вроде по алгебре было пять, такой же успех по геометрии – школьное время, ничего и не надо знать, кроме теорем всяких,

да тычинок с пестиками. Параллельно с нынешней мной бредут мои двойники по безвременью, совсем и не важно, двадцать лет им иль семь, они одинаково мною потеряны. Да к чёрту, да ладно, утрат и не счесть, растаяло лиц дорогих немерено, а всё-таки словно бы всё не всерьёз, чудится что-то невсамделишное... Реальность накладывается на сны, из сна вырастает данность вполне себе зыблемая, а мне, когда плохо, хочется спать, разбавить действительность сновидениями. Такая запутанность в голове, словно живу на две жизни, притворствую. Альтернативой встаёт кровать – самая мощная машина забвения...»

5

У моей напарницы Оксы глаза – апельсиновые мармеладки, окаймлённые гигантскими гипюровыми ресницами. «Ты всё-таки грустная», – неотступно преследует она меня, ни на градус не уменьшая степень личной счастливости, которая зашкаливает за все разумные пределы. Ликование, искусно сотворённой маской, растянулось на физиономии Оксы – полчаса моя напарница, не мигая, восторженно тарашится на меня, ни единая тень не искажает ровного выражения её лица. Алябастрового лица. Вспучены в улыбке коралловые губки, пронзительно-синие очи, как у рисованных мультяшек... Мне часто кажется, что если ткнуть ей в глаз ручкой, то ручка расплавится от прикосновения к сияющей поверхности радужной оболочки. Задумчиво я рассматриваю Оксу, рассеянно прислушиваясь к её щебетанию. Должны же быть границы у этого заливающего собой всё вокруг позитива, и, если впрямь ткнуть ручкой, типа нечаянно, и потом: «Ой, Ксюнечка, как же я так, прости». «...Что ни делается, всё к лучшему...» – доносится до меня Оксин голос, она болтает о чём-то своем, но я как-то оживаю...

Она выловила меня у кабинета директора, и с тех пор никак не в состоянии отлипнуть, и лишь потому, что в ответ на её фонтанирующее ликование я всего лишь сказала: «Привет», в полуулыбке растянув губы. И никакого восторженно-радостного: «Ой, Окса!», никакого выхлопа резвых словотворений. Ни экзальтированного шевеления конечностями, ни мимического вырисовывания на лице внутреннего блаженства. Просто: «Привет». И уже направилась дальше, ну, типа, дела, ну, блин, очень надобно. Но Окса выпучилась в непомерном восторге и возопила: «Ой, это что, сперма?», указующим пальцем ткнув в мою верхнюю губу. И тут же на ушко зашептала интимно: «Между прочим, очень полезно на лицо мазать, морщинок как не бывало. Да и вообще – чистый протеин, знаешь ли, хоть внутрь, хоть наружно – во всех смыслах оздоравливает». И столь победительно-убедительно огляделась по сторонам, что мне только и осталось выдавить: «Ксюша, твой сияющий вид – живое этому подтверждение, но я, чесслово, не потребляю по утрам сей восхитительный продукт. И вовсе не сперма на моих устах. Это кефир». Тут-то она и заявила, что я грустная, оказывается. Так и сказала: «Ты грустная!». А потом спросила: «Ты почему такая грустная? – после чего подытожила: Нельзя быть такой грустной». И с тех пор таскается за мной, пытаясь осчастливить и развеселить.

А я была вовсе не грустная. Во всяком случае, вначале...

Вообще, я, конечно, человек не особо радостный, порой и всплакнуть могу в каком-нибудь страдальческом треволнении. Но сегодня настроение как раз было ничего. С утра жизнь складывалась неплохо – кот не насрал ни в один сапог, ни в прывый, ни даже в левый, я не проворонила кофе на плите, уличное солнце ласково пригревало макушку, сучка-главбухша получила охренительный расп...дья от начальства за какой-то неоплаченный счёт, и мне всё это было вовсе не неприятно. Но в тот момент, когда Окса сказала мне о моей грусти, я вдруг её ощутила – грусть, застрявшую в каждой клеточке организма, почувствовала мелкие пощипывания в душе и неясное свербение в носу. И чем дальше я вглядывалась в апельсиновое сияние Оксиних глаз,

тем бесповоротней впадала в трясину нечеловеческой скорби. А Окса переливалась всеми цветами радости, являя миру такой образец незатухающей жизнерадостности, что мне оставалось на её фоне только блекнуть, тухнуть, сдуваться, в рыданиях опадая на пол. У-У-У-у-у... До чего же я грустная... Как же ты меня задолбала, Окса. Как же я хочу куда-нибудь подальше от тебя...

6

Конечно же, людей могло бы быть и поменьше, но ведь каждый кому-нибудь да и необходим. Порой мне так хочется загнать их всех в табличную клетку, прочно классифицировать, припечатать стандартными штампами, чтобы зафиксировать раз и навсегда моё отношение к ним. Пущай живёт оно в таком раз и навсегда зафиксированном виде и не дёргает без конца моё сердце тревожными метаниями. Вот взять, к примеру, Татьяну Петровну. Начальство ненавистно-своекорыстное. Я бы её засунула в чёрную каморочку своего нерасположения: ну, не нравитесь вы мне, глубокоуважаемая ТЭПэ, нате – вот вам моё пожизненное «Фи!». Чихаю на вас задорно, а в отсутствие чихательных импульсов, просто игнорирую всеми силами организма. Но порой как зацепит она меня своей полудетской улыбкой, хитровато выглядывающей из чернеющих миндалинок её косточкообразных глаз, и всё тут – заходится душа моя мелкой дрожью любопытствующего сопереживания, а значит, каморке кирдык, а мне розовый фиг и очередное стрессообразующее волнение. Думай теперь о ней, возбуждай и морочься, словно бы дел других нетути...

А всего-то и надо, изречь независимо, как человек взрослый и сознательный, двадцатилетний, в конце концов, полных двенадцать месяцев отработавший в непрерывном усердии, сидя на вертявом кресле, напряжённо пялясь в комп и натирая многострадальное ухо телефонной трубкой: «В отпуск хочу, на неделю. Прямо сейчас, и точка». И ногой топнуть в нетерпении, чтоб дошла до неё вся степень важности желания моего...

Впрочем, я и топнула в результате, конечно, громковато, быть может, нервозненько как-то, даже чуток психопатизировано... Побродила вокруг кабинета в саднящей неуверенности, но зашла решительно, грозным топотом глуша застенчивость. Бумажку ей под нос сунула рукой, предательски подрагивающей, гордо вздёрнула лицо в непрошибаемой заносчивости. ТЭПэ скривилась, превратив в сущие щёлки свои корейские очи, и подмахнула – нехотя так, с осторожно демонстрируемым отворачиванием. И кривоватой ухмылкой просигналила: «Да иди ты! В отпуск, к чёрту али на Пидан, на хрен, в общем, малолетка бестолковая». Уф-ф... Ну, я и пошла с облегчением.

7

Множусь, дроблюсь, разлетаюсь брызгами в стороны, спеша везде поспеть, но повсюду опаздывая... Опоздала на работу, опоздала с работы... СМС-ку от Фила: «Ярый к 18.15 подъедет, привезёт палатку» увидела в 18.30, метнулась домой, на бегу запахивая плащ, нахлобучивая шапку, обматываясь удавкой шарфа. Мелодичная трель телефона отзывается в душе кисловатым привкусом невнятной вины. У Фила дар пробуждать во мне безотчётное чувство тревоги, предощущение преступления, ещё вроде не реализованного, даже не задуманного, но словно шелестящего в пространстве непременною совершением...

– Ты где? – обиженно бухтит Фил в трубку. – Там Ярик ждёт тебя у дверей.

– На работе задержалась, ты меня предупредил в последний момент, – огрызаюсь с жалкой виноватящейся агрессией.

- Нечего задерживаться. Тебе пять минут до дома.
- Не ори на меня. Пришлось задержаться. И вообще я почти у дома.
- Ярый там?
- Да.

Ярик беспечно лучезарит донжуанской улыбкой, блеск которой зажигает в недрах каждого женского организм непроизвольный отклик. В его бесхитростно-тщеславном желании понравиться сквозит обаяние ребёнка, выпрашивающего шоколадку. Так и хочется потрепать его по загривку или сотворить что-то в этом духе – столь же незатейливо легковесное, как выдувание мыльных пузырей, лопающихся, едва родившись...

– Долго ждёшь? – хмыкаю, изо всей мочи придерживая губы, стремящиеся поползти по сторонам в приступе чрезмерной приветливости.

– Жду долго, – с кобелиной добродушной учтивостью отзывается Ярик, отзеркаливая по своей всегдашней привычке мой вопрос. – И готов ждать сто раз по столько.

– Мне уйти, вернуть тебе счастье ожидания? – губы мои всё-таки самопроизвольно растягиваются до ушей.

Общение с Яриком ненапряжно и безопасно. В его волокитстве нет ничего угрожающего, в мальчишеском нахальном любопытстве – ни капли нажима, ни малейшей попытки возвеличить или опустить, просто нескрываемый интерес мужской особи к женской. Я для него самочка, таящая в себе возможность случайного приключения. Это действует расслабляюще. Я тоже думаю о нём вскользь, мимоходом. Он никогда не сможет запасть в моё сердце, меня не волнует сам факт его существования, но при случайной встрече он задевает краешек моей души альтернативой лёгкой жизни, где можно лучиться просто так, чувствуя импульсы удовлетворённого желудка или внезапную ласку солнечного тепла, пригревающего затылок, и не морочить голову друг другу бесконечными предъявами, не раздирать нутро в поисках ответа на вопросы, упирающиеся в тупик, не мучить друг друга занозами подозрений...

Фил трижды позвонил мне во время нашего коротенького разговора с Яриком, и четыре раза – Ярику, становясь злее раз от раза, вызывая во мне всё более жестокое чувство нарастающего протеста. Раньше мне льстила чуток всегдашняя ревность Фила. Ведь он так любит меня – самодовольно приговаривала я, хихикая в кругу подружек – кровососущих няшек с кукольными глазёнками над ядовитыми язычками. Но это было до того вечера, когда мы перешли рубеж и, раненые друг другом, пошли дальше, сжимая руки друг друга до нестерпимой боли, в попытке то ли удержать, то ли насладиться муками друг друга... Фил пообещал, что тот вечер не повторится, я поверила, мне ничего другого не оставалось, но над нами словно нависла тень, которую я отгоняю изо дня в день, не допуская просочиться в мысли. Я слишком хорошо помню, какая едкая субстанция – недоверие, разъедающая любые отношения, превращая их в труху, в пепел, в небытие...

8

Отец умер ночью, сердце во сне разорвалось, он внезапно застыл, через него больше не проходил воздух, все наши плачущие слова отскакивали никчёмными резиновыми мячиками от его окаменевшего тела, болезненными ударами возвращаясь к нам... Лицо его опало, враз сделалось чужим, инаковым, потусторонним... Помню, не оставляло ощущение мистической подмены. Словно кто-то большой и шаловливый подкинул нам в квартиру это холодное существо, странно искривившее губы, а папу забрал себе.

Чуждый всем живым, торжественно спокойный, отец возлежал на диване, а мама гладила его правую очень белую ногу, такую же ненастоящую, как он весь. «У него такие красивые ноги, – она взглянула на меня пересохшими обезвоженными глазами. – Я совсем забыла, какие они красивые». В этом моменте было что-то слишком интимное, царапающее уши и глаза обнажённой откровенностью, полной потерянностью, абсолютной утратой самоконтроля, которым всегда отличалась моя мать. Хотелось выскользнуть из комнаты, слиться со стенами, затеряться в пространстве квартиры, как в тот день много лет назад, когда я невзначай оказалась в родительской спальне, застав папу с мамой в момент полного проникновения друг в друга, полного поглощения друг другом. Мне почудилось в их близости какое-то взаимоуничтожение, слишком неистово они сливались в одно, с мучительной болью преодолевая свою разрозненность. Тогда я исчезла тихо, тенью просочившись сквозь полуоткрытую дверь, затаилась у себя в изумлении, невнятно стыдясь чего-то.

Мама совсем растерялась после смерти отца, неуверенность стала сквозить в походке, взоре, в каждом её робком движении. Она смотрела сквозь меня с братишкой, погружившись в недоуменную рассеянность, говорила с нами на автомате безжизненно правильными фразами, всё больше лежала. Она наглухо запиралась в комнате, из которой до нас доносился только её голос. Она вела путаные беседы с отцом, выговаривая в пространство всё невысказанное за время их совместного молчаливо-недоверчивого бытия. Думаю, её поедом ела вина и ощущение тотальной безысходности, чудовищное в своей простоте и очевидности осознание, что уже ничего нельзя поделать, а главное, сказать. Что ни скажи, всё упадёт в мрачную бездну небытия, разверзнувшегося внезапно на безопасном, надёжно забетонированном, но отчего-то обрушившемся пути. Он умер, не услышав от неё чего-то важного, что говорится не между прочим, а глядя глаза в глаза, что, возможно, вообще не говорится, лишь ощущается в редкие минуты абсолютной близости...

Я думала, как же так получилось, что два нуждающихся друг в друге человека могли так упрямо изничтожать один другого, запрятавшись в свои обиды, как в панцири, все силы тратя на самооборону и нападение. Они перекидывались обидами с ожесточённостью кровных врагов. Я помню это клубившееся над их головами недоверие, которое подтачивало целостность нашей семьи, отбрасывая самых близких людей в такие крошечные дали отчуждения, из которых выкарабкаться поодиночке невозможно... Казалось, что отчуждение это было непреодолимо, и сделать первый шаг немислимо, нереально протянуть руку через колючую проволоку кажущегося растущего раздражения... Но тут вмешалась смерть, ошарашив беспощадной пощёчиной, внезапным сотрясанием души, после которого осталось только смотреть в никуда обезвоженными глазами и слабым голосом говорить-говорить в слепо-глухонемому небытия бесчисленные слова, которые ещё недавно могли быть услышаны, если бы были сказаны вовремя...

9

Инстаграм. Фото. Ручка, зажата в кулак.

«Если думать вскользь и по чуть-чуть, то жизнь вполне терпимая штука – порой тепло, светло часто.

Когда холодно, можно соснуть и представить себе Африку...

Когда темно, можно спрятаться куда-нибудь, принакрывшись с головой одеялом надежды...

Всё хорошо...

Всё как у всех, а иногда даже лучше...

Душа в кулачке, лицо на поверхности...»

Окон в офисе больше, чем дверей, чтобы было куда глазеть, чтобы некуда было выйти, минуя пристальный взгляд охранника. Кусок неба в пластиковой обёртке, пучок зелени в горшке – уже счастье.

Окса в скорби тулится подле меня, ибо в этот раз бесконечно позитивна я. И резонные причины на то имеются. Последний рабочий день – это раз. Три клиента отозвались на расслабленно-торжествующие интонации моего голоса и заключили договора на поставку – это два.

Ксюня убита наповал моими внезапными успехами. Дух её придавлен вселенской несправедливостью, сердце возмущённо бьётся о костяк груди. Ничто не может опечалить больше, чем шлюховатая удача, свалившаяся на коллегу-высочку. Моя напарница искренне сокрушается о моих трудовых свершениях, по-детски просто-душно жаждет моего провала, с бесхитростным упованием следит за мимическими трансформациями моего лица. «Ху...венько, да», – воссияв надеждой, восклицает она, наконец, когда я с протяжным стоном стучаюсь лбом о светлый глянец столешницы, отрешившись на миг от монитора. «Да, напротив, – отвечаю я не без зло-радства, показушно мученически закатывая зенки, – ещё заявка, прикинь. Кажись, подфартило перед отпуском».

Окса испускает душераздирающий вздох и, украдкой стянув со стола мою погрызенную ручку, поднимается в стремлении удалиться, сохранив последние крупницы достоинства: «Слушай, дай займы пятихатку до вечера, а?». Я милостиво протягиваю купюру, предвидя продолжение. Она медленно удаляется за раздвижную перегородку ворожить али ведьмачить – я слышу, что посыпалась соль, зашуршала моя денежка, зазвенели её монетки, чую, что зажигаются свечи, резкий кедровый аромат наполняет комнату, сливаясь с запахом палёной бумаги. Чародействует ведунья-шептунья в попытке оттянуть везение моё безмерное к себе, шаманит, подключаясь растопыренными проводками души к Космосу, беззвучно выкрикивая в магический рупор свои просьбы-повеления. Сквозь полупрозрачный пластик я замечаю очертания ножичка, взметнувшегося над столом. Тут уж не сдерживаюсь: «Ты, Ксюнь, осторожней там с колюще-режущими. Жить-то я буду, а? Хочется ещё чуток». Она хихикает, показываясь на мгновения из-за загородки, и тут же поспешно покидает кабинет, видимо, устремившись в тишь клозета налаживать связь с Вселенной через волшебный толчок с бурлящими потоками воды...

Примерно через час Окса прикатывается обратно в обычном своём припадочно-радостном состоянии – сверкающим диско-шаром, испускающим в стороны разноцветное сверкание и бесчисленные щипяще-трескучие шумы. Она резво подскакивает ко мне и, ухватив за рукав, насильно тащит к окну: «Смотри, смотри на мою машину, это знамение!». «Где?» – я недоуменно щурю глаза, пытаюсь разглядеть свершившееся чудо с восьмого этажа. «Мою тачку обкакали голуби, это же к счастью, Вселенная посылает знаки, она откликнулась на мой зов!» – восклицает Окса, торжествующе глядя на меня в упор немигающим взглядом. «О, Ксюша, я так рада, что голуби насрали наконец в нужное место».

К вечеру в её профиле появляется изображение убийственно-красного в говнистую крапинку авто, на фоне которого Окса испускает неземное блаженство, облачённая в магически-кровавое платье с православным крестом в руках. Подпись под фото: «Вселенная всегда отзывается на твои просьбы, небесные посланники не дремлют. Ангелы-хранители всегда с тобой!». Моя реакция ограничивается безмолвным сердечком со столь же молчаливыми аплодисментами... Я занята сборами в дорогу, я фарширую рюкзак...

И всё-таки мир чрезмерно переполнен человечеством и машинами, раздутыми от людей. Это становится очевидно, когда застреваешь в пробке на тридцать семь минут без шанса продвинуться хоть на миллиметр. И собак до хрена развелось в городе. Убежать бы от всех, скрыться далеко, где нет никого, затаиться, вдохнуть полной грудью и понять всё, что сокрыто от нас, услышать, наконец, всё заглушаемое несмолкаемым гулом толпы. Да поди выберись отсюда. Торчишь в пробке на выезде из города, подумываешь про себя ерундистику всякую – неопределённо сумбурно, но определённо недовольно.

Люди, если вдуматься, в большинстве своём не приносят никакой пользы – ругаются всякими нехорошими словами, пивасик похлёбывают, пялятся в телик, шуршат целлофановыми упаковками покупок да гогочут в ночи, ну, и всякие разные другие глупости тоже делают, а пользы от этого никакой, одно расстройство. И от собак расстройство – гадят, гавкают, смотрят такими нечеловечески-скорбными очами, что становится стыдно и неудобно жить, разорвали во дворе двух бездомных кошек, которых тоже жалко весьма, хотя они существа довольно никчёмные и при этом плодовитые – в условиях, когда их не раздирают в бессмысленном воодушевлении на сто кусочков несколько бравых блохастых псов. А ещё крыс много, и тараканы периодически появляются в несметном количестве – их обычно не жалко уничтожать, потому что они довольно неприятные создания, но это не аргумент для того, чтоб они быстренько исчезли с лица земли, им почему-то жить охота, вот и живут, тем более что неприятностей от них гораздо меньше, чем от людей, а придать их ненароком не слишком зазорно, даже похвально. Малюсенький такой подвиг – раздавить таракана или размозжить башку неосмотрительному крысёнку – есть где развернуться отважному человеку.

Много, много всех – в глазах рябит, в ушах погугукивает, в душе мельтешится да вошкается, а всё не хватает кого-то – то ли мастодонта слоноподобного, то ли кабарги-крошки, источающей мускус обречённости. «У-у-у, – завывает белая женщина, – прячсья, малютка саблезубая, в горах крутых, зарослях густых, у истоков речек подземных, за камнями, мшистым ковром высланными... от импотентов слюнявых, коммерсантов шалавых, охотников бравых... Обниму тебя руками бесплотно-белыми, тюлем тумана дурманящего принакрою, от взгляда ненасытного человеческого убе-регу... У-у-у, не помогут клыки острые, ноги быстрые, прячсья-прячсья, душа шаловливо-пугливая, телелюбивая, незлобивая...»

Уф, кажется, пробка рассеивается... Всё-таки быстрая езда обнадеживает, само движение куда-нибудь становится единственной реальной целью, к чему-то приближающей, от чего-то удаляющей, извилиной бесконечной дороги, западающей за горизонт...

Хорошо бы всегда поступать правильно – не перебегать дорогу на красный свет, не втемяшиваться на бегу в собачьи как лакированной туфелькой, вести диалог с разнообразными элементами действительности конструктивно и осмысленно, не сбиваясь на ребячливые эмоции, методично подсчитывая все плюсы и минусы, выводя на монитор своего бытия победно мерцающий итог в виде единственно верного решения. Ах, какие побудительно-убедительные картинки порой рисует воображение в ответ на извиняюще-звенящий бумс оцепенелого недоумения перед нежданной развилкой на, казалось бы, прямом пути.

Хорошо бы всегда идти прямо – это очень дисциплинирует бредущих незнамо куда, это озаряет непостижимым шармом ищущих неведомо что, придаёт уверенную

пружинистость походке, победный блеск очам. Я бы хотела быть в их ряду, решительно шагать вперёд, не озираясь без конца по сторонам, не подбирая всевозможную дрянь с пола, не оглядываясь беспрестанно назад, не таращась на кривые тени, что мерещатся в зарождающейся ночи... Хорошо бы, кабы...

Но я всегда сомневаюсь, в каждом шаге своём, в каждом слове, иногда я путаю сон и явь, я словно бы теряюсь сама в себе и не вижу выхода из себя наружу... Фил угадал это, нащупав спрятанную от всех за праздничным фасадом мою уязвимость. Он крепко ухватил меня за сомнение моё, он каждодневно выуживает меня на поверхность дня, тащит за собой с великодушием победителя. А я тащусь с растерянностью побеждённой. Он прост, как земля. В его спокойной пружинящей походке мне чудится знание дороги, я иду за ним след в след, мне кажется, без него я потеряюсь совсем, остатки меня сгинут в тишине ночи без шанса возродиться к утру. Мне чудится, что он – моя судьба, моя тропа к истине, мой выход на белый свет... Куда я без него? Как я без него?

Мы приехали в Лукьяновку на заре, мы выгрузили свои тела из машины, навьючились рюкзаками, опрыскались вонючими химикатами от клещей и двинулись в путь. Деревня медленно опрокидывалась в тайгу. То там, то тут проскальзывали единичные элементы буйства природы, которые неисчислимы в самой глубине таёжных дебрей. Здесь же лишь полунамёки на стихийный беспорядок, а так – почти цивилизация. Дороги изъезжены сотнями машин, затоптаны тысячью ног, то и дело туристы приветливо семафорят улыбками, на которые дружелюбно сигналишь своей самой пресамой благожелательной, выуживая её из кармана памяти, чтобы после, тщательно свернув, запрятать в самые недра, приберегая для следующей судьбоносной или не очень встречи...

Кодекс чести туриста обязывает к дружелюбию и взаимопомощи. Тайга слишком своенравна и безучастна к путникам, бредущим тропинками к неведомым вершинам, чтобы можно было позволить себе мелочные склоки и пренебрежение к правилам этикета. Тут каждый подскажет дорогу, поделится печенюшкой, подбодрит добрым словом. Чем дальше от людей, тем более тёплые чувства возникают при виде каждого случайного прохожего, в первом встречном распознаёшь близкого человека, на приветливую улыбку глаз отвечаешь доброжелательным взглядом, доверчиво протягиваешь руку, рассчитывая на искреннее рукопожатие, не веря, в принципе, в реальность человеческой подлости...

13

– Знаешь, Фил, люди говорят, что Пидан может не подпустить к себе. Вдруг мы заблудимся?

Я пристально смотрю на Фила, я замечаю, что чем дальше от города, тем увереннее он себя ведёт. Его голос тих и внятен, улыбка спокойна, хоть и грустна. В людях я обращаю внимание на голос и улыбку, мне кажется, в них кроется вся правда о человеке. Сияние и звучание – вот то, ключевое, на что отзывается сердце. Люди слишком много внимания уделяют мелочам, типа социального статуса, мускулов или денег, чтобы услышать друг друга. А это ведь очень важно – слышать и видеть другого человека. Для этого нужно не вслушиваться в слова, а сквозь слова внимать мелодике голоса. Для этого надо не рассматривать человека по частям, а сквозь тело глядываться в свет его души...

- Да брось, – с тихой убеждённой произносит Фил. – Я был здесь три раза.
- Тогда вёл кто-то другой. Как вожак ты впервые.
- Сомневаешься во мне?
- Мне нельзя сомневаться в тебе. Я-то дороги не знаю.
- Мы придём, мы точно придём. И не куда-нибудь, а на вершину.

– Хвастун. Вознеси мольбу богам Пидана.
– Ты трусливая мракобеска. Кровью не хочешь окропить вершину?
– А вдруг поневоле выйдет. Тётка в деревне сказала, что исчезают собаки. Видимо, в горах бродит голодный мишка.
– Может, голодный кореец промышляет охотой на собачатину?
– О, только не кореец. Надеюсь, за весь отпуск никто раскосый не мелькнёт меж деревьев. Уж лучше мишка. Блин, икота напала. Неужто ТэПэ вспоминает?
– У вас мысленная переключка. Бодаетесь в ментальном пространстве.
– Не смешно. Я думаю, она меня ненавидит.
– Тебе всегда кажется, что все вокруг питают к тебе какие-то особые чувства. Но особые чувства в большинстве своём люди питают лишь к себе. Она вовсе не хочет, чтоб ты сдохла – так, покалечилась чуток. А в целом, полагаю, ей похрен.

14

Даже такая очеловеченная тайга, как в окрестностях Пидана, пронизана борьбой. Подле вековых монументально высящихся кедров – обломки-калеки иссохших деревьев, в терпеливом упрямстве тянущие свои поросшие робкой листвой культы к небесам. И вроде гомонят пичуги о чём-то своём беспечальном, и солнце траву золотит, а всё чудится разлившаяся в воздухе угроза, предзнаменование бури, затаившаяся в недрах земли боль, жёстко подавляемая, но в любой момент способная взорваться в припадке исступления.

– Посмотри, берёзки ломаются первыми, – замечает Фил, словно бы на вылете выхватив эту мысль из моей головы.

Иногда у нас слова перетекают из души в душу, и мне чудится, что мы связаны в единое целое, наполнены единым коктейлем смыслов и словоформ, которыми лениво перекидываемся, словно подтверждая вновь и вновь нашу близость, – наше вращение друг в друга. Как корни различных растений переплетаются под землёй, так и мы сплетаемся чувствами, и каждое движение не в лад заставляет корёжиться от боли. Или всё-таки корёжусь я одна и просто перекидываю свои ощущения на Фила? Я, как вон та лиана дикого винограда, обвинившаяся вокруг невозмутимого кедра, прилепилась к Филу, а он и не ведает того, топает по собственному хотению.

Это предположение делает меня обострённо несчастной, принуждая к показушной горделивости. Я всегда отвожу взор первой, я демонстрирую независимость, я и сейчас не замечаю его руку, протянутую мне, и лихо перескакиваю с камня на камень, пытаюсь держаться поодаль. Я ведь могу и сама, я просто иду рядом, поддерживая разговор...

– Да, – отвечаю чуть погодя, – они словно потерянные среди этих невозмутимых сосен и кедров. И каждая берёзка, кажется, живёт по отдельности... Они такие растерянные, качаются под порывами ветра и недоумевают, как их занесло в эти края... Как-то по-книжному заговорила я, смешно даже. В тайге современность осыпается, чувствуешь себя словно вне времени. В городе я бы такое сказать не смогла бы. Ты замечал, что слова должны вписываться в пейзаж, в местность, в обстановку, так же, как интонация, произношение? Сам ритм предложений, музыка внутри нас меняются под стать изменившейся атмосфере...

– Есть такое. А вон, глянь, тулятся друг к дружке две покорёженные березки, как два инвалида. Может, у них взаимное чувство. Ты чего притихла? Думаешь о языке слов?...

– Да нет, ерунда... Просто нужда в друг друге это ведь не обязательно высокие чувства. Зависимость – это не любовь, говорят.

– Кто говорит?

– Психологи.

– Не верю психологам. Они пытаются упростить сложное и усложнить простое. Всё не так просто, хотя многое не так сложно, стоит признать. Ты зачем об этом сказала?

– Не знаю. Просто подумала. Получается ведь, что Белая женщина, скинувшаяся после смерти жреца с горы, была просто больнушка. Чего ей не жилось без него? А люди очаровываются легендой, видя красоту в поступках психически неполноценного человека. Посмотри, какой-то придурок построил здесь замок. Офигеть можно...

– Да ещё и розовый. Это, кажись, пародия на рококо. Блин, какие там балюстрады сверху. Это надо непременно сфотать. Какая-то запредельная хрень.

Розовый трёхэтажный замок в кружеве конструкций, с ажурными балкончиками по бокам нелепо высится посреди слякотной, словно уставшей от жизни бездорожной пустоши... Он наивен и торжественен, грустен и величаво слащав, он похож на изысканный торт, выброшенный на мусорку, который брезгуешь съесть, но всё-таки хочется украдкой попробовать.

– Да уж, человеки не перестают удивлять. Ремпель говорил, что получил во Франции Нарбонское пророчество, гласящее, что центр магии переместится на Пидан. Может, это современные феи обживают окрестности. А по ночам сюда съезжается нечисть со всего мира.

– Надеюсь, они умеют летать. Тут ведь бездорожье полное. А уже через недельку тайфун зальёт всё вокруг. Когда я последний раз здесь был, просто ливанул дождик ночью. Так наутро мы возвращались по жопу в воде. Ручей вышел из берегов, это было что-то. Кое-где вплавь пробирались. А это ведь был просто дождь. Тайфун может и на несколько суток зарядить. Тут надо избушки на курьих ножках строить, а не замки.

– Избушку на курьих ножках не построишь. По всем приметам это живое существо. Бегаёт, капризничает, брыкается, демонстрирует то перед, то зад, как инстаграмные дивы перед фотоаппаратом. Наверняка избушки рождаются, как птенчики, вылупливаясь из яйца, и тщательно взращиваются Бабой-Ёжкой до нужных размеров...

– Вечно ты что-то выдумываешь... Как дитя малое... А по поводу этой вдовы жреца... Знаешь, я мало видел психически полноценных людей. Всем чего-то недостаёт. Может, неполноценность – это норма, залог развития? Ну, всё, притопали. Здесь мост, видать, смыло. Будем вброд переходить. Тебе подать руку или предпочитаешь бултыхаться самостоятельно?

15

Чем дальше в тайгу, тем гуще сумрак. Солнце протискивается сквозь плотные кроны, узорчатыми ребусами укладывается на сырой земле, прочерчивая в господствующей здесь всегдашней тени бликующие загадки-иероглифы. Светом черкает неведомые послания, нежно озаряя мир вокруг, рождая в сердце адресованную в никуда благодарность за редкие мгновения тепла и покоя.

Я люблю дальневосточное солнце, оно, как робкая улыбка на зарёванном лице, которая прорывается сквозь слёзы невольным всхлипом, на выдохе превращаясь в безбашенный смех, прерываемый невольными слезами, хмарями, туманами, но вновь и вновь одолевающий их в торжестве необоримого жизнелюбия. И вот уже поскакали солнечные лучи по верхушкам деревьев, по сухожилиям могучих корней, в неистовом напряжении вспучивающих почву, по мёртвым кедром-великанам, рухнувшим плашмя под ударом стихии, по гигантским камням, причудливо раскинутым там и тут, покрытым бархатом яркого мха, прорастающего вопреки всему из чернеющих влажных недр...

Такое упрямство сквозит в этой жажде жизни – строптивой, ликующей, буйной, под жёсткими ветрами и хлёсткими дождями, уничтожающими и питающими одновременно, несущими боль и ошеломляющее ощущение, что ты есть, что ты здесь, в этой точке земного шара – маленький человечек, ты сейчас часть этой мощи, этой безудержной силы и трагичной красоты, которая пленяет и страшит возможностью раствориться в ней, рухнув, как дерево под падающими небесами. Тайга заставляет молиться и чертыхаться, она рождает чувство языческого трепета, в ней дышит всё, даже камни трепещут и вибрируют – сакральные вместилища оголённых душ, потерявших свои тела, немые стражники, на каждом шагу дарующие шанс запopaсть в мир иной, отрешившись от этого.

Ручей бьётся о камни, рассыпаясь на струи, пенясь и гомоня, обрушиваясь водопадами и ненадолго затихая, словно оглушённый собственным падением. Чем ближе подножие горы, тем неистовее воды, они заглушают пенье птиц и шелест непокойных деревьев, они поглощают слова, приходится кричать то, что обычно произносится вполголоса. Громогласные слова меняют свой смысл, становясь какими-то другими, слишком оглушительными, чтобы что-то значить, слишком невнятными, чтобы что-то прояснить.

– Смотри, какой камень, – вопит Фил, сдержанно посмеиваясь, – словно какой-то чувак окаменел, повернув голову назад.

– И впрямь. – Я щупаю шероховатую, подсвеченную солнцем с одного бока поверхность. – Тёплый. Если окаменел, то недавно. Помнишь, жена Лота окаменела, когда обернулась. Странно, что я ещё не окаменела. Я всё время оборачиваюсь.

– Уходя – уходи, нефиг оборачиваться. А если оборачиваешься, нехрен уходить. Но ты вечно не знаешь, чего тебе надо. Я разрисую его.

Фил достаёт баллончики с краской и маркеры. Это почему-то вызывает у меня тревогу:

– Может, не надо...

– Почему?

– Мне кажется, здесь ни к чему что-то менять. Мы слишком много привносим в этот мир от себя. Хоть тайгу оставим в покое.

– Задача человека – что-то привнести в этот мир.

– Может, это искушение, которое надо побороть. Зачем что-то привносить туда, где уже хорошо.

– Даже если я просто дышу, я выдуваю часть себя из себя и преображаю пространство вокруг себя. Сейчас я опрыскиваю красной краской низ этого камня, а белой – верх. Что плохого, если камень приобретёт цвет живого существа?

– Если верить японцам, что камни наделены душами, то довольно рискованно разрисовывать их на собственное усмотрение. Ты лишаешь их собственной сути, накладывая яркий грим. Помнишь, у Арсеньева что говорил Дерсу Узала? Что солнце – это люди, земля – люди, камни – люди... Если понимаешь, что это всё люди, большие и маленькие, пропитанные жизнью и душой, начинаешь относиться ко всему существу с уважением. Для нас же весь мир игрушка. Даже люди друг для друга игрушки...

– На тебя тайга странно действует. Если думать, как ты, то нет никакого смысла в творчестве, науке, вообще в развитии. Сиди себе на завалинке, любуйся пейзажем, не шевели конечностями, дабы не нарушить гомеостаз... Ты права в чём-то, но в целом я с тобой не согласен. И потом мне не нравится твой настрой. Что с тобой? Пидан действует?

– Как-то неплохо на душе. Смотри, опять потемнело. Ты уверен, что мы не заблудились? Тропка еле видна.

– Да не, вроде, правильно. Сейчас вверх пойдём, в сторону от ручья. Хочешь коньячка? Взбодрись.

– Давай. И бутеры достань, пожалуйста. Я подустала что-то.

– Держи. Не выпивай всё без меня, а то я тебя знаю. Глянь. Как тебе? Красавчик?

– На Джокера похож с его болезненной улыбкой.

– Символ современности. Натужная радость, как символ благополучия. Пёстрая раскраска, как протест против собственной окаменелости. Я заговорил почти как ты. Ты действуешь на меня разлагающе.

– Знаешь, Окса сделала себе губы. Теперь она улыбается с таким напряжением, словно губы её не слушаются.

– Меня пугают барышни вроде твоей Оксы.

– Да нет, она не страшная. В чём-то наивная, всему и всем верит. Вблизи она меня бесит и смешит, а на расстоянии вызывает сочувствие. Я вспоминаю сейчас Оксу, и офис, и город – словно проматываю сериал в голове. Они на экране моей памяти – выпуклые манекены, не отбрасывающие тени, и я там среди них. А мы в тени, сумраке, смотрим из глубины себя на себя наружных. Словно скрины человеков бродят на свету. И кажется, на поверхности они живут просто и незатейливо, выпуклые люди, лишённые начинки. Но, думаю, это только кажется. Каждый из нас бесконечно глубок, но мы словно прячемся от наших глубин, кривляясь на поверхности.

– По ходу тебя торкнуло. Эк, понесло в философствование.

– Да, шибануло слегка. Слушай, а почему ты так мало говоришь со мной? Или мне кажется?

– Я много говорю. Что за наезд? Я дико много говорю с тобой. С другими я не разговариваю вовсе.

– С другими я тоже не особо разговорчивая. С людьми мне не особо комфортно, хоть я и привыкла к неизбежности общения. Но со мной ты тоже часто отмалчиваешься. Я что, несу фигню? Порой кажется, ты меня совсем не слышишь.

– Нет, но я часто не думаю о том, о чём думаешь ты. И чувствую по-другому.

– Но ты ведь можешь говорить о том, что думаешь ты, и как ты чувствуешь. Я полагаю, мы все говорим для кого-то одного – того, кто важен, кто услышит и поймёт, для кого даже фигня всякая будет значима. Когда по-настоящему говорим, конечно, а не по функциональной необходимости. Раньше мне хотелось рассказать тебе все мысли, которые приходят мне в голову, мне было важно, чтоб ты увидел вещи моими глазами, а я твоими. Чтоб мы, как в детстве, спрятавшись под одеялом, подглядывали за другими, притворяясь, что спим, и шёпотом переговаривались о всяком разном. Тайна на двоих. Это же интимнее, чем секс. Но теперь мне часто кажется, что это тебе не интересно. И я начинаю стесняться разговаривать с тобой.

– Мне очень многое интересно делать с тобой под одеялом, на одеяле, вне одеяла. Просто не особо интересно всё то, что вне нас. Но это ведь совсем не обязательно. Важно, что под одеялом я хочу прятаться только с тобой, ты будешь подглядывать за миром – а я смотреть на тебя или спать... Рядом... Возможно, я не услышу все твои слова, но буду чувствовать тебя. Мне важно тебя чувствовать, а не слышать.

16

Когда нечего сказать, лучше промолчать, но именно в этот момент неодолимо тянет поговорить. Особенно, когда молекулы алкоголя плотно оседают в мозгу, меняя течение мыслей с прямого и понятного на прихотливо-затейливое, льющееся зигзагами, как оставленный далеко позади ручей. Бренькающее «н», выпрыгивая изо рта, неумолимо тянет за собой тягучее «у» – а далее, по нарастающей, сотни мелких слов повыскакивали, чпокаясь пузырьками при столкновении... Мы снова и снова продираемся сквозь ветки, перелезаем через поваленные деревья, теряя последние приметы дороги. Попутно я несу всякую чухню, которой Фил внимает снисходительно.

Тело в опьянении обретает невесомость и безалаберность, сознание вслед ему высвобождает из себя ясные, словно ядра, фразы, очищенные от скорлупы целесообразности. Я чувствую, что уже не принадлежу себе, я словно выплёскиваюсь наружу, мир проникает в меня, моя телесная оболочка пропускает все колебания ветра, лучи уходящего солнца, микроскопические капли зарождающегося тумана...

– Знаешь, внезапный туман в лесу воспринимается как попадание в иной мир. Помнишь кино «Другие», там весь их дом окутан туманом, и героиня всё время сквозь него продирается. Мы в Приморье вообще живём постоянно в тумане. Редкие прояснения, блаженное ощущение тепла и ясности, и бах, вновь опрокидываешься в склизкий таинственный мир, когда каждый шаг – в неизвестность, в бездну. Бредём по миру, словно нащупывая путь в безвременье и пустоте...

– Это только твоё ощущение. Я отношусь к туману рационально, исключительно как к природному явлению. Я очень приземлённый для тебя?

– Да нет, мне нравится, что ты не блуждаешь по жизни, как я, а уверенно топашь и даже, кажись, чего-то видишь впереди. Мы бы с тобой совсем заблудились, если бы ты был, как я.

– А мы по ходу заблудились, прикинь... Похоже, даже уверенно топая, можно заплутать.

– Ну, вот, а я так на тебя рассчитывала. Ты производишь впечатление человека, знающего путь. Что за подстава?

– Слишком рано, видать, повернули от ручья. У меня ощущение, что мы на соседней горе. Здесь какая-то совсем нехоженная тайга. Смотри, какашки повсюду. Козлиные или олени... Глушь совсем...

– Какашки, говорят, это к деньгам. Как найдём сейчас золотую Бабу чжурдженей да как обогатимся.

– Я столько говна навидался в жизни. По всем приметам я должен стать богатеём. Но что-то всё мимо.

– На говняшки надо не смотреть, в них следует непременно вляпываться, причём левой ногой и абсолютно непреднамеренно.

– Кроме твоей Оксы, кажется, такая эквилибристика никому не подвластна. Только финансово она тоже как-то не очень

– Она скоро станет миллионером. Она присоединилась к их клубу, кучу бабок туда перевела. Деньги должны осыпать её с ног до головы, это вопрос пары месяцев, как она говорит... Так что мы будем делать, Сусанин? Вызывать МЧС?

– Скоро потемнеет, надо найти место ровнее и поставить палатку.

Завтра с утра пойдём обратно...

– А если тигр или медведь?

– Здесь наверняка может повстречаться кто-то в этом роде. Но на костёр они не пойдут. Боишься?

– Во мне полбутылки коньяка. Сейчас я никого не боюсь. У нас ещё есть выпивка? Для бесстрашия мне надо держать себя в тонусе.

– Для тонуса хватит. Для глобального запоя – вряд ли. Давай здесь остановимся. Лучше места всё равно не найдём. Хоть бы дождь не ливанул.

17

Мне нравится наблюдать, как работает Фил. В лесу он обретает силу, физическое и бытовое превосходство надо мной, оно наполняет меня уверенностью. Женщина подпитывается мужской силой в той же мере, как мужчину ослабляет женское доминирование.

Ещё несколько часов назад я крепко торчала из земли самостоятельной единицей, но доспехи самодостаточности потихоньку осыпаются с меня, вся нарочитая

самостоятельность сползает, как грим, смываемый дождём, в тайге я сдаюсь Филу самовольно, обретая в покорности свободу и беспечность. Вверяя себя спутнику, я не заглядываю вперёд, не озираюсь назад, я беззаботно иду, упираясь взглядом в его спину или останавливаюсь, плюхаясь на пенёк в ожидании его указаний, которые непременно заставят меня огрызнуться, но отпечатаются в сознании мигающим светом со сверкающими альтернативами предначертанного пути. И тут ничего не поделаешь. Я беспомощна в этом мире реликтовых деревьев и кусачей мошкары. Я не ориентируюсь во флоре-фауне, я не отличу щитомордника от полоза, в привычной рассеянности не замечу ни того, ни другого, даже если они прошелесят в шаг от меня. Я не сумею разжечь костёр, впрочем, я и не учусь этому. Зачем? У меня есть Фил, мне комфортно греться теплом костра, зажжённого им только для нас двоих.

В городе я не могу довериться ему до конца, там часто слабее он, слишком уж прямолинеен и доверчив, абсолютно лишён хитрости и стержности, как рыбка, он клюёт на любую манипуляцию, ведётся по-детски на все уловки цивилизации. Менеджеры впаривают ему никчёмный товар, кассиры беззастенчиво обсчитывают, мальчишки тырят из кармана кошельки и мобильники, работодатели безмятежно кидают. Даже меня переключивает порой в заносчивом карьеризме, я ухожу в свои честолюбивые помыслы с головой, оставляя для него лишь равнодушное тело, не реагирующее на прикосновения... А он только смотрит в беспомощном недоумении, не умея выдать верный ответ на посылы окружающей действительности, ведь настоящий пацан может только терпеть и драться... Не драться же с кассиршами и мальчишками... Остаётся неудобная роль – пребывать терпилой. Это странно, что одни и те же свойства характера в разных ситуациях ведут то к могуществу, то к немощи... Терпение – великая сила, если оно лишено элемента принудительности. Иначе может превратиться в жертву обстоятельств.

А, может, всё это и не странно вовсе, если вспомнить, что слово «город» мужского рода. Чтобы его завоевать, нужны женские качества – гибкость, хитрость, манкость. Его сложно взять на бордаж, с наскока, но можно очаровать, обмотав паутиной интриг. Тайгу же не обманешь, здесь кошки-мышки не игра, а реальность, к ней нужен прямой подход, симбиоз честности, открытой силы и приземлённой любви... Это то, на что поймал меня Фил, но это делает уязвимыми наши отношения. Я не способна на ту степень открытости, которую дарует мне Фил, но я и не верю в неё до конца по причине своей невротичной изломанности... Иногда на меня накалывают подозрения в его неискренности, берущиеся из каких-то недр подсознания, из многолетней боли, плохо осознаваемой, заставляющей меня отталкивать от себя Фила демонстрациями своей независимости... А он в ответ заходится припадками ревности, тая их от меня и себя, но в редкие моменты срывов являя мне человека чужого и жёсткого, пугающего внезапной злостью неприятеля...

Случается, что солнце внезапно выглядывает на поверхность дня, переливами, полутенями своими преображая знакомую местность, а потом зашторивается хмарью, в очередной раз превращая куст или дерево в пугающих незнакомцев. Так и мой взгляд, падая на моего парня, видоизменяет его раз за разом – высвечивая с самых неожиданных сторон. Мне часто кажется, что я совсем не знаю Фила, я придумываю для него новые сущности, с которыми живу, люблю или ненавижу, проецируя на них свои внутренние ожидания и потаённые страхи. Впрочем, он отвечает тем же...

Правда, сейчас я люблю его отчаянно – под опрокинувшимся небом тайги мы вдвоём, очищенные от шелухи жизни, освобождённые от условностей и общественных норм, ярких шмоток, грима и масок, лишённые прошлого и будущего, не попавшие туда, куда направлялись, зато убежавшие от всех, от кого хотели скрыться, друг напротив друга сидящие, стоящие или лежащие... Мы застряли хрен знает где – посреди сгущающегося сумрака и ослепляющего тумана. И понятно лишь одно: он –

мой мужчина, я – его женщина. Без альтернатив, без сомнений, просто данность раз и пусть даже не навсегда, зато по-настоящему...

18

И всё-таки, если Бога нет, если нет хотя бы некоего высшего Духа, надмирной силы, скрепляющей всё в единый великий смысл, то и впрямь всё едино – никакой разницы между парением медузы на глубине и барахтаньем человека в ворохе еже-секундных вопросов, мельтешащих вокруг головы, как мошкара под фонарём. И чем очевидней окружающая несправедливость, чем страшнее эпизоды насилия и пошлости, тем острее ощущаешь такую близкую и такую недосыгаемую возможность совершенства, которое как незримый фон словно пронизывает каждое мгновение бытия. Его можно уловить на какую-то секунду, отключившись от привычного гула повседневности, вот уже протягиваешь руку, силясь поймать, но тщетно. Ты снова и снова пытаешься ухватить неуловимое... Может, это такой беззвучный зов Бога, который всегда здесь, которого мы только предугадываем, но не чувствуем, потому что у нас пока отсутствует нужный орган восприятия или просто слишком шумно вокруг...

Я думаю об этом часто, когда меня отпускает шум города, когда отступает многоголовая толпа, сверкающая ёлочными шариками лиц, и я остаюсь наедине с собой. В эти моменты тишина наполняет пространство, проходя сквозь меня, и я выливаюсь в мир капелькой жидкости, которая испарится однажды, вознесясь к облакам. Мне совсем не жаль эту капельку. Я отрешаюсь от себя, весь мир приобретает глубокое звучание, в которое вплетается мой умиротворённо затихающий голос.

– Знаешь, Фил, наверно, душа – это жидкость. Ведь не просто так про живую и мёртвую воду в сказках. Иногда я ощущаю эту летучесть до того остро, словно бы её во мне уже нет, лишь животворящие пары вокруг, а я пустая...

– Может, это пары алкоголя вокруг парят? – хмыкает Фил, подкидывая ветки в костёр. Он сидит напротив, между нами трещит огонь, языки пламени трансформируют его лицо. Я снова не узнаю моего возлюбленного, взгляд его пуст, глаза словно запали внутрь черепа. Он ворошит палкой раскалённые угли, которые победно стреляют вверх. В сердцевине огня трещат палки, освещённые пламенем, на глазах превращаясь в хрупкий раскалённый хрусталь, припорошённый живым одухотворённым пеплом, парящем в тесном пристанище костра...

– Будем печь картоху? – Фил потянулся за рюкзаком.

– Я сыта.

– Так это ж не для того, чтоб похавать. Закинем в костёр, а потом вкусим обжигающую мякоть, приобщившись святой тайны огня... О, всепожирающее пламя! О, всеочищающий огонь! Прими картофан сей и напои тело его теплом своим! А через него и нас! Аминь, в общем! Причастимся огненной картофелиной.

Фил лучится загадочной улыбкой жреца. Тайга, ночь, огонь и моё опьянение наделяют его тайной. Этот миг пронизан небывалой полнотой жизни, кажется, вот-вот распахнётся дверь в иной мир. Всё вокруг напоено живой силой, мы словно внутри живого организма, который дышит, приводя в колебание листву и траву. Я не удивлюсь, если Летучий человек или Белая женщина вдруг выступят из тьмы, если вдруг налетят загадочные мерцающие твари и будут кружить над нашими головами призраками потустороннего бытия. Привидения кажутся неуместными на искусственном свету нашей легковесно-звонкой показушной жизни – там, где Окса смеётся надменно и вымученно, где отражение моё звенит изломанными фразами в попытке защититься от всех и вся, где Фил – слабое подобие самого себя, молчаливый фасад собственной мощи, а реальная сила исчисляется бумажками, сунутыми в конверт мистера Ханом... Здесь же всё словно населено духами, может, и не словно, а действительно населено. Даже если мне это просто кажется, кто решил, что моё

«кажется» менее реально, чем очевидные человеческие данности, бодро цокающие на поверхности дня. Я бы испугалась, если б вдруг здесь появилась Окса или ТэПэ, я не верю нынче в их существование, они просто мультяшные картинки, выплюнутые моим воображением вовне, но возможность привидений сейчас так бесспорна, так естественна, почти осязаема...

19

Инстаграм. Фото воды, разбивающейся о камни.

«Наверно, можно играть со временем – выдувать бесчисленные секунды-пузырики, нанизывать на верёвочку жемчужные минуты-бусинки, лепить из пластилина увесистые часы-шарики, швыряя их под потолок в порыве ребячливого пофигизма. Мне часто кажется, что я хожу в любимчиках, что кармашки мои полны золотых динариков. О том, что они не конвертируются, всегда забываю я. Вот такие странные провалы в памяти.

Из песка сотворить можно всё что захочешь, если только добавить в него хоть чуточку влаги. Иначе он неизбежно разбежится миллионной россыпью мелких камушков. Иной раз мне чудится, что тело душой пропитано, словно некой оживляющей жидкостью, к ночи неуклонно испаряющейся, и тело ссыпается в сон миллионами крошечных атомов, и всю ночь кто-то с ними играет, тешится, формирует причудливые мозаики, пересыпает из кучки в кучку, в общем, просто балуется... А утром приходится лепить себя заново из тех крупинок, что из сна возвращаются... не все...»

20

Я могу быть какой угодно – умной, глупой, доброй, стервой, пошлой до тошноты, возвышенной до зубовного скрежета... Люди вообще существа текучие и тягучие, как подсолнечное масло, разлившееся по столу. Они так зывают к формообразующей ёмкости, так мечтают о костяной рубашонке вокруг своей никакучей самости, так жаждут определённости в отношении себя, что им только и остаётся допридумать себе внешнюю оболочку и отождествиться с ней.

Выйдя на работу, я придумала себе образ. Я уже не подросток в драных джинсах с ранеными глазами и причёской, кричащей «Осторожно! Авария!». У меня светлая помада, просторные одеяния, коротко стриженная голова, множество экзотических аксессуаров... Можно подумать, что это я и есть, что простота и безыскусность – моя натура, но правда в том, что нарочитая естественность чаще всего является наиболее изощёренной позой.

«Она очень много о себе думает», – приговаривает обычно ТэПэ. Так и есть – я очень много о себе думаю. Но она понимает обо мне не всё – я ещё очень много думаю и о других. Я бесконечно много думаю о нас всех. Это мешает мне жить спонтанно и уверенно. Это заставляет меня имитировать естественность. Многие обманываются моим видом... Но выходя на люди, я словно запускаю режим: «Внимание, опасно!», посредством которого включается на лице моём улыбка, полная особой доброжелательности, а глаза зарешечиваются участливым безразличием. В последнее время я ловлю себя на том, что стала улыбаться, как мама. Раньше я видела в её безучастной приветливости лицемерие, и только сейчас начинаю понимать, что это не что иное, как самозащита... Наверно, я начинаю, взрослеть. С безусловного оправдания родителей начинается реальная человеческая зрелость, я выхожу на её путь. Мне уже не в чем упрекнуть папу и маму с тех пор, как у меня появилось то, в чём я могу упрекнуть себя...

Моё полудетское лицо привлекает внимание нашего корейского босса – мистера Хана, который навещает нас раз в квартал, устраивая в честь приезда празд-

ник с избытком алкоголя и дикими танцами. Я много пью, почти не пьянею, и не прочь в это время потанцевать. Это второе, что придаёт мне шарм в глазах хозяина, как подобострастно называет его ТэПэ, его левая рука и заодно дальняя родственница, этакая паучиха, присосавшаяся к его состоянию и статусу. Третий момент, делающий меня просто неотразимой – это работоспособность. Я приношу доход, а деньги – это главный сексуальный фетиш любого корейца. Эти азиатские мужчины столь же просты, сколь загадочен их непроницаемый кошачий взгляд. «Вы такая холодны со мной, Ангелина», – бормочет мне на ухо наш мистер Хан, приглашая на медленный танец. Я отзываюсь отрешённой улыбкой и отворачиваю лицо, поскольку у него воняет изо рта. Не понимаю, почему из его холёного белозубого рта так воняет, запах идёт будто из глубины души, и это первое, что заставляет меня держаться поодаль. Второе – столь не заслуженные мной персональные премии, которыми периодически одаривает верховное начальство. Он пристально смотрит, протягивая конверт. «Это за что?» – вопрошаю я, делая шаг назад. «Вы очень хороший работник, но Татьяна Петровна не должна об этом знать», – откликается он, делая шаг вперёд. «Ну ладно, если так. Спасибо, – отступаю я на три шага к двери. – Ну, я пойду дальше хорошо и доблестно работать?» – «Конечно» – скалится он, и я оказываюсь по ту сторону двери. Понятно, что он нащупывает мою цену. У него нелёгкая ситуация. Как истинный торгаш, он готов платить, но никак не переплачивать. Это момент не обидный, довольно привычный для любой девушки. Мужчины попроще точно так же покупают расположение дамы цветами и шоколадками, ожидая, что в обмен на презенты вспыхнет разрешающий зелёный свет. Наш босс ведёт себя честнее – он может позволить себе щедрость и прямоту, как бы цинично это ни звучало.

С каждым разом сумма в конверте всё крупнее, а я держусь всё церемоннее. «Я не стою этого, я не стою вообще ничего, вы меня сильно переоцениваете», – откровенно сказала я ему на последнем корпоративе. Он рассмеялся недоверчиво, он решил, что я набиваю цену. Впрочем, в тот же момент он закинул наживку посерьёзней, чем деньги, намекнув, что ТэПэ не справляется с задачами, что на её должность надо бы кого-то помоложе, я почти открыла рот, чтобы заглотить эту наживку в порыве мечтательно-мстительного экстаза... Мистер Хан понял это, мы сцепились глазами, он прочёл в глазах моих всё – и тщательно скрываемую обиду на ТэПэ, и некротимое желание доказать всему миру, что я из себя в действительности представляю, по сути шкурная жажда возмездия и банальное тщеславие... Я почти сделала шаг к нему, но внезапно нащупала в кармане телефон, беззвучно кричащий звонком Фила... Я увидела, что пропустила двенадцать вызовов, лишь тринадцатый поймала и отпустила вновь, кинув растерянно: «Перезвоню позже»... Я выдавила из себя дежурную улыбку, вложив её вместе с прощальным рукопожатием в руку босса, и отступила назад... К Филу... Но мне очень, очень хотелось проглотить эту наживку... На мгновение я даже подумала, что смогу выносить зловонное дыхание шефа вблизи своего лица... Я допустила такую возможность, поймав себя на потенциальности измены, которую ранее отвергала напрочь...

21

Иной раз мне чудится, что нервные окончания не завершают свою жизнедеятельность в пределах телесной оболочки, а выпячиваются наружу невидимыми пу-таными нитями и тянутся во Вселенную, соединяя мой организм с превеликим множеством всевозможных существей, болтающихся в пространстве. И кто-то без конца дёргает меня извне своими разноголосыми чувствами, своими противоречивыми воспоминаниями, досадливыми чертыханиями, заставляя меня икать невпопад, просыпаться в недоумении посреди сновиденческого приключения и невнятно ма-яться без уважительного повода...

Я не понимаю, как Фил тогда предугадал моё настроение, но, вернувшись домой, я обнаружила его злобно пьяным среди кучи моих вещей, вспоротых им в припадке бешенства. Я знаю, что так он разделялся со мной. Повсюду, как трупы, лежали разодранные платья – теньевые безжизненные мои отпечатки. Я допускаю, что, быть может, однажды он направит нож на меня реальную, облепленную податливой плотью, мстя за мою вероятную или реальную измену. Тогда я впервые почувствовала угрозу, исходящую от него, которую я оправдывала в глубине души, ощущая свою виноватость, как дурную кровь, впрыснутую в меня снаружи. С того момента начался новый этап наших отношений, лишённый безмятежной доверчивости первых лет. Мы утратили безгрешную уверенность в себе и в партнёре. Мы расставались, выплёскивая друг на друга внутренние подозрения, а потом вновь сходились, утешающе дую на раны, которые нанесли друг другу. Я перечитала кучу книг, написанных умными трезвыми психологами. Я знаю всё о созависимостях и незавершённых гештальтах, о детских травмах и психологических блоках... Конечно же, Фил прав – всё гораздо проще и сложнее. Мы бултыхаемся в этом мире, раненые друг другом и друг другом утешаемые. Все без исключения. Невозможно прожить жизнь, не задев словом ли, делом ли, просто фактом своего существования рядом идущих... Можно предположить, что все наши беды из детства – и Фил, брошенный мамой, и я, со своим отрешившимся, застрявшем в своём себялюбивом унынии отцом, и депрессивно-тревожной мамой, отрываемся друг на друге, не в силах справиться с силой чувств, переполняющих нас. А наши родители отыгрывали опыт своих предшественников. И так до бесконечности. Последнее дело – искать виноватых во всей этой свистопляске, прояснить всё равно ничего не получится, как ни копайся в прошлом, как ни расковыривай настоящее...

Я могла бы кое-что предъявить, например, маме – и работала много в ущерб домашнему уюту, и неосторожными словами царапала порой, и бесчисленными указаниями доставала, плакала невпопад, любопытничала не к месту. Она, без сомнения, первопричина всех моих бед, и небед тоже, да и всея меня, в конце концов, первопричина. Кого ж ещё винить за то, что я – это я, во всей совокупности недостатков и комплексов. Только не очень-то важны, по сути, эти все малипусенькие обидки в свете необъяснимо огромной любви человека к человеку. Ну, уколем порой друг дружку в суматохе шелестящих на ветру мгновений, ну, попихаемся чуток, поорём, всплакнём, успокоимся, снова всколыхнёмся. Живём, как умеем, в любви неуклюжи да неопытны. Из поколения в поколение несём, как флаг, свою неидеальность. Только суть не в том, чтобы обличить, осудить, пригвоздить к позорному столбу на веки вечные. Суть в чём-то другом, совсем другом...

22

Инстаграм. Фото. Я и Фил, прижавшись спинами друг к другу, смотрим в противоположные стороны.

«Блудить – всё равно, что бродить по задворкам чужих жилищ – неохота чего-то...»

Отчего-то зевота сморила бегемота... Вот как.

Однажды безумная, нудная и совершенно беспутная ночь растворилась в пресном, благочинно прелестном, вроде бы неуместном, но таком неизбежном рассвете... Но не стоит о лете – ведь снова дожди...

Это там вдалеке от несносной жары заслезятся незыблемые ледники и подохнут моржи... может быть... лучше б нет... но, как знать?... сдохнут все как-то раз... а у нас ветерок подморщивает лужицы...»

Упадая в сон, я всегда словно теряюсь в этой бездне без остатка. Так я потерялась в палатке, зашившись в спальном мешке с головой. Краем какого-то потустороннего чувства – не слуха, не зрения, не обоняния, неким внетелесным осязанием я ощущаю Фила, шуршащего вне палатки. Я совсем балдая, мне нравится состояние вытряхнутости из тела. Люди всё время стремятся преодолеть власть телесной оболочки. Лучшие моменты жизни, впрочем, так же, как и худшие, связаны с абсолютной потерей себя – в сексе, алкогольном опьянении, безумстве танца, неистовстве борьбы – когда дух выплёскивается наружу, мозг теряет свою власть, он уже не довлеет над внутренней стихией, бесконтрольное тело свободно идёт в отрыв. Внутри бушует так же, как и снаружи – тот же омут неупорядоченных хаотичных сил, который мы стараемся подчинить – устаканить себя, ввергнув рамки каждодневных ритуалов и психологических установок. Но однажды появляется брешь, мы трескаемся по швам, из нас неукротимо прёт наша самость – мысли не успевают за ней, механизмы логики здравомыслия рушатся, как мосты, сметаемые наводнением...

Теперь Фил совсем рядом, я не чувствую границ между нами, он проходит сквозь меня в меня – я то ли сплю, то ли бодрствую, я почти без остатка растворилась в небытии полусна-полуяви. Знакомые ритмы всплывают в голове, в ухо Филу я еле слышно бубню: «И можно быть рядом, но не ближе, чем кожа. Но есть что-то лучше, и это так просто». Он автоматически кивает головой, но я знаю, что он меня не слушает, ему не важно, что я говорю, когда он чувствует прерывистый ритм моего дыхания. Он слишком увлечён моим телом, которое я отдаю в полное его владение. Я парю в какой-то своей вселенной, полной бесплотных звуков и образов, он приходит из своего космоса твёрдых объектов, но мы сливаемся в одно вопреки всему, и в этом слиянии есть элемент дивной гармонии. Мы безгрешны и беспутны сейчас, ибо мы вне греха и растеряли все пути, все ориентиры, все правильные направления движения, мы запропали в тишине, погрузившись друг в друга, нас здесь не отыскать, пока мы сами не захотим отыскаться...

– Кажется, впервые за последние годы мы совсем вместе, у меня даже в мыслях нет никого, кроме нас. – Голос Фила звучит удовлетворённо и расслаблено.

– Да, но утром всё будет по-другому.

– До утра целых шесть часов, ещё уйма времени.

– Мы вернёмся в город, и опять вокруг появятся все эти странные люди, которым придётся соответствовать.

– Они не странные, просто тоже пытаются соответствовать нам.

– Когда вокруг слишком много людей, я как будто теряю себя. Словно каждый прохожий дёргает за ниточку, и я хочу-не хочу, но ведусь на все эти слова-приманки, жесты-капканы, взгляды-удочки...

– Я не ведусь...

– Не верю, ты тоже ведёшься, просто ты не такой бдительный...

– Да нет, ты не понимаешь. В детдоме учишься не воспринимать людей чересчур всерьёз. Их слишком много вокруг, от них зависишь, поэтому стараешься выполнять правила, поменьше привлекая внимание. Людей почти не замечаешь. Они все – будто один большой человек, тягаться с которым не получится, поэтому лучше держаться подальше, но по возможности не портить отношения. В моей жизни было слишком много людей. Я их не боюсь, но я стараюсь быть осторожным с ними.

– Хочешь сказать, что я людей боюсь?

– Ты домашняя девочка, закрытая в своей застенчивости. Ты не знаешь людей, придумываешь их, ты наделяешь их какими-то сверхсилами, постоянно чувствуешь свою уязвимость перед ними, поэтому встаёшь в контры, готовясь к борьбе. Не надо выстраивать защиту. Они не дёргают за верёвочки, ты сама дёргаешься...

– Как будто ты не дёргаешься. Со мной ты ведёшь себя порой совсем глупо, все эти придирки...

– Я слишком уязвим перед тобой. А ты слишком уязвима перед другими. Мне от этого невесело.

– Иногда я боюсь, что ты можешь уйти слишком далеко в своей ревности.

– Я тоже часто думаю об этом. Это самый большой страх в моей жизни... Но я работаю над собой, поверь мне.

24

Настойчиво жужжит телефон. Разодрав глаза, я втемяшиваюсь взглядом в сияющий экран, Окса ослепляет меня своей неурочной улыбкой, разбиваясь о неожиданность которой я окончательно выпадаю из тьмы сна во тьму яви. Палатку шатает в разные стороны, мы словно под прицельным обстрелом неба. Я расталкиваю Филя, тут же ору «Алло» на трезвон Оксы – нашу палатку сотрясает ураганный ливень – в одно ухо мне сонно чертыхается мой парень, в другое восторженно орёт коллега, их вопли сливаются в общий гул, затуманенным мозгом я понимаю, что у меня огромные шансы на некое великое счастье – я точно, по мнению Оксы, выиграю кабриолет, но сама чувствую, что скорее скачусь с горы под напором рухнувшего на нас тайфуна. Впрочем, я отбрыкиваюсь всеми силами от даров судьбы: «Ксюня, давай я вернусь, и тогда поговорим о кабриолете, у нас тут наводнение слегка». – «Ты чего, офигела? – взвизгивает Окса. – Тебе всего-то надо перекинуть 500 рэ на счёт сайта, и ты в числе участников. Последний день розыгрыша!» – «Давай я упусти эту возможность осчастливиться», – Я решительно лишаю телефон жизни, саданув по кнопке выключения, и перебираюсь в спальник Филя.

Мы лежим в одной спайке, прислушиваясь к неистовым звукам урагана, корёжащего наше непрочное обиталище. «Чего ей не спится в 4 утра?» – шепчет Фил, невольно притихнув перед этим природным буйством. – «Последний шанс выиграть кабриолет», – так же приглушённо отзывается я, мы хихикаем, понимая, что у нас шанса, похоже, нет ни на что. – «Нас не снесёт?» – я не то что волнуюсь, я слишком разомлела в жаркой тесноте спального мешка для волнения, меня забавляет сама ситуация вероятностной катастрофы. – «Да не должно, – с некоторым беспокойством откликается Фил, – я хорошо закрепил палатку, да и сама она неубиваемая. Так, потреплет немного. Главное, чтоб дерево какое не рухнуло сверху. У меня остатки коньяка в бутылке. Будешь?» – «Конечно, – хмыкаю я в ответ, – умирать, так пьяной». Мы делим между собой последние капли живой влаги, ещё крепче впечатываясь друг в друга, я вновь ощущаю его желание, которому покоряюсь сонно, почти бессознательно... «Ты знаешь, что божьи коровки могут спариваться девять часов подряд?» – бормочу ему на ухо. – «Вот уж прям божьи твари». Я медленно уползаю в сон, озаряемая воспоминаниями о жизни насекомых... «А богомолы, – утыкаюсь лицом в мягкий наждак его щёк... – «А вот про богомол не надо. – Я чувствую губами зарождение его улыбки. – Думай про божьих коровок, я готов попробовать с ними потягаться. Благо, время до утра ещё имеется». Снаружи гудит, свистит, трещит, разъярённый дракон бури мечется по небу среди взбесившихся вод, а нам как-то беспечно по фигу... Мы во сне, как в подводной лодке, затонувшей в омуте непроходимой тайги.

25

Моя мама десятки раз расходилась с отцом. Столько же сходилась, чтобы снова разойтись, а потом, тоскуя, вновь и вновь возвращаться. Я раньше не понимала этого цепляния за человека, бесконечного взаимодёрганья, взаимоуничтожения во имя, и

не скажешь, что любви... Между ними было что-то другое, не любовь, а какая-то отчаянная вера, сродни религиозной, в предначертанность друг другу... Чем была эта их зацикленность друг на друге, которая не давала им дышать нормально вместе, но приводила к спазмам удушья, стоило им разбежаться в разные стороны? Им было одинаково плохо вместе и врозь. И нам, детям, это передавалось. Нам было одинаково плохо и хорошо, когда они были вместе или врозь. По-своему хорошо, и по-своему плохо...

Помню одну из родительских ссор, всегда неожиданных для меня, потому что они вскипали мгновенно, как-то совершенно навзрыд посреди абсолютной тишины. Сейчас я понимаю, что представляла из себя эта ненастная пугающая тишина, когда они скользили мимо невидяще-ненавидящими тенями, не касаясь друг друга ни взором, ни жестом, когда всё их невысказанное недовольство, все упреки, застрявшие на выходе, сгущались в пространстве комнаты свинцовой тучей, грозящей вот-вот обрушиться, чтобы утопить всё сущее в густой жиже боли.

Мама вспыхнула тогда внезапно, взвившись пламенем на ветру. Как все сдержанные люди, сдавленные сами в себе, она выходила из равновесия неожиданно для окружающих и самой себя, словно не выдержав гнёта самоограничений. И вулканы извергаются всегда как бы вдруг – никому не видны, не слышны шевеления магмы в земной коре. Лишь, когда давление изнутри становится невыносимым, раскалённая лава вырывается наружу, уничтожая всё вокруг... Именно так и психовала моя мама, она изрыгала огонь, колющие слёзы вырывались из неё, слова раскалёнными стрелами разили противника. А папа защищался мной. Я была как щит, он вертел меня в руках, кричал, а как же дочь, ты совсем не думаешь о семье... А я болталась в руках его и не знала, кого бросаться защищать в этой ситуации, когда столкнулись между собой двое взрослых, совсем беззащитных друг перед другом...

Мужчина слаб и растерян перед женской истерикой. Он не видит сути, замечая только напускное – агрессию, нападение. Посему он рядится в броню, замыкаясь внутри своих непробиваемых доспехов, или ретиво бросается в атаку, делая ответный ход. Он не понимает одного – истерика это женское поражение, абсолютная капитуляция, когда не остаётся сил ни на что, лишь на истощенное: «Помоги!», замаскированное под пронзительное: «Пошёл на хер, сволочь!».

Отец тогда ударил маму, она отлетела к двери, ударившись о косяк, я разревелась не от страха, а скорее от желания, чтоб они услышали меня, поняли, что я есть, я здесь. Папа, глянув на меня с растерянностью, отвернулся к окну. Мама вдруг как-то визгливо рассмеялась с несвойственными ей истерическими нотками, вытирая рукой кровь на виске, и тихо сказала: «Ну, вот, теперь мы квиты. Кажется, мы нарушили все свои «никогда», которые наобещали друг другу когда-то. Ниже и падать, кажется, некуда». – «Падать всегда есть куда, – глухо ответил отец. – Но с тобой я никогда не хотел падать».

26

Ещё нет семи, а пространство уже пронизано солнцем. Воздух пропитан водой, его вбираешь в себя как жидкость. Осязаемая свежесть утреннего животворящего питья, воздухопития, духопития...

И всё-таки всласть природа наколобродила в ночи, вволю погульбанила, оторвалась на славу, масштаб крушения очевиден. Всё вокруг усеяно вырванными с мясом ветками, все наши вещи, неосмотрительно оставленные снаружи, разбросало по зарослям. И почему-то именно сейчас стало очевидно, что пришла осень. Сентябрь, не побитый дождём, вполне достоверно прикидывался летом, но после остревенелой атаки ливня он полинял и теперь излучал расхристанное усталое сияние.

– Как-то посветлело в тайге, и словно опустело, вчера было по-другому, – го-

ворю Филу.

– Каждый день всё по-другому, если приглядеться, – ворчит он в ответ и указывает на свою измочаленную куртку, застрявшую в кроне сосны. – Так и складываются легенды о летающих пиджаках.

– Да уж, твоя куртка сегодня тоже узнала все радости и ужасы полёта. А мы так и не увидели никого летающего, даже похвастать нечем, – отзываюсь я. – Но ты только погляди, как невинно сияет солнышко, словно и не творилось всю ночь чёрт знает что...

– Между прочим, эта фигня нигде не прогнозировалась.

– Потому-то, видать, она и случилась... Есть охота чего-то. Ты ж знаешь, с бодуна у меня зверский аппетит.

– Да и без бодуна у тебя аппетит что надо. Давай котелок искать, не думаю, что он далеко укатился. Воды бы вскипятить на чай, да на дошик.

– Похоже, что Пидан, а вместе с ним обретение нами мудрости, так и останётся недостижимой мечтой.

– Мудрость – это успокоенность. Думаю, нам она не грозит в ближайшее время.

– Ты никогда не хотел жить спокойнее?

– Однажды поневоле придётся успокоиться. Но буду ли я нравиться тебе тогда – совсем спокойный, а?

– Не знаю, если только я стану столь же спокойной. Со стороны, наверно, кажется, что мы живём совсем по-идиотски.

– Возможно, но живём, как умеем – такие мы люди.

– Большинство живёт как-то легче. В горы ходят на экскурсии организованными группами, бредут, играючи, самым простым путём и всегда опережают нас, а, главное, доходят до вершины и непременно делают там селфи, которое выставляют в соцсетях, чтобы все аплодировали.

– Ты же сама боишься так жить?

– Не то что боюсь. Просто я во всём сомневаюсь. А вдруг экскурсовод – самозванец, вдруг он ошибается? Вдруг этот лёгкий путь – обманка, западня, ловушка? И ещё мне так страшно, что завершающее всё селфи – конечная цель пути? Неужели только это?

– Думаю, не только. Хотя как знать? На всякий случай давай я тебя щёлкну. Встань-ка красиво.

– Я уже заколебалась стоять красиво. Фотай как есть.

– Ну, смотри, останешься в памяти потомков такая вот неидеальная совсем...

– И пусть, всё равно всем по фигу, полагаю...

– Кроме меня...

– Да, это важное дополнение...

– Так всё-таки я для тебя важное дополнение?

– Ты для меня очень важное дополнение. Без тебя всё было бы иначе.

– Я тебя завёл в самые дебри. Это просто позорище – заблудиться на таком простом маршруте. Я ведь вырос в тайге. Кажется, ты ошиблась с выбором проводника.

– Мне нравится блуждать с тобой и по тайге, и в жизни. Это, конечно, может закончиться печалькой, но некоторые моменты так хороши, что я готова рисковать снова и снова. А Пидан нас просто не принял. Наверно, он решил отсрочить нашу мудрость. Так что придётся побыть дураками ещё чуть-чуть, а может, и подольше...

27

Инстаграм. Фото. Я стою на фоне гигантской сосны.

*Я выбираю путь немудрости,
Несозерцанья пустоты,
Дневной всегдашней бесприютности,
Ночной извечной черноты...*

*Идя в исконной человечности
Туда, куда глядят глаза,
Предамся вновь отрадной лени,
Чтоб опоздать на полчаса,*

*Чтоб опоздать на полмгновения,
Чтоб задержаться, не успеть,
Зависнув уголочком зрения
На всём, что «суета сует»...*

*Остаться здесь в беспечной зряшности
Потерь случайных и даров,
Отринув мудрые банальности,
Что жизнь не стоит наших слов...*

28

Ей было восемнадцать. Она пряталась в детство, страхась неизбежности взросления. Она укутывалась в широкие одежды, скрывая округлую мягкость расцветающего тела, нервно реагирующего на устрашающе-требовательные взоры мужчин, встречающихся на её пути. В ответ на их посыл она испуганно отводила взор, замыкаясь в неловком молчании, головой дёргаясь вверх, душой западая глубоко вовнутрь себя. По ночам в томлении она думала ни о чём, днём ни о чём говорила, чтобы на закате ни о чём грустить и ни о чём радоваться, глядя в хрустальные воды ручья, бурлящего меж замшелых камней. Мимо, загадочно переглядываясь, проходили женщины и мужчины, предназначенные друг другу. Мимо, беспечно смеясь, пробежали дети, свободные друг от друга. Мимо, глядя полуслепыми глазами вдаль своего прошлого, брели старики, покинутые друг другом... Всё мимо... На изломе детства и взрослости она проживала маетно и неуютно свою неприкайнную юность, не зная, что сотворить с ней, понимая, что мгновения пронесются, не задевая её...

И деревья нашёптывали свои загадочные тайны, туман уносил сновидения в небеса, оседая шапкой на верхушке сопки. Он спускался с горы каждый вечер в кровавистом зареве заката, горделиво проносил своё надменное печальное лицо – отрёшнённый, как таинственные маори, скрывающие силу и огонь под ледяным безразличием камня... Она смотрела в прозрачные воды, спиной ощущая его приближение и удаление, его прохождение мимо... Всегда мимо...

Но однажды он спустился к ручью, к тому месту, где располагалась она. Тень его слилась с её тенью, их тени словно узнали друг друга, в единении устроившись у их ног, пока их владельцы сидели на соседних камнях, напряжённо глядя в разные стороны, не произнося ни слова в неловком отчуждении, сковавшем их, стыдливо возжелавших близости, но не умеющих поверить в возможность её...

Отныне он каждый день, совершив жертвоприношение далёким холодным богам, спускался погреться вблизи безмолвной девушки, пугливо прячущей глаза. Они наблюдали воду, каждый раз журчащую на новый лад, изредка встречались взглядами, всё глубже впадая друг в друга – тишина между ними становилась мягче, вливаясь расслабленной нежностью в их тела. То и дело мелькали полуулыбки, нечаянно ронялись слова, время струилось утешительно неторопливо... для неё... Он же

судорожно ловил минуты, слишком хорошо зная будущее, лишённый счастья и покоя неведения...

29

Когда-то давно мне хотелось говорить только что-то исключительно важное, чтобы именно сейчас, в эту секунду, в этой чёрной точке на бескрайней карте бытия да воссияла бы истина, вспыхнула на миг и застыла на все времена уголёчком всечеловеческой памяти. Но это проходит, к великому облегчению, и скоро перестает хотеться, может, даже навсегда – время покажет, в конце концов.

Язык дан не только для выстукивания слов, но и для смакования шоколадок. Человек человеку дан не только для выдёргивания нервов друг из друга, но и для мимолётных нежных касаний. Горы высятся не только для того, чтоб их покорять, но и просто как антипод низменности... Слова испаряются в воздухе, шоколадки исчезают в пищеводе, люди растворяются во времени – остаётся послевкусие и послезвучие – пока это длится, продолжается жизнь. А горы торчат себе и торчат, ничем особо не заморачиваясь. Должно же быть хоть что-то почти незыблемое.

Мы так и не дошли с Филом до вершины, но, кажется, мы немножечко продвинулись на пути... А может, и нет... Разве ж можно сказать точно, пока не достиг финала цели? Где-то позади – начало пути, где-то впереди – конец, а где-то бултыхаемся мы, заблудившись во времени...

Послесловие

Живём и живём, долго ли, коротко ли, праведно или грешно – неумело кропаем свой черновик жизни, надеясь, что однажды даруется шанс переписать его на бело... И говорим, говорим, говорим, маленькие говорунки-пересмешники... Человек способен исторгнуть не так уж много звуков, зато может выдумать бесчисленное количество слов. Они прыгают вокруг – беспризорные тараканы детишки, торчат в причудливых позах засохшими скелетиками или гладкими загадочными камушками возлежат на облитых светом площадках – непознанные до конца, загадочные, полные зашифрованной таинственной информации о жизни былой, о жизни грядущей, о потусторонней или глубинно-бессознательной. И что с ними делать – невдомёк, может, использовать для пальбы из рогатки, или швырять в озеро, наблюдая круги на водной поверхности. А вдруг они застрекочут в руках беспокойными жучками и сорвутся в самое небо? В шебуршении их крохотных тел чудится отдалённое скрежетанье ключа, застрявшего в замочной скважине. Но не откроется заветная дверь, будет длиться букашек возня, а вместе с ней будем продолжаться мы до неведомо какой поры, до незнамо какого времени... Такие неправильные, такие неумелые, дарованные друг другу на коротенький срок для чего-то наверняка хорошего, а может быть, просто поиграться, просто потешиться...

Дина Измайлова. Живет в г. Владивосток. Публиковалась в журналах «Дальний Восток», «Новая литература», «Топос», «Гостиная». Сборник рассказов «А из пуза – карапузы» (2008 г.), «Всё, что над землей – небо» (2022 г.). Член Союза писателей XXI века с 2023 года.

ГАЛИНА БУЛАТОВА

Поэтические переводы с татарского

НУР АХМАДИЕВ (1946 – 2021)

Мужчины

Сказали, что твёрдость мужчины
Сравнится с гранитной скалой.
Мужчины примерили силы
И скалы сравнивали с землёй.

Сказали, что крепок мужчина,
Как дуб – и могуч, и силён.
Я видел мужчину в работе –
Дубы выкорчёвывал он.

Что дуб, что скала им в сравненье!
Мужчины прочнее, чем сталь.
Пред тем, кто судьбу пересилил,
И смерть затворяет уста.

Все беды пройдёт со страной,
Кто Родины преданный сын.
Великой истории строки
Написаны кровью мужчин.

Человек с рождения романтик

Ласточки осваивают берег,
И на скалах гнёзда вьют орлы.
Человек с рождения – романтик,
И его мечтания светлы.

Человек моря переплывает,
Бурных волн одолевает рать.
Пусть разбиты в кровь лицо и руки,
Пусть идёт он даже через муки,
Кто его сумеет удержать?

Не пресечь к заветному стремленье –
Он идёт за грёзою своей.
В сердце тех, кого зовём орлами,
Вьёт гнездо мечтатель-соловей.

Не склонивши голову пред бурей,
Я бессилён только перед «мон»¹ –

¹ Мон (тат.) – грусть, задушевная мелодия, светлая печаль.

Зачарован музыкою сердца,
Соловьинной трелью покорён.

Да, мы войну не застали –
В сорок шестом родились.
Пересчитала по пальцам
Нас многотрудная жизнь.

В сорок шестом родились мы,
Славной Победе вдогон.
Как на ровесников смотрим,
Кто в сорок пятом рождён.

Наши отцы с матерями
Жили одною судьбой.
Свадьбы совместно справляли,
Мечены общей войной.
Сын подрастает – у этих,
Те – не вернулись домой.

Да, полегли миллионы –
Вечная скорбная рать.
Только детей нерождённых
Кто-то сумел посчитать?

Сколько в Европе погибло –
(Мне год от года больней) –
В братских остались могилах
Сны нерождённых детей.

Наши отцы защищали
Мир от фашистской чумы.
Значит, ковали победу
Вместе с отцами и мы!

Славной Победою дышим,
Цель наша выше и выше,
Только спокойствия нет –
На нерождённого внука
Целятся сотни ракет.

Земля вращается, а значит,
Вращаюсь тоже и живу я.
О доле выпавшей не плачу,
Чему завидовать впустую?

Я счастлив больше, чем другие,
И мир, что я создал, светлее.

Народу – помыслы благие,
Тогда перо не заржавеет!

Для счастья нужно очень много,
Для счастья очень мало нужно:
С друзьями – радостней дорога
И жизнь вполне великодушна!

Время мужчин

В мальчишечье детство захлопнулась дверь –
Мы юноши в самом расцвете теперь.
Нам выпало стройными, гибкими быть –
Девчонки, успеете же нас полюбить.

Сменяется юный пушок бородой,
И трудится сердце, как конь молодой.
Мы стали мужчины – опора страны,
И тяготы с нею делить мы должны.

Вся жизнь промелькнула, как метеорит,
Усталое сердце всё чаще шалит.
Уже аксакалы – судьбину итожь.
С почтением смотрит на нас молодёжь.

Дети военной поры

Детство рано покинуло нас
И позволило шалость едва ли.
Мы с печальной серьёзностью глаз
Только-только подростками стали.

Если б вдруг рассмеялись мы все,
То и горы пришли бы в движенье.
Но нечасто услышится смех,
Мы – задумчивое поколенье.

Не понянчилась с нами страна,
Осыпая не нежностью – пылью.
Наше детство украла война,
Усадив нас на чёрные крылья.

Были голод и смерть на слуху, –
Молоко на губах не обсохло, –
Мы впряглись в борону и соху,
И шагнули в другую эпоху.

Этот мир уже в наших руках,
Пусть на всех площадях нас услышат –
Сбережём, защитим на века
Беззаботное детство мальчишек.

Соловей не ведает о том

Исчезают страны ли, рождаются –
Соловей не ведает о том.
Он волшебной трелью заливаётся,
Опьянён сиреневым кустом.

Всё одну и ту же песню дарит он,
Веселя то иву, то сирень.
Услаждает русского, татарина,
Выводя рулады ночь и день.

Не спугнёт его и шорох листика,
Лишь бы ветка целою была.
Соловья не трогает политика
И людские прочие дела.

Человек же вечно с кем-то ссорится
За богатство или же за власть.
В мир иной когда-то дверь отворится –
Не возьмёшь всех благ, и даже часть.

Всё проходит – век Ивана Грозного,
Времена Великого Петра.
Вновь грядёт кровавое и слёзное –
Новый век не ведает добра.

...Соловьи на иве заливаются –
Им какое дело до людей!
Мы сегодня живы, получается,
Ну, а завтра

будем всех живей?

Дорогому врагу

Хожу всегда с улыбкой,
Врагов как будто нет.
Жизнь – это мост над адом,
Она и тень, и свет.

Когда врагов не нажил,
Ты – получеловек.
Ищи врага и друга,
Пока живёшь свой век.

Нашёл бы я – поставил
Врага на пьедестал,
На мраморе бы имя
Его я написал.

Эй, где ты, враг любезный?
Ответа не дождусь.
Не говори, что спятил –
Сам над собой смеюсь.

Провожая двадцатый век

Вот живёшь, в сердце совесть храня, –
Обязательно свалится бедствие.
Укокошат средь белого дня,
Изведут без суда и без следствия.

Как за шумным столом бастурму,
Твою душу съедят, не подавятся.
Так добру или зверству – чему
Царь природы теперь поклоняется?

Где спаситель? – на небо смотрю, –
Не видать ни единого ангела.
Всех рождающих в сердце зарю
Чёрной злобой чужою изранило.

Где спаситель? – на землю смотрю, –
Море крови повсюду безбрежное.
Неужели, себе говорю,
Живы мы лишь последней надеждою?

Свет надежды... О, я терпелив,
Не погасла подольше бы лампочка...
Словно душу мою озарив,
На ладонь села белая бабочка.

Удивителен белый эффект –
Словно душу от скверны очистили.
Вот бы новый мы встретили век
С белоснежными, чистыми мыслями.

На добро пусть он будет богат,
Пусть он светлый грядёт и загадочный.
Как я встрече нечаянной рад
С белокрылою крошечной бабочкой.

*** * ***

Если вместо розы или ландыша
Протяну полынь – траву забвения,
Оттолкну просящего о помощи,
Сохраню в душе обиду древнюю,

Если не отвечу на приветствие,
Милую обижу невниманием, –
Перед духом славных своих прадедов
Что скажу в своё я оправдание?

Знаю я таких: в моём Отечестве
Грош цена им даже в дни базарные.
Самому дойти до этой истины –
Дело это, ох, неблагодарное.

Стыдно перед миром, перед обществом
Жить бездумно, не свершая доброго.
На чужих ошибках мы не учимся,
А свои обходятся так дорого.

ЛЯБИБ ЛЕРОН (род. 1961)

Не позабудь

*Не торопись, опасайся ошибки...
Зульфат*

Если охватят душу твою сомненья
И заведёт тоска тебя далеко,
Не принимай необдуманного решения –
Ведь второпях ошибиться так легко.

Не торопись, пожалуйста, не тревожься,
Пусть улетает птица унынья вдаль.
Если однажды горько ты ошибёшься,
Можно стократ умножить свою печаль.

Не ошибись, прошу, в суматохе буден,
Не заблудись в сомненьях, любовь моя,
Не позабудь, пожалуйста – вряд ли будет
Кто-то тебя любить сильнее, чем я!

День просьбы

Лишь погрузился в молчание дом,
только утихла вокруг суета,
я прочитал «бисмиллу», а потом
ручку достал и писал до утра.

Дело святое – права отстоять,
лишь не остались бы к просьбе глухи,
ночь напролёт я писал и писал! –
только прошение, а не стихи.

Не за себя в этот час я радел,
я захотел человеку помочь
и, отрешившись от собственных дел,
занял прошением целую ночь.

Я переписывал, правил, творил,
точку поставил – и встретил рассвет,
ну а потом целый день я ходил
из одного – да в другой кабинет.

Десять начальников я обошёл,
был терпелив я и был я речист,
был я, где надо – серьёзный поэт,
был я, где надо – блестящий артист!

Ради другого прожил этот день,
пусть не в обиде он будет сейчас.
...Видит Всевышний людские дела,
каждому Он по заслугам воздаст.

Только стихами ли дышит поэт,
только ли проза другому мила?
Утро встречаю – со мной «бисмилла»,
день провожаю – со мной «бисмилла»...

Всё сохранится: усердность строки,
эхо шагов и свеча на окне...
...Я хлопотал целый день о других,
вдруг позаботится кто обо мне?

Древняя с черным столбом

Древняя древняя моя,
Славиться тебе и цвести.
Доброму – ты добрая мать,
Злого – будешь плёткой стегать,
И такая строгость – в чести.

Чёрный, чёрный столб на краю
Выситя, как твой судия:
Не сменила веру свою...
С чёрным, будто уголь, столбом
Уцелела в веке лихом
Светлая древняя моя!

Чёрный столб – чернее грача,
А душа народа – бела.
Может, мы и рубим сплеча,
И Сибирь маячит в ночах,
Но дружны слова и дела.

Чёрный столб в деревне моей
Прямотой, быть может, суров.
Лихо и напасти, ей-ей,
И посланцы власти, ей-ей,
Сторонились наших краёв.

Голод нас ломал – не сломал,
Поросли все беды быльём.
Пролетела юность моя,
Но, как прежде, думаю я
О деревне с чёрным столбом...

Я вышел из Бешмета Тукая

Ты выберешь Толстого в кумиры,
И к Пушкину – захочешь – шагай.

А для меня средь избранных мира
Нет выше, чем великий Тукай.

Не ради красноречья благого
Я говорю, дожив до седин:
Великих на земле очень много,
Но ближе всех Тукай – он один.

Не к Гоголю себя отсылаю:
Не из его шинели, о нет –
Я вышел из бешмета Тукая, –
Благословен суконный бешмет!

Я миру, будто слову, открытый,
Читаю между строк бытия...
Стихи – моя душа и молитва,
А свет Тукая – кибла моя.

Другой народ – и доля другая,
Но мне до всех иных нет забот.
Я воспеваю снова Тукая,
А значит, свой татарский народ!

«Куда же я иду? – вопрошаю. –
На ту ли поднимаюсь ступень?»
Не прошлое ищу у Тукая, –
Нащупываю завтрашний день!

Луне и солнцу, звёздам беспечным
Я не открою душу свою.
...Идущий за высоким и вечным,
Сегодня у Тукая стою.

Песня степи

Хасану Туфану

Вот одарённые дети степей,
барды, акыны, поэты пути,
не оседлавшие белых коней,
чтоб в этот мир гениально прийти!

В поисках мнимого их не вини,
в странствии их упрекать не спеши...
Выйдя с лукошком у сердца, они
степь засевали песней души!

В пламени мира – день выгорал...
В юртах бродили злые ветра.
Перекасти-полем катилась судьба,
билась, бесилась, сходила с ума...

Но поднималось слово певца,
и уходило горе, как дым.
Верные истине до конца
Землю спасали словом своим!

...Степь! Оросил тебя щедрый рассвет –
скоро поющие травы взошли.
Землю целует старый поэт...
Благоговейно молчат ковыли.

В тихом саду

(Вспоминая осень)

Сколько дубов – от высоких и стройных
и до корявых –
в общине зелёной.
Будто из тёмного леса сбежали –
глянь-ка! –
осины, и вязы, и клёны.

То тихий сад.
Правда, изредка слышен
гул придорожный в его околотке.
Да безработные ветры заходят
через проёмы чугунной решётки.

Кто от меня в глубине там укрылся?!
Исподволь взгляд на деревья бросаю.
Вот притаился в укромном местечке
дикий каштан – одинокий красавец.

С веток кистями шары нависают,
будто невызревшие помидорки!
Осень коснётся – созреют орехи
и пораскроют зелёные створки.

Наземь орешки осыплются, –
птицей
сердце каштана взовьётся из сада!
...Осень губами касается листьев –
виден оранжевый след от помады.

Садом брожу.
Улетучилось лето –
осень торжественно шествует следом!
А под ногой у красавца-каштана –
россыпь орехов вишнёвого цвета.

Помню, подумал:
собрать бы орехи,
сколько же вёдер их будет и мисок?
...Сорванный ветром последний листочек...
Тихо... навстречу зиме... покатился...

Ищу!

Светлой памяти Фаиля Шафигуллина

Улица так знакома – Парижской коммуны.
Зимняя стужа выковыывает следы.
Слышится – скрип, скрип...
(Кажется – стон, крик!)
Где ты, родной, откликнись, ну где же ты?!

Слышишь, ищу тебя я по всей Казани.
С облака, точно с крыши, валится снег.
Зимние бабочки с голубыми глазами
Слёзы мои целуют, замедлив бег...

Белая улица. Вьюга поёт печально.
Тусклые фонари, наклонясь, шепнут:
«Ах, извините, мы ничего не знали,
Мы не видали последних его минут...»

Я всё ищу тебя, всё брожу по свету,
Плавятся мысли, сжимаются пальцы рук...
Жизнь, как новелла, только прельстит сюжетом –
И оборвётся вдруг.

Холоден мир... Ночами взхлёб смеётся
Память моя юродивым стариком!
...Боль, завернувшись в облако, шевельнётся
Звёздными тенями в сумраке городском.

Этот безумец – я! Одержимый будто,
В целой вселенной тчусь отыскать твой след.
...Белая улица. Ветер и холод лютый.
Лёд, под ногами плавясь, меняет цвет.

Мамочка, мама моя...

В годы твои погружаясь,
Думаю чаще всё я:
Как же одна ты осталась,
Мамочка, мама моя?

Как прожила ты без пары,
Разве терпеть суждено?
Как погасить это пламя,
Если зажжётся оно?

Плакала втайне, конечно, –
Я не видал твоих слёз...
Ты моё детское сердце
Оберегала от гроз.

Не сожалеешь о давнем,
В сердце печаль затая?..
...Через года окликаю:
Как ты, родная моя?

Дом без мамы

Тускло блестит луна,
Звёзды давно не светят...
Ночь сироте равна,
Кашляет громко ветер.

А от окна к двери –
Зябкое колыханье...
Это зима дрожит,
Слышу её дыханье.

Ветер тоску несёт
В сердце окна ночного...
Слышу, как больно бьёт
В грудь ледяное слово.

Я сирота, увы,
Не было мамы ближе...
Плачет душа навзрыд...
Я этот голос слышу.

О, Зулейха

*Прабабушке – бабушке своего
отца Лерона Зулейхе посвящаю*

О, Зулейха...
Родная кровь,
Дитя отважного народа:
Надежда, вера и любовь –
Была для нашего ты рода.

О, Зулейха...
Ты – свет очей,
Что проникает сквозь ресницы.
С походкой лёгкою своей
Казалась ты летящей птицей.

О, Зулейха...
Пришла пора –
И сердце нежностью обвито...
Слагали песню до утра
В тебя влюблённые джигиты:

«К монисту в косах привяжи
Ты ленту с белыми кистями.
О том, что любишь, расскажи
О, Зулейха, на ушко маме...»

О, Зулейха...

Печаль светла...

Ты гордый род наш прославляла
И день с молитвы «Бисмилла»
Наверняка ты начинала.

О, Зулейха...

Ты шла вперёд,

Как солнце, землю освещая,
Ребёнка,
Мужа,

Свой народ

От бурь житейских защищая.

О, Зулейха...

В простом платке,

Перед судьбой немногословна,
Ты – радость в детском тайнике
И прочный корень родословной.

О, Зулейха...

Мой белый свет...

Моя прабабушка родная...
Тебя уж нет – один портрет
Мне о тебе напоминает.

ЛЕНАР ШАЕХ (род. 1982)

Ода татарской мелодии

Я – стихия напевная,
Твою ночь стерегущая.
Я – печаль задушевная,
В каждом сердце живущая.

Я – твой дар, полыхающий
Под небесными высями.
Я – скакун, выручающий
От огня и от виселиц.

Я – печаль твоя светлая
И душа твоя зоркая.
Я – надежда заветная
И судьба твоя горькая.

Слушая Сайдаша¹

Слушаю мелодии Сайдаша,
И душа уносится в полёт.
В целом свете нет мелодий краше,
Потому их любит мой народ.

Спросите, а где душа народа,
Отвечаю, в музыке его.
Я люблю сайдашевские ноты,
В них – самой природы естество.

То, как снег, мелодия закружит,
То дождём весенним прошумит,
Солнечным добром обезоружит,
Песней птицы в сердце защежит.

Не стареет – это мы всё старше.
Чистыми печалью дыша,
В музыке великого Сайдаша
Светится татарская душа.

Обещанье будущего счастья...
Не сдержат улыбки или слёз...
Став моей неотделимой частью,
Захватила музыка всерьёз...

Вновь он согревает души наши
И стране пророчит долгих лет, –
Солнечного слушаю Сайдаша,
Музыки на свете лучше нет!

Что весь мир готов обнять!..

Погляди, как вечер зыбкий
Красит мир, за взмахом взмах,
Как небесная улыбка
Проплывает в облаках...

Разглядела ли, родная,
Ночи бархатную шаль,
По которой вышивает
Месяц синюю печаль?..

А в низине, ты видала,
Как, влекомая в полёт,
Лебедь крыльями вздымала
Серебро озёрных вод?..

¹ Салих Сайдашев (1900–1954) – великий татарский композитор, основоположник татарской профессиональной музыки.

...Так тебе я рад опять,
Что весь мир готов обнять!..

Голубая сирень

Цветёт сирень, и дождь идёт,
И тёплый воздух влагу пьёт.
Ты под сиренью голубой
Отыщешь ласковый покой.

Она коснуться поспешит
Твоей израненной души
И, кисти нежные сведя,
Тебя укроет от дождя.

Ты под сиренью голубой,
И ей так радостно с тобой,
Благоухая в волосах,
Она поёт о небесах.

О, эти синие цветы
Так безмятежно держишь ты,
И в сердце вдруг приют нашли
Любовь и радость всей земли.

Букет сиреневый в руках,
И влага счастья на губах.
Уже светло в судьбе твоей,
И бьётся солнце меж ветвей.

Последний августовский вечер

Я в ожиданье нашей встречи,
Покоя сердцу нет и нет.
Лучом на дереве отмечен
Очередной не наш рассвет.

Ты тоже чувствуешь сиротство,
Как водопады, льются дни.
Прошедших суток превосходство
Хоть на минутку обмани.

Считать часы ли бесконечно,
С ума сойти ли веселей,
Но с приближеньем нашей встречи
Бессонней – ночи, дни – светлей.

И нетерпенье всё огромней,
Когда у бездны на краю
Улыбку солнечную вспомню
И нежность лунную твою.

Последний августовский вечер...
Упавший лист в траве шуршит.
Я в ожиданье нашей встречи
Зажгу костёр своей души.

* * *

Как проходят дни твои, скажи,
Что тебе приносят вечера?
Если я в дороге, средь чужих,
По тебе тоска моя остра.

Я иду, безмерно одинок,
Время на мгновения дробя.
Каждый мною сорванный цветок –
Для тебя, родная, для тебя.

В каждом – сокровенные слова,
Дорогая сердцу красота.
Жду тебя, как ливня ждёт листва,
Как стихотворение – листа.

Мыслями уже я у дверей,
Знаю, терпеливо ждёшь меня.
Я б хотел вернуться поскорей
И тебя с сынишкою обнять...

Что тебе приносят вечера,
Как проходят дни твои, скажи?
За порою следует пора,
Крутится клубок и наша жизнь.

В зное ли июньской тишины,
В холоде январского ли дня, –
Дальние дороги не страшны,
Если ожидаешь ты меня.

Болдино ждёт Пушкина

Убрано в доме и чай согрет,
Ужином дышит дом.
Баня готова... Его всё нет.
Сумерки за окном.

На горизонте не разглядишь
Скачущих лошадей.
Скрип половиц не нарушит тишь
Жалобю своей.

Он обещал, что приедет вновь.
Дождик примял цветы.
Осень, наряды свои готовь
И обряжай кусты.

Вот облетает уже листва,
Тише и в сердце стук.
Радость когда-то была жива,
Ныне – шуршащий звук.

Ивушка плачет, и дуб грустит,
Лиственница хмура,
Капля чернил, как слеза блестит,
Катится вдоль пера.

Холод разбойничает в леске,
Ранней грозит зимой,
Стонет земля в вековой тоске:
Где же хозяин мой?

Вверят страдалицу всем ветрам,
Снегом укроют грудь...
Кто от душевных излечит ран –
Скажет ли кто-нибудь?..

Убрано в доме и чай согрет,
Ужином дышит дом.
Баня готова... Его всё нет.
Сумерки за окном.

Теплится свечка, и будто стон
Слышится: «Бог спаси...»
Разве лишь Болдино нужен он? –
Нужен он всей Руси!..

Может, замешкался средь хлопот
И городских шумов...
Только всё так же усадьба ждёт
Шорох его шагов.

Деревце помнит его слова,
Смех и касанье рук.
Радость когда-то была жива,
Ныне – шуршащий звук.

Ивушка плачет, и дуб грустит,
Лиственница хмура.
Разве никто нам не возвратит
Прожитое вчера?!

Осень идёт по своим следам.
Боже, его всё нет!..
Знаю одно: вопреки годам,
Болдинских окон мерцает нам
Неугасимый свет!

Один из вас...

Взрослеют души и тела:
Кто счастлив, кто умён.
Я не держу на сердце зла –
Я для добра рождён.

Пусть где-то подличают, лгут
И примеряют власть,
Ну, а ко мне не пристают
Ни зависть и ни грязь.

Не трачу я напрасных слов,
Спокоен, деловит.
А кто-то жизнь бранить готов
На чём весь свет стоит.

Лукавство мне не по плечу,
И, кто бы ни грозил,
Я лишь хорошего хочу,
Надеюсь, хватит сил.

Так мне на пике бытия
Подумалось сейчас:
Я человек, татарин я,
И я – один из вас!

Сынок играет. Слёз не удержу.
Кого благодарить мне за наследство?
С волнением я в сыне нахожу
Свои черты мальчишеского детства.

От колыбели до текущих дней
Рисует жизнь по чёрточке картину, –
И вот улыбку бабушки моей
Прочёл сегодня я во взгляде сына.

У наших душ похожи голоса,
Я слышу их перекликанье сна, –
Тревожат сердце мамыны глаза,
Которые я распознал в сыновних.

Пусть он – неоперившийся птенец,
Но мне через него мой родич ведом:
Глазами сына смотрит мой отец,
Чтоб в одночасье проявиться дедом.

Счастливых мамы с папой тешит взор
Ребёнок – драгоценное творенье.
Как нити заплетаются в узор,
Так и дитя сплетает поколенья.

Цветок души ты, ягодка моя,
Ты – свет очей, и ты – моё сердечко.
Ты – тот, в котором создано семь я,
И ты – росток большого человечка!

Думая о бабушке

Катился, катился клубочек,
Виток за витком убывал, –
И вот уже, вздоха короче,
Он белою ниточкой стал...

Замедлилось, кажется, время,
Притихли следы у ворот.
Лишь белого снега паренье,
Лишь белого пара полёт...

Всё рухнуло, рухнуло... Пусто...
Клубок не покатится вспять.
Лишь белое облако грустно
Пытается землю обнять.

Зачем же так скоро, так скоро
Распутался белый клубок?..
Ложатся на землю узоры,
Уходит земля из-под ног...

Слеза обожжёт и сорвётся,
Чалмой проплывут облака.
Тропинка петляет и вьётся,
Как белая нитка клубка...

Ночь без тебя

Сжимался памяти комок –
Тепло любви твоей сберечь,
Ведь я никак забыть не мог
Ни ласку губ, ни запах плеч.

Под одеялом я ищу
Тепло твоей руки на мне,
Но молча смотрят, как грущу
Берёзы белые в окне.

И в стопке каждый мой листок
Тобой печалится во мгле.
О, если б кто-нибудь зажжёт
Свечу на сгорбленном столе.

Стихами б время пролилось
На скатерть лунной белизны,
Да только муха – поздний гость –
Ломает почерк тишины.

**А летний дождь срывался с крыш
И тѣк по белому листку –
Скорей, любимая, услышь
Мою дождливую тоску...**

**Пусть солнце вычертит дугу
Всем одиночества назло.
Под одеялом сберегу
Твоѣ уютное тепло.**

**Сожги печаль, тревожа клавиши,
И пой в огне своей тоски!
Сердечко, ты слезами плависься
И разрываешься в куски...**

**В больной строке, из уст оброненной,
Звучи, тоска моя, зови.
В твоих глубинах похоронена
Одна история любви.**

**Играй, плечи, и пусть качается
Несчастье лодочкой в груди.
Ведь жизнь на этом не кончается,
И что-то будет впереди!**

**Играй, когда всё подытожено,
Устанешь петь – давай, танцуй...
И боль, на музыку помножена,
Скользнѣт улыбкой по лицу.**

Булатова Галина Ивановна родилась в г. Горьком (ныне Нижний Новгород) Окончила Куйбышевский институт культуры (1986). С 2011 по 2021 годы жила на два города – Тольятти и Казань, в настоящее время проживает в г. Тольятти Самарской области. Член Союза российских писателей и Союза писателей Республики Татарстан. Автор 9 книг, в т.ч. «Сильнее меня» (2017), «Я, Бог, любовь и око» (2019), «Поэзотерика» (2024). Редактор-составитель нескольких десятков изданий. Организатор литературных проектов, в т.ч. учредитель Международной литературной премии «ДИАС» (с 2019), посвящённой казанскому писателю и философу Диасу Валееву, организатор всероссийских поэтических конкурсов «Отцовский след», «Библиотечная муза», премии им. Александра Маздорфа и др. Лауреат литературных премий им. Игоря Царѣва «Пятая стихия» (Москва, 2015), им. Салиха Гуртуева (Махачкала, 2019), им. Сажида Сулеймановой (Альметьевск, 2021), премии журнала «Аргатак. Татарстан» (Казань, 2021); III место во Всероссийском конкурсе переводчиков им. Эффенди Капиева (Махачкала, 2021); лауреат Международного конкурса современной духовной литературы «Молитва» (2022).

НИЗАМИ ТАГИСОЙ

ВЗГЛЯД НА ТВОРЧЕСТВО ГАЛИМДЖАНА ИБРАГИМОВА

Галимджан Гифран улы Ибрагимов (1887 – 1938) совместно с Габдулла Тукаем явился одним из основоположников татарской литературы. В то же время он вошёл в историю родной культуры как языковед, педагог, редактор, общественный деятель. Первоначальное образование получил в медресе Вали (Оренбург), затем продолжил обучение в 1906 – 1909 гг. в медресе «Галия». Был редактором журнала «Наш путь» («Безненюл»), «Просвещение» («Мегариф»), де-факто «Миг» («Ан»), газеты «Чулпан», совместно с Фатыхом Сайфи-Казанлы выпускал газету «Воля» («Ирек»).

Первым литературным опытом молодого Галимджана стал автобиографический рассказ «Изгнание из медресе Заки-шакирда», датированный 1907 г. А уже в 1910 г. вышел его первый сборник рассказов «Начало весны» («Яз башы»). Вслед за ним появляются такие рассказы и повести автора «Судьба татарской женщины», «Старый батрак», «Дети природы». В те же годы он обращается к более крупному жанру романа. В результате появляются «Молодые сердца» («Яшь йорекләр») и «Наши дни» («Безненкөннәр»). Здесь же отметим, что некоторые произведения Г.Ибрагимова оказали заметное влияние на казахскую прозу.

Г.Ибрагимов параллельно с художественным творчеством продуктивно занимался научно-педагогической деятельностью. Он автор таких важных трудов по татарской филологии и лингвистике, как «Татарская грамматика» (1911), «Теория литературы» (1916), «Методика преподавания родного языка» (1918). Среди его научных работ должны быть отмечены также критические статьи, посвящённые творчеству казахских просветителей Чокана Валиханова и Абая Кунанбаева. Наряду с указанными следует заметить, что в феврале 1926 года он возглавил представительную делегацию Татарстана на 1 Всесоюзном тюркологическом съезде (Баку), посвящённом вопросам латинизации письменности тюркоязычных народов, где он выступил против латинизации.

Как многогранная личность, он сыграл выдающуюся роль в духовно-нравственной истории татарского народа. Многие знатоки его творчества едины во мнении о том, что он являлся пионером новой национальной культуры.

В первых его художественных образцах даёт о себе знать романтическое восприятие действительности. Рассказы «Жертвы любви», «Судьба татарки» и др. были посвящены острой критике организации обучения и воспитания в старометодных татарских медресе, поставлены проблемы раскрепощения человеческой личности, эмансипации женщины.

Следует заметить, что творческий потенциал Ибрагимова раскрылся особенно тогда, когда он переселился в Казань. В рассказах «Начало весны» («Яз башы»), «Красные цветы» («Кызыл чәчәкләр»), «В море» («Дингездә»), «Любовь – счастье» («Сюсәгадәт»), «Из тетради покойного» («Мэрхумнен дәфтуреннән»), «Старый батрак» («Карт ялчы»), «Пастухи» («Көтүхеләр»), «Чубарый» («Алмачуар»), «Габдрахман Салихов» и т.д., он смог создать образы необычных, сильных духом героев, находящихся в антагонизме с духовно-угнетающей средой.

Нарратив произведений Г.Ибрагимова организован в виде непрерывного повествования, выстраивающегося в другое развивающееся повествование. Нарратив в более широком смысле означает способ изложения предполагаемой истории или события. Формальные свойства нарративной структуры определяются как текстуальной

схемой промежуточного уровня, функционирующей между уровнем предложений и абзацев, так и макротекстуальной организацией в текстовом пласте.

Нам известно, что нарратив – не объективное, а субъективное повествование. Он возникает тогда, когда в обыкновенный рассказ добавляются субъективные эмоции и оценки повествователя-нарратора, в нашем случае Г.Ибрагимова. В результате чего он не просто доносит желаемую информацию до читателя, но и производит впечатление, интересуется, заставляет его переживать и вызывает определённые эмоции. Иными словами, отличие нарратива от обыкновенного рассказа или повествования, констатирующего факты, – в привлечении индивидуальных нарраторских оценок и эмоций.

Зная о том, что нарративный анализ или метод используется практически во всех сферах теоретического знания – истории, естествознанию, культурологии, психологии, философии и т.д., исследование повествовательных текстов дает возможность проникнуть в опыт как отдельного человека, так и целой культуры (индивидуальное видение, концепция мира культуры или её области).

Когда мы знакомимся с произведениями Г.Ибрагимова, то в нарративе видим связность и последовательность элементов повествования, логичность рассказов в контексте общей истории представляемого материала, создающие целостную картину изображаемых событий. Вместе с тем в некоторой степени фольклорными и историческими являются образы и персонажи произведений этого автора. Словом, нарратив как ансамбль лингвистических и психологических структур ограничен уровнем мастерства самого Г.Ибрагимова-писателя.

Помимо отмеченного, талант Ибрагимова ярко раскрылся в романе «Молодые сердца» («Яшь йорекләръ»), тематический пафос которого составляет конфликт отцов и детей. Несмотря на то, что роман интересен своей романтической приподнятостью, в то же время в нём можно увидеть стремление автора к обогащению творческой палитры реалистическими красками. Это были напряжённые идейно-эстетические искания, отмеченные резким конфликтом между идеалом и действительностью, в то же время романтические тенденции в творчестве писателя были связаны в те годы с образом положительного героя, который нередко выступал в субъективно-лирическом плане. Выражая резкое недовольство окружающим и не видя выхода, он не в силах избежать драматического и даже трагического исхода своей судьбы.

«Молодые сердца» – первый крупный роман Г.Ибрагимова, принёсший ему большую популярность, в котором он отразил панораму жизни татарского общества начала XX в. Интересно, что Г.Ибрагимов – один из немногих татарских классиков, который был свидетелем и участником трёх русских революций и активным пропагандистом преобразования татарской жизни.

Роман «Молодые сердца» подтверждает, что не только герои Ибрагимова, но и сам писатель подчас не умели найти выхода из противоречий. Молодая пара – Зия и Марьям – погибает в неравной борьбе с патриархальными предрассудками, самодурством и консерватизмом отцов и матерей. Оторванные от реальной жизни, субъективно-романтические грёзы приводят положительных героев романа к трагическому исходу. Они бессильны против прогнивших, но всё ещё господствующих устоев старого общества. Здесь же заметим, что писателю не удалось преодолеть сентиментально-мелодраматического подхода к решению судеб своих героев. Несмотря на отмеченные недостатки, «Молодые сердца» были первым психологическим романом в истории татарской литературы. Хотя произведение страдало некоторой рыхлостью композиции и искусственностью психологических ситуаций, художественная форма его характеризовалась и рядом глубоко положительных элементов. В «Молодых сердцах» идеалы положительных героев даны в столкновениях с жизненными противоречиями, их индивидуальные особенности отмечены яркими психологическими контрастами. Национальный колорит, бытовые и пейзажные реалии, насыщение языка фольклорными средствами составляют достоинства произведения. Здесь же подчеркнём, что под на-

званием «Молодые сердца» на сцене Малого театра в Москве была поставлена комедия в двух действиях Фатхи Бурнаша, режиссёром которой был Фарид Бикчантаев.

Сюжет комедии так же, как сюжет «Молодых сердец» Г.Ибрагимова, прост и бесхитростен. В отличие от романа в комедию режиссёром обильно вводятся комические сценки, сумевшие развеселить самого строгого зрителя.

Следует отметить, что в творчестве Галимджана Ибрагимова можно найти множество точек соприкосновений в мотивах, тематике, сюжетной характеристике и образно-художественных своеобразиях и у азербайджанских писателей, живших и творивших почти в ту же историческую эпоху, в частности, у Сулеймана Сани Ахундова (1875 – 1939), Сеида Гусейна (1887 – 1938), Джафара Джабарлы (1899 – 1935).

Так, например, С.С.Ахундов как до революции, так и после неё писал множество лирических рассказов, таких, как «Кровавый родник», «Светоч надежды», «Жертва невежества», «Молла Гасым», «Тётя Сона», «Шутка», «Лечение», «Последняя надежда», «Молодая машинистка и старый писатель», «Собака Мистера Грея» и мн. др. В этих рассказах доминирующими являются романтический подход к изображаемому материалу и воспитательный характер произведения. Наряду с этими лирико-романтическими средствами в рассказах С.С.Ахундова, как и в прозе Г.Ибрагимова, встречаются символика, сатирические и реалистические оттенки. Среди других интересных образцов прозы своеобразием выделяются такие рассказы С.С.Ахундова, как «Пиршество» и «Сон», где писатель стремится отобразить жизненные проблемы своего времени, пытается показать новые общественные отношения. В рассказе «Сон» писатель говорит о старой системе взаимоотношений, а также критикует укоренившуюся отсталость и стагнацию в народном сознании. Драматические и комические произведения С.С.Ахундова также посвящены подобной тематике. Так, например, в комедиях «Дивдат бей» и «Тюркское единство» изображены реалии того общества, в котором жил и творил сам писатель. По своей тематике это были своеобразные произведения.

В пьесе «Соколиное гнездо» наряду с олицетворением победы большевизма, автор так же, как Г.Ибрагимов, ставит проблему отцов и детей. Помимо отмеченных черт, в пьесе особое внимание обращается к имеющейся идеологической мысли. В противостоянии нового и старого мира так же, как в произведениях Г.Ибрагимова, предпочтение отдаётся новому миру.

Аналогичную линию художественного отображения окружающей действительности мы видим в произведениях Джафара Джабарлы (пьесы которого неоднократно с огромным успехом ставились не только на сцене театров Казани, но и других театров Республики Татарстан), также стоявшего у истоков азербайджанской советской литературы. Многие его как прозаические, так и драматические произведения отстаивали идеи и образы, рождённые на переломе периода. Заметим, что такой подход был характерен для произведений целого ряда писателей, известных своими передовыми идеями и образами: полно, объёмно и впечатляюще представить мир уходящий. Обращаясь к такому изображению, Дж.Джабарлы подобно Г.Ибрагимову задался целью привнести в литературу нечто новое. А новое заключалось в новизне именно общественно-политической эпохи. По мнению писателя, с эксплуататорскими классами было покончено. На их смену пришёл новый мир. Здесь подходы Дж.Джабарлы и Г.Ибрагимова на задачи художественного творчества совпадали в средствах авторского видения, отображения действительности, а также в поисках новой методологии. Именно такова тематика пьес Дж.Джабарлы «Октай Эльюглу», «Невеста огня», «Севиль», «Алмас», «В 1905 году», «Яшар», в которых все отчётливее были раскрыты противоречия уходящего и динамизм, созидательная мощь наступающей эпохи. Джабарлы также, как Г.Ибрагимов, чётко понимал, что без решения подлинной эмансипации женщины, обретения ею равноправия в обществе не может быть и речи о подлинном социальном преобразовании. Нужен был впечатляющий и сильный свет, излучающий правду, открывающий перед женщиной горизонты свободы, труда и творчества.

А что касается сходных черт судьбы Г.Ибрагимова и Сеида Гусейна, то здесь можно найти ещё больше точек соприкосновений. Собственная судьба С.Гусейна сложилась совсем неудачно. Раннее сиротство, учёба сперва в медресе, затем в русско-татарской школе, работа в типографии газеты «Каспий», наборщик, корректор. С 1908 года начал публиковать свои статьи. В год революции 1917-го он уже преподаватель, известный журналист, критик. Именно этот период был годами исканий, накопления опыта и наблюдений, заблуждений и надежд автора. После чего в его опыте дали о себе знать ясность художественного изображения, полное раскрытие проблем эпохи. В тот период он одно за другим публикует свои многочисленные рассказы и повести, такие, как «На путях новой жизни», «Между двух жизней», «Грустные воспоминания», «Девушка из Гиляна», повести «Зимние ночи», «Юношеские похождения Мир-Дамада», «Министр внутренних дел» и др., а также несколько в другом амплуа документальный рассказ «Исмаилия». Это горький плач и тихое воспоминание об «Исмаилии». Автор с горечью размышляет о судьбе разрушенного армянами дашнаками величайшего памятника азербайджанской национальной истории «Исмаилия».

Коль речь зашла о некоторых сходных особенностях творчества Г.Ибрагимова и названных азербайджанских писателей, подчеркнём и общность их жизненной судьбы, в первую очередь Сеида Гусейна. Из-за националистических воззрений, в частности, за автобиографическое произведение «Иллюзия правды», «К новой жизни», «На рубеже двух жизней», «Ширинназ» он был заключён в тюрьму, в 1937 году репрессирован и расстрелян в январе 1938 года. Посмертно реабилитирован.

Как мы знаем, Г.Ибрагимов, начиная с 1927 г., в связи с болезнью находился в Ялте, где и был арестован и переведён в Казань. Суда над писателем не было. Ему не предъявляли обвинений. Его произведения были изъяты из библиотек. Произносить имя Г.Ибрагимова было запрещено. Дело не дошло до расстрела, так как уже к концу января 1938 года писатель скончался в тюрьме. Впоследствии, так же, как Сеид Гусейн, он был посмертно реабилитирован. Это было тем «значительным уважением», которым «наградило» Советское государство за защиту им интересов новой социалистической действительности.

Итак, продолжим свои наблюдения относительно изучения творчества татарского писателя. В 1932 г. в одном из писем к читателям Г.Ибрагимов писал: «Не должно быть сомнения в том, что формула «типические обстоятельства, типические характеры»... является главным лозунгом литературы, литературного творчества, основанного на реализме. Без этого нет ни литературы, ни литературного творчества».

Г.Ибрагимов, несмотря на болезнь, продолжал упорно работать. В результате чего в 1934 г. выходит его новое, исправленное и дополненное издание романа «Наши дни», служащего ярким примером создания типических характеров в типических обстоятельствах на жизненном материале революционного прошлого татарского народа. Основанный на сложных классовых конфликтах, данный социально-художественный образец Г.Ибрагимова свидетельствовал о формировании исторического эпоса в татарской прозе. Работая над новой редакцией романа, писатель детально ознакомился с архивами царской охраны, что помогло ему яснее представить особенности революционного движения среди татар 1905 – 1907 гг.

Авторы статьи «Татарская литература» относительно данного романа пишут: «Суровая нравственность и верность жизни, эпичность в освещении исторического прошлого... сделали «Наши дни» одним из самых крупных явлений татарской литературы 30-х годов... Они оказали определённое влияние на татарских писателей, способствовали росту их художественного мастерства в изображении современности».

Если в ранних произведениях прозы писателя романтический психологизм и субъективно-лирическое отношение к действительности подавляли объективно-эпическое изображение событий и судеб героев, то в романе «Наши дни» Г.Ибрагимову удалось преодолеть субъективно-психологическую односторонность в изображении.

Именно поэтому при всех этих недочётах «Наши дни» стали важной ступенью в творческом развитии Г.Ибрагимова.

Колоритными и своеобразными красками созданы и другие образцы прозы Г.Ибрагимова. Среди них «Дочь степи» («Казакъ кызы»), «Люди» («Адемнер»), «Глубокие корни» («Тирэн Тамырлар»), «Красные цветы» («Кызыл чэчэклар») и др.

Роман «Глубокие корни» (1926 – 1928) изобилует натуралистическими описаниями событий жестоких классовых столкновений, где автор довольно часто повторяет слова «кровь» и «крававый». Привлекая к исследованию романы Г.Ибрагимова в своей диссертации, З.Салыхова писала: «Рисуя смерть главного героя романа тяжёлыми для восприятия натуралистическими красками, Г.Ибрагимов подчеркивает, что строительство социализма – это кровь, смерть, трупы. Отсюда постоянно повторяемый в романе «Глубокие корни» эпитет «крававый».

Натуралистические описания в произведениях Г.Ибрагимова разнообразны по тематике и художественному оформлению. Поэтому заметное натуралистическое изображение с ярко выраженным этнографизмом находим и в романе «Дочь степи» («Казакъ кызы»).

Помимо отмеченных, натуралистичностью дышит также и другой роман Г.Ибрагимова, о котором выше мы вели разговор, «Наши дни», где и позитив, и негатив реального мира в некоторой степени изображаются приёмами фотографизма и протоколизма.

В названных произведениях Г.Ибрагимов сумел выработать своеобразную манеру подачи художественного материала, свидетельствующую о высоком искусстве построения развивающейся сюжетной линии. Заметим, что целостный характер ибрагимовских героев вырисовывается постепенно и оформляется в читательском представлении как совокупность зримых красок, возникающих на протяжении всего повествования. К месту отметить, что многие элементы, использованные Г.Ибрагимовым в его произведениях, успешно были применены в творческой практике М.Горького, в частности, в таких его произведениях, как «Дело Артамоновых», «Фома Гордеев», «Мать» и даже в эпосе «Жизнь Клима Самгина». Так же, как и М.Горький, Г.Ибрагимов несколько по-другому подходил к каноническому пониманию жанра романа. Поэтому переосмысление жанровых понятий у него было вызвано эстетическим отношением этих писателей к изображаемой действительности и эпохе. Продолжая рассмотрение отдельных особенностей романов Г.Ибрагимова, отметим, что одним из интересных произведений, как выше подчеркивали, считается роман «Дочь степи» («Казакъ кызы»), дважды опубликованный (1911 г.) в Оренбурге и Киеве (1913 г.), позднее изданный в русском переводе (1934 г.), а затем конфискованный властями. В этом романе автор изображает жизнь народа в казахской степи, где рельефно создаёт яркие картины колониального гнёта, социального протеста. Ибрагимов подобно казахским фольклорным образам Козы Корпеш и Баян Слу по-своему развивает традиционную романтическую тему любви главных героев Карлыгач-Слу и Арсланбая, сливающуюся с общественно-социальной проблематикой. Заметим, что этот роман по своей идее является первым опытом художественного осмысления изображаемой эпохи и новых отношений среди казахов.

В данном материале мы коснулись лишь некоторых основополагающих особенностей творчества крупного татарского писателя, учёного и общественного деятеля Г.Ибрагимова, оставившего значительный след в истории развития родной литературы. Изученные материалы как практического, так и теоретического характера показывают, что Г.Ибрагимов являлся незаурядной творческой личностью, много сделавшей для истории татарской литературы первой трети XX столетия.

ЗЕМЛЯКИ

ТАМЕРЛАН ГАДЖИЕВ

(Москва)

Метель

Рассказ

Из-за покрытых инеем окон открывался вид на заснеженный сад. Саид Имранович сидел в гостиной на мягком диване и пил чай с чабрецом. Время от времени он прислушивался к разукрашенной телеведущей.

– Доченька, поставь чайник, – говорил он время от времени.

Офелия вскакивала из-за ноутбука и шла на кухню, громко топя ножками, всем своим видом показывая, что ее отвлекают.

Саид Имранович скучал. Чай нарочно остывал, едва он подносил чашку к губам. Выходные он привык проводить с сыном, но тот год назад провалил экзамены в магистратуру и отправился на флот. Саид Имранович бесконечно разглядывал экран старенького смартфона, с заставки которого ему улыбалась покойная жена.

Он стал курить дома: на кухне и даже в гостиной. Жена ему этого не позволяла, да и сам он поначалу старался себя сдерживать, но потом как-то позабыл. Саид Имранович достал сигарету, но после отложил, потому что в последнее время табак вызывал у него икоту.

– Доченька, на, фрукты покушай. Говорят, в учебе помогает.

– Папа, а можно не отвлекать по всякой ерунде? Почему каждый раз, когда мне надо заниматься, постоянно кто-то мешает?

– Но мне же скучно. Что мне теперь, из дома уйти?

– Не знаю, пап. Делай, что хочешь, – сказала Офелия и, собрав вещи, пошла в свою комнату.

Саид Имранович тяжело вздохнул и лег на диван. Одинокие часы он проводил в полудреме, не упуская своими маленькими смешными ушами ни малейшего шума. Пока он спал, громко храпя и ворочаясь, никто в доме не смел говорить по телефону, мыть посуду, включать телевизор или пылесосить. Но в этот раз Саид Имранович не мог сомкнуть глаз. Он никак не мог привыкнуть к «скверному характеру» своих детей.

Саид Имранович отправился на вечернюю прогулку, которой в последнее время предавался перед сном. Снег под ногами хрустел как-то медитативно, он погружался в воспоминания. Вспомнил, как позапрошлой зимой жена приготовила сэндвичи, а он достал из подвала подаренное коллегами вино. Как Офелия включила «Паддингтона», и как на следующий день семья отправилась в «Твой дом» за елочными игрушками. В тот день хлопья снега покрыли всю его голову, и, взглянув на свое отражение в окне автомобиля, Саид Имранович впервые ощутил старость. С каждым годом это ощущение усиливалось, и он боялся стать детям обузой. Он хотел их «удачно пристроить», чтобы они ни в чем не нуждались и могли позаботиться о себе и о нем. Старость – это когда мы все чаще думаем о будущем.

Мимо прошли соседи, выгуливали собак. Саид Имранович приветливо кивнул им и пошел дальше.

– Добрый вечер, – ответили они.

И зачем люди заводят трех собак разом? Неужели с одной хлопот мало?

Под фонарем на долю секунды мелькнула фигура бегуна, в котором Саид Имранович узнал соседского парнишку. Он любил ставить его в пример сыну, который большую часть времени проводил за компьютером и вообще, «занимался ерунди-

стикой». Теперь небось каждое утро бегают... А ведь оправдывался, что снег не чистят, неудобно ему, видите ли. Впрочем, снег и правда плохо чистят, халтурят.

Саид Имранович добрался до коттеджа своего друга, с которым любил пить чай и говорить о том, как раньше жилось лучше. В такой час Низами – так звали соседа – наверняка не спал, ибо был он человеком праздным, любил окружаться толпой до позднего вечера. На его вечерах собирались предприниматели средней руки, всевозможные просители, журналисты, профессора – в общем, все те, кто нуждался в деньгах этого весьма обеспеченного человека. Саид Имранович приходил на эти собрания в качестве почетного гостя, участвовал во всех спорах, ибо по каждому вопросу имел «особое мнение» и никогда не упускал возможность им поделиться.

У Низами гостили профессор Гранин, доктор Вишневский и Эльдар Коновалов. Всех их объединяло одно – любовь к нардам. Поначалу они играли на деньги. Когда наскучило, они стали играть на желания. Низами выставил условие: желания не должны порочить честь и достоинства игроков. Поэтому они играли на усы, на отжимания или на щелбаны.

Когда вошел Саид Имранович, игра шла по десятому кругу: Коновалов обыгрывал соперников одного за другим. Гранин, с которым Коновалов играл в тот момент, привстал, чтобы пожать вошедшему руку. Коновалов какое-то время молча разглядывал протянутую Саидом Имрановичем ладонь, после чего все же ответил на рукопожатие.

– Не люблю отвлекаться от доски.

Вишневский хотел остроумно пошутить, но, взглянув на угрюмое лицо Коновалова, подумал: «А, белиберда!» Вместо этого он подошел к окну проверить, закончился ли снегопад.

– Эх, еще и машину откапывать... – сказал он и вернулся за стол.

– Ну что, Низами, рассказывай, как жизнь молодая? – спросил Саид Имранович.

Низами ответил ухмылкой карандашных усов. Он обернулся и показал Саиду Имрановичу теменную часть головы, на которой выросли едва заметные волосики. Коновалов и Гранин закончили партию. Гости принялись обсуждать вакцину.

– Я слышал, что у врачей обязаловка, – сказал Коновалов.

– У врачей не только обязаловка, – ответил Вишневский, хитро улыбаясь, – у них еще блат.

– А ты прививаться будешь? – спросил Низами Саида Имрановича.

– Путин привьется – и я привьюсь.

Гранин и Низами засмеялись.

– Слова мудреца!

– Аксакал, а вы почему не играете? – вдруг спросил Коновалов.

После смерти жены Саид Имранович отрастил бороду. Она его старила, но он все равно отказывался её сбривать, несмотря на уговоры Офелии. Из-за бороды незнакомые называли его «аксакал». Саид Имранович никак не мог привыкнуть.

– Почему не играю? Никак не могу найти достойного соперника.

– А меня достойным не считаете?

– Нет, не считаю. Я весь вечер слежу за вашей игрой, и, признаться, она мне наскучила.

Коновалов нервно вертел в тонких пальцах игральные кости. Он откинулся на спинку стула и закинул ногу на ногу.

– А может проверим, насколько скучна моя игра?

– С превеликим удовольствием.

Обменявшись на радость публики колкостями, Саид Имранович и Коновалов сели за игровой стол. Саид Имранович делал первый ход и играл черными шашками. Он знал только правила. Что касалось комбинаций, стратегии и тактики, то он ничего в них не смыслил. Он играл интуитивно, правила ему объяснила жена, кото-

рая почти всегда его обыгрывала. Иногда она поддавалась, чего Саид Имранович, конечно же, не замечал. В такие моменты он ощущал воодушевление, подобное тому, какое испытывают во время влюбленности или плотного ужина.

Коновалов озвучивал каждую комбинацию на фарси:

– Панджу-ду, джахар-се, еган, шеш гоша.

Он поспешно перемещал шашки, не давая сопернику следить за ходом игры: Саид Имранович играл медленно, нерешительно и робко.

– Это не шахматы, – не выдержал Коновалов.

Вскоре и сам Коновалов замешкался. Он никак не мог сосредоточиться. Игра шла уже полчаса.

– А вы знаете, где придумали нарды? – внезапно спросил Коновалов.

– В Иране?

– Нет. Вы не поверите, но предшественник современных нардов – римская настольная игра *Ludus duodecim scriptorum*. Она встречается у Овидия... Читали Овидия?

– У меня три диплома, – пошутил Саид Имранович, – экономика, юриспруденция и латинская литература.

– Значит «Наука любви» вам знакома, – ответил Коновалов. – И вы помните тот отрывок, где...

– Наука любви знакома каждому в этой комнате. Я сам отец троих, – прервал его Низами. – Доигрывайте и расходимся. Завтра понедельник. И вообще, к чему ты это сейчас рассказываешь?

– Сейчас поймешь, – спокойно ответил Коновалов. – Как вы знаете, я вырос в деревне Бузовна недалеко от Баку. У нас во дворе стоял дубовый стол для нарда и росло тутовое дерево. Днем мы с мамой собирали тут, а вечером без конца играли в нарды. Мама была азартной, как котенок. Она играла только на деньги. Покойный дед говорил, что скоро в дом явится КГБ и «прикроет её казино к чертовой матери». А играли у нас люди непростые, все в галстуках и с партийными билетами.

Среди гостей одного звали Фирдоуси – как поэта. Он и был поэт, член Союза писателей. Хлопал на собраниях до красных ладошек. Я, будучи еще совсем ребенком, стал замечать, что Фирдоуси захаживает чаще остальных. Игра с ним доставляла маме большее удовольствие, нежели с остальными. Несмотря на тучность и сероватый костюм, от которого почему-то всегда пахло бараниной и керосином, он излучал такую харизму, что и весь наш дом становился центром культуры. Я запомнил, как Фирдоуси читал маме отрывки из Овидия собственного перевода.

У нас стали собираться представители творческой богемы. Благодаря нардам мать обустроила что-то вроде салона. Его центром стал Фирдоуси. Я радовался, что вскоре он заменит мне отца. Отца, которого отправили в Афганистан и которого я не знал с пятилетнего возраста. Я давно взял материнскую фамилию и готовился сменить ее на фамилию Фирдоуси. Для нас с мамой влюбленность Фирдоуси стала возможностью вновь обрести семейный очаг... Но отец вернулся. Это, как в дешевой мелодраме, случилось в день свадьбы. Он пробрался через иранскую границу...

Суд папу оправдал. От семьи, которая могла у меня быть, остались только любовь к нардам и томик стихов Овидия. Отец не знал, что стихи перевел Фирдоуси, иначе тотчас выкинул бы книгу в печь. Так я прожил пять лет. Пять лет под одной крышей с человеком, зарезавшим мою мать. Он скоростижно скончался в тот самый день, когда я узнал о своем поступлении в университет. На похоронах я был один. Никто не ходит на поминки убицы, страшно.

Гранин закурил. Низами прошелся по комнате. Саид Имранович, за которым был следующий ход, отложил игральные кости и обеими руками взялся за чашку чая.

– Ужасная история.

– Защищать отца вызвался ваш покойный батюшка, – продолжил Коновалов. – Это дело стало самым знаменитым в его и без того прославленной карьере. Он вы-

звал сочувствие присяжных рассказами о том, какой шок испытал «верно служивший родине солдат». – «Вернувшись домой, он обнаружил, что родина его предала». По-разительная метафора: родина – неверная жена. Я внимательно следил за его дальнейшей карьерой. Успех адвоката состоит из голов, по которым он ходит.

– Знай, с кем говоришь! – вдруг закричал Низами. – Имран-муаллим был одним из самых почетных...

– Оставь, пусть договорит, – успокоил его Саид Имранович.

– Тогда я твердо решил стать прокурором, – продолжал Коновалов. – Спасибо вашему отцу, я обрел профессию. Я поклялся, что больше никогда не позволю такой несправедливости... Человек, убивший на глазах ребенка его собственную мать, должен сидеть в тюрьме!

– Да если б пахан твой сел, ты бы в детдоме рос, дурень! – сказал Гранин. – Спасибо скажи!

– Эльдар, – строго сказал Саид Имранович, – вы упрекаете отца в том, что он совершил по долгу службы. И хоть я не имею никакого права пересматривать его решение, а тем более за него извиняться, мой сыновний долг – защищать его честь.

– Я не собираюсь вам мстить! – резко сказал Коновалов.

– Тогда к чему этот разговор?

– Единственное мое утешение – игра в нарды, – сказал Коновалов. – Она стала каким-то символом, метафорой – называйте, как хотите – жизни, которая не случилась. Играя, я превращаюсь в одиннадцатилетнего мальчика, собирающего в ведерко плоды тутового дерева. Я предлагаю пари.

– Пари?

– В случае победы дело убийства мамы будет пересмотрено. Справедливость восторжествует, я использую все... возможности. Но имя вашего отца будет вычеркнуто из истории адвокатуры. Если проиграю, все останется как было. Решать вам.

– А если откажусь?

– Дело все равно будет пересмотрено. И потом... партия почти сыграна.

– Если ты так ратуешь за справедливость, почему бы сразу не пересмотреть дело? Зачем устраивать спектакль? – вмешался Низами.

– Я не подлец! – резко сказал Коновалов. – Если бы аксакал не был твоим другом, я бы не мешкал ни минуты.

– Согласен, – сказал Саид Имранович. – И я благодарен, что вы мне все рассказали и не стали пересматривать дело за спиной. Вижу, вы человек благородный.

Игра продолжилась. Саид Имранович хотел поддаваться, но не знал, как. Он нарочно делал несуразные ходы, которые еще больше озадачивали Коновалова. Тот, в свою очередь, перемещал шашки с такой быстротой, словно игра стала его раздражать и он торопился завершить ее как можно скорее.

Вишневецкий заходил по комнате, время от времени посматривая то в телефон, то на часы. Гранин надел наушники и уставился в экран смартфона. За игрой наблюдал только Низами. Каждый раз, когда он подносил чашечку к губам, раздавался противный хлюп. Допив чай, Низами принялся ковыряться в чашке, пытаясь достать лимонную дольку. В комнате глухо шумели ударяющиеся об доску шашки и кости.

Вдруг один из кубиков упал на пол и покатился к ногам Гранина. Он так погрузился в телефон, что ничего не заметил. Подошел Вишневецкий и поднял упавшую кость.

– Извините, рука дрогнула, – сказал Коновалов.

– Ой, даже не заметил, – сказал Гранин, снимая наушники.

– На что ты так засмотрелся? – хором спросили Вишневецкий и Низами.

– Фигурное катание...

Гости засмеялись. «Нашел время, педофил несчастный».

– Оууп, – объявил Низами окончание игры.

Саид Имранович одержал победу, Коновалову удалось вывести за доску всего десять шашек. Он резко вскочил из-за стола и выбежал на улицу. Вишневский выбежал следом.

Гранин обрадовался, что игра, наконец, закончилась. Весь вечер ему строчила жена. Его не волновало, кто окажется победителем партии. Но поскольку все продолжали следить за игрой, он посчитал, что уйти рано будет невежливо.

– Дело пересматривать не станут. Он человек слова, – сказал Низами. – Извини... чертовщина какая-то...

– Ничего. Зато узнал правду. Признаться, я даже хотел проиграть...

– Это было заметно.

Коновалов помогал Вишневскому выкапывать машину. Делал он это старательно, хватая лопатой тяжеленные сугробы и выкидывая их на край дороги. Увидев Саида Имрановича, Вишневский предложил подбросить его до дома.

– Пешком пройдуся. Перед сном полезно. И ветер пока не так свирепствует.

Подморозило. Хлопья снега стреляли прямо в лицо. Они всегда стреляют в лицо вне зависимости от того, в какую сторону идешь. Саид Имранович вспомнил Коновалова и обрадовался, что у него есть друзья и дети. И что жизнь его, несмотря беспросветную скуку, полна открытий. Он думал о том, как громко в ночной тишине раздается хруст снега под ногами, и о том, как причудливо выглядит сугроб за фонарным столбом. Взглянув на него, он воскресил в памяти семейную поездку в Швейцарию трехгодичной давности. Сугроб напоминал одну известную на весь мир гору. Саид Имранович забыл, как она называется. Офелия говорила, что в честь какого-то шоколада. Что-то на Т... Тимберленд... нет, это обувь или что-то из музыки... Впрочем, какая разница?

Вдали показался снегоуборочный трактор. У него работала только одна фара, но и ее хватило, чтобы осветить улицу: снег под ногами заблестел, куда-то под деревянный забор забежали маленькие собачьи лапки. Саид Имранович помахал трактористу, и тот остановился.

– Глубже, друг, глубже надо выгрести. Чего халтуришь?

– Не халтурию, аксакал, – ответил худощавый узбек. Даже в темноте у него виднелись отсутствие переднего зуба и царапина на правой щеке. – Лопата цепляется, буксую.

– Но все равно, глубже старайся брать!

Дома он выпил кардиомагнит и прошел в комнату Офелии. Он собирался уже с порога рассказать о случившемся, но дочь уже спала крепким сном. Саид Имранович на цыпочках подошел к её кровати и бесшумно, стараясь не разбудить, поцеловал Офелию в лоб.

– Спокойной ночи, умница, – прошептал он. Офелия в ответ что-то промычала во сне.

Он вошел в спальню и укутался в теплое одеяло, находиться под которым после мороза оказалось весьма приятно. Он взял телефон и взглянул на улыбку жены. Улыбнулся ей в ответ и положил телефон на прикроватную тумбочку экраном вверх. Саид Имранович так устал, что совсем не замечал доносящийся с улицы раскатыстый шум трактора и беспросветный лай собак. За окном начиналась метель. В ту ночь он храпел громче обычного.

СЕРГЕЙ ЖАДАН

Антенна

Что это истекает кровью?

Это антенна.

Хороший повод снять маску, посмертно.

На площади – сбитая из досок сцена.

Апостолы обмывают домашний крах –

третий день, наверно.

Антенна поворачивается против солнца как подсолнух,

Раскрывает небу чуткие объятия.

Ловит тем, к кому привыкла, звуковые волны,

Каждому, кто радостно готовил ей распятье.

В апреле просто нестерпимо, при таких-то ветрах.

Разжигает сатана чёрные свои мартены.

Тихо в воздухе, как будто в обворованных церквах.

И неизвестно, что ж питает

Эту чувствительность антенны.

Тучи город покрывают, будто бы химеры.

Небо нынче мёртвое, будто поле бранно.

Антенна третий день вылавливает из атмосферы

Любви сигнал – незримый, необманный.

Но завеса света – что пурпурны порталы,

осыпается в реки выжженными звездами,

с арамейским наречьем схожи её сигналы –

только ласточкам ведом он со скворцами.

И огонь, как гнёзда птичьи, занимает города,

и охрана вынимает из могил ценные металлы,

и наутро засыпает в своей машине сатана,

но не переключает,

не переключает каналы.

Перевод Лачина

ФАРИЗА БАБАЕВА

БАЙКИ ДОМА ХУДОЖНИКОВ

Не помню, когда впервые узнала о существовании Дома Художников, но живу по соседству с ним уже не первый десяток, и последние годы частенько захоживаю в гости к его обитателям. На самом деле это удивительное место. Мне рассказывали, что в Советское время специально была придумана такая система – собирать всех творческих людей в локальных точках, чтобы легче было их контролировать (мало ли что взбредет им в полете креатива?), что так и появились Дома Литераторов, Композиторов, Актеров... не знаю, уж правда ли? Но во всяком случае, Дом для художников был построен в 1958 году.

Это массивная «сталинка» на проспекте Строителей 28. Средние этажи в доме жилые – там расселяются семьи художников, а первые и последние отведены под мастерские. В высоких потолках и оконных проемах, в длинных коридорах, заваленных всякой всячиной, витает дух времен и поколений. Мастерские передаются от одного художника другому, от отца – сыну. Говорят, что по ночам в коридорах бродят призраки, что, умирая, художники на самом деле не уходят далеко от своих обиталищ. Сами художники в это свято верят и даже чокаются, когда пьют за покойных собратьев. А пить они любят, как любят собираться, ходить друг к другу в гости, устраивать застолья, спорить, веселиться, поднимать тосты, травить байки – все это входит в ритуал Дома Художников. Конечно, сегодня многие художники Баку живут и имеют мастерские в разных частях города, но алматы по проспекту Строителей 28, вросшее корнями в историю нашей культуры, из года в год обрастает легендами, рассказами, байками.

Я пыталась заглянуть в творческую «кухню» наших художников, – это невозможно. Все истинное в творчестве, как откровение, как исповедь, происходит наедине с холстом, куда не допускается лишний. Но как же это происходит? Из чего складывается Художник? И кто такие обитатели планеты под названием «Дом Художника»? У меня нет готовых ответов – всего лишь фрагменты, эскизы, дорисовывать которые можно бесконечно.

Наверное, всё началось тогда...

когда в детстве я стояла посреди степи в Монголии. Степь была без конца, без края, без начала.

...Или я была маленькая.

От горизонта катались на меня огромные, с меня ростом, золотые от заката шары. Пахло полынью, мятой, ветром. И в первый раз это было одиночество.

Ветер нес шары на меня, разбрасывая семена.

...Или я была маленькая.

Это позже я узнала, что это было перекасти-поле, верблюжья колючка, сухой кустарник. И что в степи невозможно заблудиться – все равно куда-нибудь выйдешь. Но тогда... Это было так волшебю.

Одиночество, огромность, ветер и семечки золотого шара в груди.

... Или я была маленькая.

Пальцем в небо

Мы сидели на кухне у Лены, пили чай, она рассказывала про свое детство, про то, как мама настояла на том, чтобы Лена стала художницей. Мама у Лены – врач, папа – военный.

– Лен, а в вашей семье не было художников до тебя?

– Нет.

– Все-таки что-то должно же было натолкнуть маму на эту идею? Может быть она сама хотела стать художницей или увлекалась живописью, посещала выставки, а, может быть, была влюблена в художника?

– Нет, ничего такого не было. Хотя помню случай из детства. Рядом с нами жил один художник с семьей. Как-то наши родители сидели во дворе, а мы дети копались в песочнице. И тогда он, увидев мои каракули на песке, сказал маме: «А из нее выйдет художник». Возможно тогда у мамы это и засело...

– Все равно этого недостаточно. Должно быть еще что-то. Как например, возьмем самую отвлеченную область (мысленно я тычу пальцем в небо), – астрономия! Стала бы ты водить свою дочку на кружок астрономии?

Минутная пауза. Лена смотрит на меня странно, делает вдох, кстати, это ее манера разговора – она делает вдох и выдает фразу на выдохе:

– Ну, ведь мама как раз и водила мою сестру Анжелу на кружок астрономии.

– Мда...

Этот аргумент тут же осадил меня на скаку в погоне за призванием ее мамы, – она была увлекающимся человеком и неусыпной МАМОЙ – пыталась дать своим детям максимально возможное... Мда...

– А меня еще она водила на балет, сшила пачку, купила балетки... Но в один день она как-то заглянула на занятия и в стройной шеренге прекрасных маленьких лебедей разглядела своего лебеденка, нет, скорее Гадкого Утенка, размахивающего мимо такта руками и ногами. В тот день мама увела меня с занятий и страница моего балетного будущего, Большого Театра и мировых турне, на этом была благополучно закрыта.

Вот так все и покатилося!

С Уджалом они решили обручиться на Пасху. За день накануне ее мама Ангелина готовит угощения, в доме суета. Уджал торжественно предлагает сходить в церковь, послушать предпасхальную службу. На благочестивое дело они взяли с собой за компанию их общего друга Малика Мамедалиева. Немного выпили по праздничному случаю и направились в церковь, Уджал хоть и был подвыпимший, но весь торжественный, в экстазе. Пока шла служба в церкви, он временами куда-то пропадал. И вдруг объявляется со словами: «Все! Я познакомился с таким замечательным человеком. Мы сейчас едем с ним кататься. Он взял машину и ждет нас на улице».

Я не знаю, как у нас получалось каждый раз попадать в жуткие авантюры! Оказалось, что новоиспеченный друг Уджала только вчера вышел из тюрьмы, где сидел за изнасилование. Малик напрягся. Я вообще – юная девица, у меня завтра обручение, я домой хочу, отвезите меня домой! Да, да, мы только вот подъедем в одно место. Приподнятое настроение в канун обручения и Пасхи взяло свое и требовало продолжения банкета.

Короче, после службы мы садимся в машину и едем... уже глубокая ночь. Попадаем на Кубинку, в бандитский район. В то время горячительное найти было возможно только там... Слово за слово, кто-то стал ругаться, тут выскакивает Уджал, с одной стороны Малик, с другой его новый друг, и завязывается драка. И я – юная особа на Кубинке в три часа ночи – начинаю кричать долгим пронзительным криком.

Уджала сразили наповал в глаз, Малик лежит, а тот как бы карате дерется. Сон, не сон... Крики: «Гормилиция, гормилиция!» Все вскакивают и бегут в проулки Кубинки, и Уджал тоже. А я продолжаю держать высокую ноту. Потом наши мужчины, отряхиваясь, возвращаются с видом победителей, мы садимся в машину, едем дальше. Уже в другом настроении, уже есть о чем поговорить. И я смотрю, глаз Уджала постепенно заплывает, причем на все лицо, точно на размер сапога, которым ему заехали в глаз. Наш новый знакомый везет нас в дом, к своей жене. Довез в Крепость к одноэтажному домику. Малик ругался, Уджал стонал, я все держала высокую ноту в нашем трио, так что в три часа ночи, когда мы вылезли из машины, нас было слышно на всю округу.

На месте его жены я бы сразу подумала, что сразу после отсидки за изнасилование суженный перешел на убийство. Но она безропотно покорно нас встречает, усаживает на пол, поит чаем. Видно было, что она его ждала. Мы стали прикладывать к глазу Уджала холод, но было уже поздно, глаз заплыл. Ушли мы оттуда под утро. Был рассвет, мы с Уджалом вдвоем шли по бульвару, он высокий, статный, с фингалом под глазом, обрывал для меня цветы со всех клумб. А я шла за ним счастливая и несла два рукава от его плаща, оторванные в драке. Потом мы садимся в такси, и он отвозит меня домой. И тут по пути он видит себя в зеркало, а там вместо глаза щелка, окруженная огромным фиолетовым пятном.

– Я не приду сегодня.

– Как не придешь? У нас же обручение!

– Ну, куда я с таким глазом?

Я возвращаюсь домой, мама открывает, а там я вся такая с цветами, рукавами и криком: «Мама, ему-таки выбили глаааз!»

А Уджал пошел излить душу Санану Курбанову – своему другу, учителю и соседу по Дому Художников. Мастерская его никогда не пустовала, Санан с утра уже занимался с Сабиной Шихлинской. К отсутствию Уджалова глаза он отнесся философски: «реальность – это то, что мы хотим видеть». Взяли они с Сабиной по кисточке и изобразили на его лице здоровый глаз, для убедительности прикрыли еще очками макнамара.

В назначенное время Уджал появляется нарядный, в очках, с небольшим отрядом родственников – группой поддержки. Я была счастлива, обручение состоялось, на пальце кольцо, вокруг цветы, улыбки, мы фотографировались...

Потом я показывала эти фотографии своей бабушке, а она всю жизнь проработала секретаршей в КГБ и к Уджалу на фотографиях отнеслась с профессиональным подозрением:

– Странный выбор...Ты хорошо подумала? Почему он в очках? Явно скрывает свой взгляд!

Сок сакуры и белые носочки

Это произошло после очередной нашей ссоры.

Я встала утром отвлеченном предразводном настроении. Уджал спал в другой комнате, и я естественно не хотела его даже видеть. Вдруг в дверь кто-то постучался. Тихий такой стук. Я удивилась, потому что у нас работал дверной звонок, и решила, что это дворовые дети шалят. Но на всякий случай я открыла дверь и обомлела – передо мной стояли две маленькие японки. В руках у них были какие-то бумаги и бутылка с соком. Они вежливо поздоровались и попросили войти в дом. Я не задумываясь пропустила их. Наш дом в то время (а было это в 90-х годах) был странного качества, скорее похож на берлогу – весь захлащенный непонятными вещами и замусоренный. Прямо в коридоре стояла чугунная скамья, которую Уджал притащил со двора. Так что бомжатник начинался с порога.

Японочки как ни в чем не бывало, войдя, сразу сняли обувь, и в белых носочках (а пяточки у них крошечные) аккуратно прошли в комнату. Оказалось, цель их визита приносить мир в семью. Они мне что-то долго объясняли, но я была настолько поражена, что и не поняла, и не сообразила спросить, почему именно мы, почему из Японии в Азербайджан? Под конец они вытащили полупергаментную бумагу, на которой было написано «сертификат» и вписали в него наши с Уджалом имена, дали мне выпить вишневый сок, попросили обмакнуть мой палец в этот же сок и поставить им печать.

Совершенно замороженная, я проделала всю эту процедуру, после чего японки, вежливо откланявшись, также аккуратно в белых носочках потопали в прихожую, одели туфли и вышли за дверь. Я заметила, что они не пошли дальше к соседям, а сразу вышли во двор.

Сертификат «о мире в семье» до сих пор где-то у меня хранится.

Когда Уджал проснулся, я рассказала ему о наших странных посетителях и показала сертификат. Он ответил: «Ты так и не поняла, что это были ангелы?»

Жизнь – это цирк...

Вечеринки у Лены – это всегда весело, шумно и вкусно. Вот и на этот раз гостей много, круглый стол ломится от изобилия всяких соблазнов. «Люблю круглый стол, за ним места хватает всем» – ее манера выдыхать фразы после глубокого вдоха, иногда создает ощущение, как будто в этот момент она сама приподнимается над полом (а ведь и женщины на ее картинах всегда приподняты, как будто парят над землей?).

Сегодня у Лены действительно приподнятое настроение, она постоянно вскакивает с места, чтобы сказать очередной тост, или потанцевать, или побежать на кухню за очередным блюдом...

Тост Лены:

– Я хочу вспомнить одну очень известную историю. Несколько лет назад меня и еще нескольких художников пригласили участвовать со своими работами в нефтяной выставке. Это была какая-то крутая тусовка, с присутствием официальных лиц, на открытие выставки пришел сам Гейдар Алиев. Он очень внимательно рассматривал экспозицию и вдруг остановился около моей работы – на ней был изображен клоун, жонглирующий ярко-зелеными шариками. Гейдар Алиевич долго стоял около картины, а потом подозвал меня и спросил:

– А что вы хотели сказать этой работой?

– Я хотела сказать, что вся наша жизнь цирк, и мы в ней клоуны.

Он посмотрел на меня пристально, как будто насквозь и спросил:

– И Вы – клоун?

– Да, и я клоун.

– Значит, и я – клоун?

(Лена говорит тост с рюмкой в руке, и в этот момент у нее потрясающее выражение лица провинившейся школьницы, стоящей перед строгим учителем)

– Д-да... и Вы... тоже... клоун!

Гейдар Алиев засмеялся и пошел смотреть выставку дальше. А через пару дней меня вызвали в Союз Художников и вручили ключи от новой мастерской. Такая вот история...

Да, а за что Лена поднимала тост? Уже не помню... Наверное, за цирк...

Кушать есть что?

(Рассказ Лены)

– Это даже не история, а сценка из того времени.

Когда Мусик (Мусеиб Амиров) с Уджалом были совсем молодые, денег особенно не было, да и в магазинах в то время ничего не было. В своих мастерских они работали сутками, часто бегали друг к другу по всякому поводу. И вот сценка такая.

Мусик работает всю ночь, уже светает, и вдруг он чувствует страшный голод, вспоминает, что ничего не ел весь день, и начинает обшаривать свои полки в надежде найти хоть что-нибудь... и о! счастье! В глубине шкафа за пустыми банками обнаруживается кусок черствого хлеба. Он уже стал сухарем, но для голодного Мусика это «послание свыше» кажется поджаристым ягненком. Он жадно запихивает хлеб в рот и проглатывает его целиком. В ту же секунду раздается стук в дверь. На пороге Уджал. По странному блеску в его глазах Мусик понимает, что друг пребывает в том же состоянии, что и он сам секунду назад.

Уджал рывком с порога:

– Кушать есть что? Я голоден, как...

Мусик моментально:

– Нет!

Уджал, подозрительно пригнувшись к Мусику:

– А хлебом-то пахнет...

Зимним днем...

(27.02.11)

– Мусик, у тебя тоже так бывает – один день не пришел в мастерскую, и она тебя уже выпихивает? – Лена, вся продрогшая, забежала к Мусику в мастерскую. – Не работала, пропустила день – и ничего не получается.

Лена в теплом свитере, вязаной юбке и в смешных, почти клоунских ботинках – вся в краске. Рассматривает Мусика: О-о! какой свитер! желтое плечо-о!..

За десять минут до этого Мусик как раз поведал нам историю этого свитера.

– Мы с Нарой купили его в дорогом магазине на выход. На следующий день я пошел в ресторан, а после пригласил ребят в мастерскую показать своего «Точика», и как он свалился на меня – прям на плечо! Теперь свитер ожидает судьба тряпки, вон их тут куча, – Муся кивает головой в угол, где набросана его одежда, измалеванная краской. «Точиком» он ласково называет свой новый холст, на котором изображен точильщик ножей (кстати, реальный персонаж, часто появляющийся во дворе Дома художников).

Лена слушает, но при этом очень внимательно изучает шоколадные конфеты в вазочке на столе. Наконец, она выбрала обертку подходящего цвета (подходящего к холодному зимнему дню, к теплой мастерской Мусика, к желтому пятну на его плече, и к собственному настроению) «Шоколад с горячим чаем, о-о!», – Лена греется, по-кошачьи прикрыв глаза.

– Никак не работается, – говорит она как всегда на выдохе.

– А знаешь, что было вчера у меня? Я пришел, встал у холста и не понимаю, что я здесь делаю. Взял кисть и стал писать. С омерзением!

Последнее слово произносится с драматическим накалом – Мусик прирожденный актер.

В этот момент забегает Анар из своей мастерской – тоже замерзший и отпущенный своим вдохновением. Муся кивает ему, продолжая ходить по мастерской с палитрой и кистью в руке.

– Так вот, стал писать. И с омерзением написал один подмалевок (он разворачивает продолговатый пейзаж, повернутый к стене), потом второй, потом третий, четвертый (теперь уже развернуты все четыре пейзажа), – и все с омерзением!

– Если это с омерзением, то как же ты пишешь с любовью?

Едкую фразу АнараМусик не расслышал (или сделал вид?), потому что находился в этот момент в сценической паузе, в затаенном прыжке тигра, перед тем как сказать главную фразу, ради чего он затеял этот мини-спектакль:

– Зато потом вдруг появилось знакомое родное чувство!

Спустя пару часов

На мольберте у Мусика маленький холст «Пляжные кайфы» – на берегу что-то валяется, кто-то сидит, наблюдает, главный наблюдатель – кипарис (или свернутый парус?), яркое солнце, в небе ангелы...

Рядом с Мусиком за другим мольбертом его ученица София прорисовывает эскиз для комиссии в Академии. До этого они вместе прорабатывали композицию, теперь она движется самостоятельно. Вместо палитры у нее маленький холст.

Они тарыхтят, не переставая, то она что-то рассказывает, то Мусик. При этом лица их повернуты к своим работам, руки меняют кисти, краски...

Я затаилась в углу на диване, подглядываю...

Об интимном

В этот раз, когда я зашла, там сидел Эльнур. Мусик ходил по мастерской: нервный, трезвый взбудораженный. В центре на полу разложены старо-советские тюбики красок в коробках, кто-то продавал из художников. Я застала их в сурьезном обсуждении: «что-почем-дешево-дорого». У Муси на стенах новые работы. «Женщина-кокетка» в черном с сигаретой в руке томно склонила голову, ее окружает желтое пространство.

– Можно ли стать в мастерской невидимой, то есть тихо наблюдать в углу процесс рождения картины?

– Нет! – они отвечают одновременно в два голоса.

Мусик:

– Это интимный процесс.

Эльнур:

– Я так и не увидел, как работает мой отец. Он не пускал меня к себе, когда работал.

Мусик:

– Можно наблюдать процесс, когда идет подмалевок, и я достаточно расслаблен, могу одновременно болтать о чем-то и что-то набрасывать на холст. Но настоящая работа, когда ты один на один с холстом – это медитация, любовь, состояние, в котором третий лишний и появление его сразу нарушает процесс. Тебя просто выбивает из этого течения и не известно, сможешь ли ты вернуться в него или нет. Чаще всего это невозможно. Следующее такое погружение вызовет совершенно другую интонацию – настрой – динамику – мазок – и т. д... Каждый новый холст – это начало жизни. Каждой работе ты оставляешь свое состояние. Есть холсты, к которым надо приступать в определенном состоянии. Вон стоит холст – я не подхожу к нему уже месяц.

Мусик работает быстро, уверенно. Мне кажется мое присутствие его злит. «Муся, мое присутствие тебя злит?» – я не задаю ему этот вопрос, но засматриваюсь на его движения. Мелкой кисточкой по очень большому холсту, и звук затертый... Там какой-то мужик то ли падает, то ли летит тебе навстречу, скорее падает...

Полиглот

Однажды Мусик повез свою семью на пляж. Они подъехали на машине к морю, а выйти не могут – на берегу стая злых диких собак. Муся пытался отъехать дальше, они бегут за машиной. Тогда он разозлился: «Ну, сейчас я им покажу!» Схватил палку, выбежал из машины и разразился страшным криком, вложив в него в трехэтажном нагромождении хороший русский мат. Стратегия оказалась эффективной. Вся стая развернулась и через пару минут исчезла из поля зрения. Когда Мусик замолк и прекратился лай собак, он услышал за спиной голос маленькой Айсельки:

– Ой, папочка знает язык зверей!

Совсем не то!

(в его мастерской)

С порога – новый холст. Не замечаю, нет, не чувствую с начала. Пока с Мусей о том, о сем... незаметно переходим к разговору о рабочем процессе.

– Когда ты кладешь последние мазки и чувствуешь, что работа на 97 процентов закончена – это кайф! Знаешь, какой страх был у меня пять месяцев назад? Ни один холст не ложился. Только сегодня пришло это чувство. Я вдруг ощутил, что он дошел!

Муся ходит вокруг своего детища. Темный холст. Я тоже стала сейчас видеть на нем человеческие лица, обращенный вверх к полоске моря, кораблю под самыми облаками:

– Муся, я вижу эти лица! Интересно, как я не разглядела их сразу...

– И непонятно, они то ли над водой, то ли под водой, – бормочет Муся и подкрашивает рыбку белым цветом, – здесь требуется это пятно... – Он возбужден: – И все-таки это в кайф!.. А какие мучения с самого сентября... Они говорят: «кайфуете себе, пишите работы» – не пишем, рожаем в муках, бя, как женщины!... Сегодня с утра я еще не мог увидеть... даже детей моего друга, которые зашли ко мне в гости, «пытал»: «чего же здесь не хватает?»...и вдруг пошло! Один холст сел, – я сейчас развернул его к стене, и вот этот пошел... уф!...

Параллельно Мусик пытается дозвониться в контору КТВ, чтобы ему провели, наконец, телевидение:

– У этих кретинов нет мозгов! просят номер моей мастерской, а его нет – это же мастерская!

– А ты придумай его. Например, 47Б.

– Хорошая мысль!

Он пытается дозвониться в контору, там откладывают трубку, Муся долго-долго слушает импровизацию Вагифа Мустафаде на том конце провода и ругается на чем свет стоит. «Сволочи, они издеваются!» – с этими словами он бросает трубку и опять берется за кисть.

– Холст должен набраться слой за слоем. Набраться краски, чувств, сомнений. Это не я придумал, так было всегда, так было у Расима, у них всех, у наших учителей..

– А сейчас разве этого нет?

– Есть, конечно... просто время какое-то другое, оно торопит, требует...

*«В квадрат закручена основа
Закрытыми глазами смотрит мир
На чудеса вселенной – небо под ногами!
Из глубины оставшихся высот...»*

– Как меня раздражает этот «Точильщик»! – голос Мустика врывается в моё поэтическое отступление. Теперь он переключил внимание на холст, стоящий у стены, – Закрашу его кармином, все вокруг покрою желтым... Ариф сегодня увидел впервые эту работу и сказал: «Это Ашраф». На самом деле здесь есть присутствие Ашрафа-Мурадова по тяжести сюжета и вообще... Знаешь, этот тот случай, когда «начинаешь работу вдвоем, а заканчиваешь один».

Спустя 1 час.

Мустик уже отошел от первого холста, занялся вторым – «Точильщиком», затем выпил кофе, перекурил, сел пару сосисок... присмотрелся к первому холсту: «надо его переверачивать, главное, вовремя остановиться...»

До этого мы говорили о будущем, о всяких фантазиях на тему «как бы восприняли люди из прошлого сегодняшнюю реальность». Мустик разговаривает со мной, но мысли его постоянно утягивают в холст, стоящий на мольберте:

– Смотрю на эту работу и думаю, как же будут ругать ее через 50 лет. Скажут, какие же он писал какашки... Нет! Совсем не то!

Он решительно направляется к мольберту.

– Муся, стой, лучше оставь ее до завтра. Сам же говорил, надо вовремя останавливаться!

Он не слышит. Рука его тянется к кисти, кисть к черной палитре...

Выход есть!

Из рецензии на выставку Мусеиба Амирова «Два состояния». (YAYgallery28.02.2014)

«Тихий, дремотный уголок Ичери Шехера, где расположена галерея, в этот вечер напоминал оживленную центральную бакинскую улицу в час пик. Огромная толпа скопилась на площадке у входа в галерею, внутри же было такое количество посетителей, что рассмотреть картины можно было только подобравшись к ним вплотную. Казалось, в двухэтажной галерее YAY места не хватало не только людям, но и картинам. Что, на самом деле, не удивительно – таков феномен Мусеиба Амирова. Этого признанного и по праву Заслуженного художника Азербайджана много во всем – в неуемной творческой фантазии, в мастерстве и виртуозном «жонглировании» цветовой палитрой, в изобретательности, обилии и переплетении сюжетных линий в каждой картине; в любви к своей земле и людям, как и в терзании-ковырянии самого себя; в страсти к холсту и одиночеству, точно также как и к путешествиям, общению, шумным и долгим застольям; его много в безмолвии изобразительного точно так же как и в красноречии, в поэтическом слого и актерском таланте...

«Два состояния» – интересно, какие из его двух? «Которые «до» и «после»», – шутливо ответил Мусеиб. В реальности графические и живописные работы, вошедшие в экспозицию, отображают не два и даже не двадцать состояний, а бесконечность, имя которой – мгновение. Каждая работа – это пойманное состояние, которое уже никогда не повторится. Как схваченный в последнюю секунду предрассветный сон, который, просыпаясь, помнишь в мельчайших деталях и поражаешься, насколько абсурдно и в то же время реально было увиденное. Подобно фантастическим снам затягивают в себя картины Мусеиба – в них можно блуждать часами, разглядывая каждую подробность, удивляясь совместимости несомещаемого. Иногда создается ощущение, что в холсте использован прием «наложения кадров», и если можно было бы раскрыть его как гармошку, то получился бы фильм с последовательным сюжетом, но художник уложил все кадры-состояния один на другой, смешав прошлое, настоящее и будущее в один лабиринт, выйти из которого можно, лишь придумав собственную историю. И также как у каждого сна есть только один выход – в пробуждение, у каждого творения этого художника есть «потайная дверь» в узнаваемость, в то, что называют почерком Мастера...»

Домик

– Я поразился, когда прочел название твоей статьи «Выход есть!», настолько оно совпало с моим состоянием. Дело в том, что до этой выставки у меня была жуткая депрессия. Ужасно жить с мыслями, что ты никому не нужен, – работы месяцами не брали. Жить за счет частных коллекционеров с ощущением, что тебя держат на коротком поводке... Я себя в последнее время ненавидел, в конце концов я уже не мальчик, чтобы звонить, просить деньги, которые мне должны... В какой-то момент я сказал «все, больше не могу!» И тут что-то произошло.

Все началось с поездки во Францию. Потом позвонили из галереи YAY, работы после выставки разлетелись! И вот эта выставка сделала так, что я, наконец, начал строить свой дачный домик. Выход всегда есть, выход произошел!

– Мне кажется, ты сам катализировал этот процесс. Иногда необходимо попасть в бункер, в безвоздушное пространство, чтобы понять, как нужен глоток воздуха.

– Да! Вот мое доказательство – чистый холст. У меня в мозгу этот холст. Я уже пишу его в уме четыре дня. Точно знаю, что в оставшиеся до отъезда дни я начну его. Там женщина с холстом, она о чем-то думает в светлом переулке, и здесь в углу черный квадрат. И еще сюжет: две женщины обнимаются... я даже вижу, как положил небрежно мазок, но не исправил, а подождал, пока высохнет, а потом пролессировал.

Вот такие переживания, но без напряжения – это такие «шатальные» переживания. Я сейчас в «отпуску». Мне не хочется ни есть, ни пить, не танцевать. Я поехал к морю, к маме, поехал масло поменял в машине, кафелями занялся на даче. Не хочется пить, потому что знаю, если выпью, это оденет пленку на глаза и перестану чувствовать кайф этого периода. Но я знаю, что перед отъездом обязательно выпью – знаю с кем, где и когда. Вот такой пошел период – подконтрольный что ли? Я знаю, что если не буду дорожить временем, то меня разорвет на части. Время самая большая ценность. Оно тебя не ждет, оно летит. Если я мог раньше разбрасывать камни, то сейчас не могу себе позволить это. Пришло время собирать камни.

И тут зазвонил телефон

Эта байка совсем свежая. Журналист Фарид Мамедов готовил с Мусиком интервью для своего видео-блога «1 вопрос».

– Мусеиб муаллим, мне нужен ответ всего на один вопрос. Вам надо будет уложиться в три минуты, тут главное расслабиться, говорите о себе, не напрягаясь, можете даже использовать нецензурную лексику...

– Я никогда не использую нецензурную лексику, молодой человек. Давайте Ваш вопрос!

Вопрос прозвучал о страхе. Мусик задумался на минуту... камера включена... еще минута... он собирается с мыслями и только делает вдох, чтобы ответить, как в эту же секунду его мобильник «просыпается» в судорожном крике. Рука метнулась к телефону, а в камеру понеслось:

– Бля! Ну, п...ц!!!

МАРАТ ШАФИЕВ

ПРО ЕРЕМЕЯ

Часть первая ***Знакомьтесь: Еремей***

Его преследовала мания краткости. Он тщательно выверял маршрут между пунктами А и Б, и даже в ограниченном пространстве дома решал в уме задачу: как с меньшей энергией совершить побольше дел. Однажды нам надо было в Пассаж. Он предлагал встретиться у метро «Береговая». «Но разве от Старого Города не ближе?» «Ты ошибаешься. Дальше. На пятьдесят три шажка, – и он тяжело вздохнул: – Вот так выигрываем минуты, а проигрываем жизнь».

Если было бы возможно зарабатывать на времени, он стал бы богачом. Из теории относительности Эйнштейна он вывел формулу, согласно которой добывать время можно будет в промышленном масштабе. Работая ночным охранником, он перечитал всё на свете; поэтому редко писал сам, ибо писать надо, чтобы потрясти открытием. А какое открытие, когда всё написано? В поисках простоты, он избавился от казалось бы непреложного: «сказал он», «сказала она», записывая речи разных героев разными чернилами. Иные фразы звучали как пояснения к другим фразам, впрочем, замечательно отсутствующим – их нужно вообразить. Буквочки тесно жались друг к другу; почерк становился всё мельче, без единой пометки. На правку нет больше времени. Тайнопись из созвездий знаков, которую ему самому не всегда удавалось расшифровывать. Да и зачем? Никто никогда не пойдёт по этим следам, внезапно обрывающимся. Из лесов языка – в пустыню молчания; психиатрическая лечебница – последнее прибежище его наваждений. Раз в месяц я его навещаю. Он любит мандарины, глотает вместе с кожурой, сок стекает и жёлтым подтёком застывает на подбородке; остальное подношение равнодушно отодвигает в сторону. Предназначение карандаша он теперь не понимает. Женщины научили его плести кружева. «Всё занятие – скоротать время». «Что ты хочешь этим сказать?» «Слишком много времени для жизни», – он закрывает глаза, беседы ему утомительны.

В «жёлтом» дома свои рукописи Еремей хранил под койкой в дерматиновом чемодане. Сосед по палате в отсутствие хозяина часто похищал бумаги. Однажды он прочитал на листе, которым собирался подтереться: «Бог мой, Вишна! цветёт вишня; Солнца маленького абрис – золотеет абрикос». Теперь он постоянно листы почитывал, чем вызывал возмущение образующейся перед туалетом очереди.

Часть вторая ***Ерёма – поэт***

Как стать поэтом

Воинскую часть, в которой служил Еремей, выдвинули к Северному океану. Строили они на материке железобетонный бункер, который в последний день октября заполнила комиссия: почти сплошь генералы. Все бинокли и телескопы нацелились на едва заметную точку самолёта над узкой полоской острова, из которой белой бабочкой вылупился парашют.

Ослепительная вспышка взрыва затмила солнце, содрогнулся бункер, ударная волна разметала стоящие рядом бревенчатые избы и вырвала с корнем карликовые деревца. И днём наступила беззвёздная мёртвая ночь.

Когда, наконец, пробились переливы небесного свечения, генералы шумно выдохнули, сняли с голов меховые папахи и стали поздравлять друг друга и обниматься.

– Срочно шифровку в Москву! – приказал самый грузный, с мощными покатыми плечами старый генерал. – Испытание прошло успешно.

– Нет связи, – начальник связи напрасно шаманил с радиостанцией.

– Так наладьте! – крикнул генерал.

– Ионизация атмосферы. Сигнал не пройдёт минут двадцать, – подал голос некто в штатском.

– Ну раз академик удостоверяет, тогда успеем, – генерал повернулся к Еремею. – Сержант, бегом к машине, притарань ящик с водкой.

Пока Еремей волок ящик с позвякивающими бутылками, обстановка в бункере переменилась, и генералы вытирали платками вспотевшие и багровые лица.

– Что сие значит? Ошибка в расчёте? – басил грузный и грозный генерал.

– В математике делить на ноль нельзя. Мы и не делили. Но у бога, вероятно, другая математика, – голос академика стал каким-то неодошевлённым, замогильным.

– Если бога вспомнили, тогда кранты, – присвистнул один из офицеров.

– Мать вашу, богу душу мать, – матерился генерал. – Вы что запустили неконтролируемую реакцию? Весь водород в атмосфере выгорит, а затем что – океан испарится? Мир в труху, в пепел!

– Прекращается! – закричал Еремей.

Все смотрели через щель амбразуры в вновь проступающий солнечный мир и невольно крестились.

– Мать вашу. Где стаканы? – старый воин смеялся и плакал, и, запрокинув голову, глотал водку прямо из горлышка.

После этого дня и стал Еремей, как говорится, мараť бумагу.

На «гражданке» он долго и безуспешно атаковал разные газеты и журналы, как однажды получил телеграмму от «Молодёжи Азербайджана»: «Ваш гонорар выслан до востребования». О писательских гонорарах ходили легенды, нужен был свидетель триумфа, и Ерёма позвал двоюродного брата Ильгара: «Вот тут мне за стишки причитаются. Айда до Главпочты, а потом в духан – отметим». «Да, есть перевод, – радостно подтвердила молоденькая кассирша. – Вот тут распишитесь. Пересчитайте: три рубля шестьдесят две копейки». Ильгар от смеха сползал на корточки. Ерёма побелел лицом.

Три шестьдесят две – в то время стоимость одной водки, три пятьдесят – само содержимое, двенадцать копеек – стеклянная тара. Что это было? Изошрённое издевательство или, действительно, так совпало в дьявольской бухгалтерии? никто уже не ответит.

Ерёма одно время жил один, Ильгар напрашивался на Новый Год, заговорищица подмигнул глазом: «И тебе обломится». И не обманул. Две весёлые подружки не ломались, не привередничали: пили горькую и хрустели пережаренными рёбрышками покупного гриля. Загрохотал салют, осветлив ночь. Округа кричала: «Ура!», Ерёма преградил путь и отпихивал рвущуюся на балкон рыженькую – не хотел, чтобы видели соседи. «Противный», – манерно повторяла рыжая. Ильгар обнял её сзади: «Дался тебе этот салют. Лучше на спальню взгляни». «И то правда, – рыжая успокоилась, – Баиньки пора». «И ты, Светик, не скучай, – сказал Ильгар вто-

рой девушке. – Мой брат совсем не противный. Он – поэт. Мы будем гордиться, что сживали с ним в одной компании». «Ужас как люблю стихи», – сказала рыжая и рыгнула. Еремей с ходу стал декламировать. Неожиданно заревела Света: «Хочу домой. Там мама одна». Она рыдала с таким сладким отчаянием, что сразу стало ясно – никакие уговоры не помогут. Праздник не удался, девушки укатили на такси. Илгар бесился: «Что за дрянь ты читал?». «Про одиночество матерей». «Дёрнул черт с дураком связаться. Когда только станешь человеком?!»

Билет в бессмертье

Еремей сочинил стихотворение – точнее, срисовал сколок произошедшей реальности: «Я в восемь тридцать вниз скольжу в метро который год, красавица навстречу мне по лесенке плывёт. Я научился узнавать её в большой толпе то в платье ситцевом простом, то в меховом пальто. Дождь за стеклом. Зонтом проткнёт серебряную пыль, она подвержена игре природных властных сил. Ещё не зная, в ней самой гудит подземный взрыв, и две прямые – вниз и вверх – кольцом переплелись».

Каждый порыв требует отдачи, внутренний зуд был нестерпим, и Еремей однажды вышел из дома пораньше, дождался красавицы на улице и, буркнув что-то невнятное, попытался всучить ей записку. Женщина в испуге шарахнулась в сторону и бежала. Обильный аромат дешёвого одеколона и штопанный костюм кого хочешь напугает, но догадывалась ли она, навсегда оставшаяся незнакомкой, об истинном смысле происходящего события?

Много ли мы знаем красавиц, скажем, девятнадцатого века? Анна Керн, Наталья Гончарова, сёстры Лопухины, Полина Виардо – только тех, кого изобразили художники и любили поэты.

Еремей – редактор

А) Дядя Еремея работал редактором в издательстве «Молодость». Ерёма часто заходил к нему читать рукописи, всегда полезно быть в курсе новейших идей. Родственник отсутствовал, когда вошёл начинающий автор и положил папку, перевязанную тесёмкой, на стол перед Ерёмой.

– Листья травы, – прочитал вслух Ерёма. – Это что? подражание Уитмену?

– Нет, это тексты в японском жанре танка. Но не об Японии, а о местных нравах.

– Любопытно. Оставьте, сегодня и почитаю. Но название поменять! – Ерёма, перечеркнув прежнее, вывел красным карандашом на папке: Танки на траве.

В) Пришла в издательство молодая женщина: в одной руке тоненькая тетрадка, в другой – коробка шоколада с коньячной начинкой. То есть тут тебе и выпивка, и закуска.

– Поступаю в московский литинститут. Срочно нужна положительная рекомендация.

– Сделаем. И даже с печатью, – облизнул себе губы Еремей. – Но для необходимого объёма не хватает ещё десяток стихотворений. Но вы... как вас зовут? не беспокойтесь. И стихотворения сами добавим, подходящие, вон их сколько, – махнул Еремей рукой в сторону рукописных груд, сваленных в углу комнаты. – А что вы делаете вечером?

– А где: у меня или у тебя? – женщина была понятливая, далеко пойдёт.

Что было дальше Ерёма не распространялся. Но то, что Сабина и литературный диплом имеет, и возглавляет детский цветной журнал «Чижик» – это факт.

В 1986 году родственник уступил Еремею путёвку в Дом писателей в Гаграх. Соседом Еремея оказался Вознесенский. Но поэт был занят срочной работой, даже еду горничная приносила в номер. Впрочем, в ту глубокую осень никто не нырял в холодное море, праздная публика в толстых свитерах потерянно бродила по пляжу в пяти метрах от Морского корпуса и всё больше отсиживалась по маленьким кафешкам, цедея из стеклянных стаканов багряное вино.

Горничная во дворе сжигала в железном ведре бумажные пачки. Это были черновики Вознесенского, который утром внезапно укатил на такси, хотя ещё не истекли положенные для отдыха 24 дня. Еремей попросил что-нибудь на память, но горничная сказала, что ей заплатили за другое: всё уничтожить. Порыв ветра выхватил из рук женщины исписанные листы. Еремей догнал их и вернул поджигальнице. Но один листик сумел спрятать. Так удалось сохранить нигде не публиковавшееся стихотворение.

Только успел Еремей опубликовать в Фейсбуке перевод Руми о ветре и мошаре, как в Городе объявили штормовое предупреждение. В Каспийском море в двадцати километрах к востоку от станции Нардаран зафиксировали землетрясение в три бала, и высота волн достигла пять с половиной метра.

Друзья потребовали Еремея больше не выставлять свои переводы.

Часть третья

Бытiё

1

Еремей окончил журфак. Страна претворяла в жизнь лозунг: «Освоим Крайний Север!», Еремей не хотел остаться в стороне – выбрал Коми. В самолёте Москва – Сыктывкар очутился рядом с добродушным Николаем, исподтишка пили коньяк, попеременно прикладываясь к николаевской алюминиевой фляге. Переночевав на вокзале (пусть выветрится алкоголь), утром Еремей явился в Центральный Комитет комсомола. «А на вас уже заявка». «Как заявка? Я в городе никого не знаю». «В «Вечерке» согласны работать?» Редактор газеты Николай запер кабинет, разлил по стаканам: «Ценный работник во как необходим! Сплошной женский коллектив. Выпить не с кем».

На следующий день поехали к оленеводам: пили чистый спирт, закусывая сырой рыбой и никак не могли заснуть у костра, под ядрёными, повисшими прямо над головами, будто спелые плоды, звёздами.

Так и завертелось: шахтёры, нефтяники, пограничники, геологи; столы, покрытые скатертью, или пни вместо стола, красная икра вперемежку со страганиной или набившая оскомину тушёнка из консервной банки – не суть важно, главное – бутылка, непременный атрибут каждой трапезы.

Однажды поступил сигнал: в районном центре Ижме выпускается несуразная, «пьяная» газета. Послали Еремея навести порядок. Комната редакции была завалена пустой стеклотарой. Наводили порядок так, что редактора, к которому явились чёртики, увезли в психиатричку, а сам Еремей отделался строгим выговором.

Через анфиладу запертых дверей и коридоров провели Еремея к местному чудаку – Журавлёву. Вася сидел на табурете и отстукивал на ущербной, то и дело издающей машинке. Стихи о малой Родине с предисловием Еремея потом вышли книжечкой в Москве и удостоились комсомольской Премии. Успели купить новую печатную машинку, а остальную премию с большим размахом потратили как полагается.

Только Еремей на Севере не задержался. Край, конечно, удивительный, и эпоха под стать – суровое, замечательное, но боялся Еремей спиться.

2

Попал Еремей ненадолго в пермский городок – по-осеннему ржавый, полудеревянный, полукаменный. Вдоль чёрных скал клокотала невидимая тёмная Кама, но всюду, даже сквозь ночную тьму, светился телами березняк. Из встряхиваемой дорожной сумки выпал камешек, невесть сколько времени там пролежавший. Еремей его подобрал и по возвращении домой вернул на своё место – за тысячи километров на берег солнечного моря. Объяснения его звучали убедительно: у всякой вещи должно быть постоянное место. И ещё он услышал вопль камешка: я готов терпеть жар ада, но не вечную мерзлоту.

3

Уже не помню по какой причине, Еремею надо было срочно жениться. Городские привередливы, их на раз-два не возьмёшь, машина со сватами отправилась в деревню отца – оттуда передали: есть необходимая кандидатура. На реке штормило, ни один лодочник не хотел рисковать. Заночевали в доме родственников предполагаемой невесты. А наутро времени на переправу уже не осталось, увезли с собой дочь приютившего их хозяина – славная была девочка, хоть и косоглазая.

4

Еремей старается как можно чаще выезжать на море – благо море и велосипед под рукой. На пустынном берегу любит общаться со смешливыми мартынами. «Здорово, Мартын!» – кричит угольником рассекающей волны серебристой птице. «Здоровее видали». «Я твою маму имел!» «Га-га-га, га-га-га», – заливается смехом мартын.

Часть четвёртая **Откровения и афоризмы от Иеремия**

Мысль испускает квант энергии, значит, материализация возможна. Мерцание Млечного Пути, вращение Вселенной, взрыв Сверхновой – вот речь, к нам обращённая, которую мы понять обязаны. В доказательстве не нуждается.

Картинка сверху – совсем не то, что для наблюдателя снизу. На сетчатку нашего глаза проектируется не прямое, а перевёрнутое изображение предметов. Истинная Реальность стоит на голове, и только наше сознание (а зрение – это аспект сознания) пытается обрести устойчивость. Этот мир создан не для нашего удобства, а для наблюдателя сверху. Недаром мифическое мировое дерево скандинавов растёт корнями вверх. Ещё одно доказательство Бога звучит так: Бог продолжает наблюдать за нами, значит – Бог существует.

Что такое прозрение? Электроды, вживленные в хвостатое ядро таламуса (структура, примыкающая к ретикулярной формации и гиппокампу), регистрируют особую активность только тогда, когда испытуемый, решая задачу, ошибается. Человек ещё того не осознаёт, а нейроны ядра уже сигнализируют, вызывают состояние сомнения, а затем и осознания ошибки. В голове что-то переворачивается и становится на свои места. Порою мозгу необходимо отключиться от внешних раздражителей (а сознание зрячее и незрячее работают одинаково), чтобы постигнуть Истину. В Истинной Реальности существует всё возможное, мозг не решает, а вспоминает.

Творить – это уметь распознавать или выбирать. Не новые, а полезные комбинации. Когда выбор состоялся, Бог узнаёт самого себя.

Бог не есть этот бурлящий котёл, Бог – вечное равнодушное созерцание. Можем ли мы Ему уподобиться в чистоте мышления? Но сама мысль о том, что надо от мысли отречься, уже сбивает наше спокойствие. Жизнь, как и каждое усилие, не достигает нуля (Бог и человек – разнозарядны) и выражается формулой: ΔJ больше или равно h , где h – постоянная Планка, минимальный квант действия. Подобно электрону, не сознающего свою историю, жизнь – есть прыжок из одной Вечности в другую. И это неосознание цели – лучшее доказательство свободы выбора.

Бог – это пропорция между человеком и мирозданием. Когда мнимое число нужно вставить в формулу для получения результата, то бог есть. Но если ничего не надо – Бога нет.

Что такое БГ? Бхагавад-гита, Борис и Глеб, Борис Гребенщиков, Борис Гельфанд? У каждого человека свои пристрастия. В этом переборе вариантов Большой Горшок неотделим от Бога. Открытость текста и есть доказательство его встроенности в замкнутое пространство. Но БГ может оказаться не чёрной дырой, а реликтовым эхом прежних литературных катастроф.

Неминуемо погаснет Солнце? А это бабушка надвое сказала. Мы потребляем Солнце, но и наши огненные души улетают на Солнце – круговорот жизни в космосе.

Кидаю вверх яблоки. Ты прав, Галилей, они падают, равно ускоряясь. Прямо к центру Земли. Земное притяжение? А, может, всё же давление Космоса? Каждый человек – Атлант, удерживающий на плечах Космос. Не будь внешнего давления, легко бы выпал в бездонную пустоту. И чем сильнее швыряешь в небо, тем больше и скорее ответный удар – точно в лоб.

Чтобы понять строение и поведение элементарной частицы, не обязательно дробить её до бесконечности, надо просто наблюдать звёздное небо, которое есть микроскопические квантовые флуктуации, в результате Большого Взрыва растянувшиеся на сотни мегапарсек. То есть перестать использовать телескоп как микроскоп.

Подобно тому, как зародыш проходит в материнской утробе предыдущие стадии развития жизни на Земле, так и человечество в целом повторяет им же прожитое прошлое. Если собрать достаточный научный банк, то достаточно точно можно спрогнозировать космическое будущее, как Матрично-периодический закон эволюции.

Нет дурной бесконечности, есть дурное сознание.

АЛИ НАМАЗ

Футляр для гаджета

ЮМОРЕСКА

Идея предохранить от вредных волновых электромагнитных воздействий человеческого организм, особенно детский, пришла ко мне, Физули Низамиеву, еще тогда, когда незабвенный сатирик Задорнов любил говаривать: «Ну и гад же ты!», касаясь темы мобильных телефонов в своих выступлениях.

Мотивированность идее принесло и выступление известного режиссера Никиты Михалкова о пагубном влиянии смартфонов на детей, в результате чего их неокрепшая психика деформируется, а естественное восприятие жизни подменяется виртуальной реальностью. Кроме прочего, он упоминал и Стива Джобса, пионера-основателя IT-технологий, который запрещал своим детям пользоваться гаджетами более 1 часа в день. Все это для того, чтобы избежать (словно наркотической) зависимости от них.

Известно, что при длительном общении по мобильному телефону температура мозга повышается на несколько десятков градусов. В результате некоторые микроскопические участки ткани головного мозга свариваются, как в микроволновой печи. Ухудшается функция памяти и сообразительности. Повышается риск онкозаболеваний.

Так же ученые в разных странах пришли к выводу: продолжительное пользование мобильными устройствами пагубно влияет на зрение. Происходит ухудшение оптического качества линзы глаза. И хотя после пользования мобильным телефоном зрение постепенно восстанавливается, на поверхности линз появляются маленькие пузырьки и они не исчезают.

Отметим так же, что излучение, испускаемое мобильным телефоном, повреждает ДНК. Причем этот генетический сбой передается следующим поколениям клеток.

Где же найти спасение? Как защититься?

Достаточно заглянуть в учебник физики и вообще, в научные источники интернет пространства, чтобы убедиться, что самым надежным и недорогим средством защиты от облучения мобильными устройствами является обыкновенная фольга, с которой в начале XX века экспериментировали такие ученые, как Э.Резерфорд и Н.Бор.

Я помню новостную информацию СМИ о времени Чернобыльской трагедии (1986 г.), когда специалисты в фольгированных скафандрах вели работы на месте атомного реактора после случившийся там аварии.

Далее последовали мои эксперименты с пищевой фольгой.

Оказалось, что если обернуть фольгой мобильный телефон, то сигналы до него не доходят. Чему, кстати, есть многочисленные видео-свидетельства в интернете. Но никто еще не додумался создать на этой основе такую защиту, которая могла бы максимально уменьшить вред от облучения.

Достаточно сделать футляр, в котором должен находиться слой из фольги, и проблема решалась на 60-70%.

Ведь даже, когда мобильное устройство находится в отключенном состоянии, вредное влияние, хотя и слабое по сравнению с включенным, всё равно происходит. А фольгированный футляр или мешочек, в который вшита прослойка фольги, может защищать организм человека, если мобильный телефон находится в нем. Для того, чтобы сигнал поступал на устройство, достаточно и одного-двух процентов открытого пространства от всей поверхности такого футляра.

Для продвижения изобретения в производство и чтобы иметь о нем объективное представление, мне надо было посоветоваться со знакомыми специалистами.

Сначала я поделился своей идеей с медиком, доктором Асадуллой, который долго пытался найти что-нибудь подобное в интернете, но так и не найдя, флегматично зевая, промолвил:

– Никакое это не изобретение... Это хрен-флеш, типа массажа двумя бутылками из-под колы, лежа на них спиной. И вообще, мне больше нравится придумка Никифора Федорова с серебряной нитью на голове.

– Но серебро очень дорого. И это немного из другой оперы.

– Наверное. Но это невыполнимо. Сначала надо повесить и послать на эшафот всех капиталистов, всех монополистов, и уж тогда-то возможно что-то начинать.

Надо сказать, доктор был увлечен коммунистическими идеями Ленина и отдавал предпочтение перманентной мировой революции в стиле Троцкого, непременно – с тотальным кровопусканием.

– А патент на изобретение или, назовем это рационализаторским предложением, надо получить?

– Как говорит наш ученый системолог Балагардаш, патент – это всего лишь формальность, бумага с печатью. А сами идеи уйдут мгновенно за рубеж, где пополнят банк данных и либо применятся, либо нет. Но уже без малейшего упоминания о вас. К тому же давно известно, что надгосударственные монополисты уничтожают любые изобретения, которые могут навредить их бизнесу, налаженному в течение десятилетий и даже столетий. Например, есть множество альтернативных источников энергии, множество изобретений, которые намного дешевле, чем общеизвестные, и которые не наносят ущерба природе. Но таких ученых либо убивают, либо покупают, либо замалчивают.

– Будем иметь в виду.

– И вообще, если это было бы актуально, если бы это было открытием, то об этом писали бы солидные издания и печаталось в научных книгах.

– Но об этом еще не знают. Знают разные фрагменты, а мне открылась целостная мозаика.

– Нет, у вас ничего не получится. Максимум, что сможете сделать, это, вложив в это дело 100 манатов, сшить самостоятельно десяток футляров, самому ходить и предлагать по улицам, рынкам и, продав, получить обратно свои 100 манатов.

Доктор явно не принимал меня и мою идею всерьез. Тем не менее, он быстро сообразил подложить кусок фольги в кобуру своего смартфона. Напоследок он напутствовал:

– Я бы и сам хотел бы стать инвестором. Вложить 2, а получить 10.

– И на том спасибо, доктор Асадулла.

Вот уж поистине коммунистическое решение. Как говорила Алиса из фильма про Буратино: «Пять на два не делится. Поделим поровну. Вот тебе один золотой, а мне остальное».

Затем я связался с ученым системологом, Балагардашем. Встретились, поговорили.

– Отличная идея, Физули-муаллим! Только надо связать это с древней тюркской традицией. Надо придумать общетюркский символ, который должен быть на футляре и магически защищать людей, принадлежащих к тюркскому этносу.

– Хорошо, а патент, если не здесь, то в Англии, будет иметь значение и защищать от плагиата?

– Ни в коем случае. Сразу украдут и используют сами. Утечки информации мы не должны допускать. Я организую скоро научную конференцию тюркских народов, и там уже подадим это изобретение в нужном ключе.

После небольших расчетов, он провозгласил:

– 30 миллионов пользователей с большой долей вероятности приобретут ваш футляр с нашей древне-тюркской эмблемой. Вас устроит?

– Вполне, Балагардаш-муаллим.

Через месяц мы снова встретились с ученым-системологом, который провел таки тюркскую конференцию, состоящую из телефонных разговоров по «Вотсапу» 3 или 4 человек, любителей поговорить по любому поводу.

На этот раз Балагардаш-муаллим познакомил меня с еще одним представителем «древне-тюркских традиций», брокером международного уровня, Фирдоуси-бейем. Фирдоуси-бей, не теряя времени, начал спрашивать, что нужно, чтобы поставить на поток производство фольгированных футляров.

Я посмотрел на Балагардаш-муаллима, говоря взглядом: «Где же ваша конспирация?»

– Не беспокойтесь, Фирдоуси-бей – абсолютно наш человек.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся я способности Балагардаш-муаллима совмещать преданность древне-тюркским традициям с убеждениями анархизма, не только как венца развития человеческой цивилизации после коммунизма, но и как возможности оправдать любой свой поступок, который противоречил с любой предварительной договоренностью.

Гроссмейстер Гала-гапы, игры Го, системолог, он в любой ситуации мог найти маневр для ухода и отказа от своих же слов, придавая сказанному им когда-то, совсем иное значение.

Как говорил старина Мюллер: «Что знают двое – то знает свинья».

После этой встречи я встретился с руководителем института Изобретений и Бизнеса, Абдурахманом, который, выслушав меня, сказал:

– Да, ваши приятели правы. Не стоит отдавать ваше изобретение на патент, так как, оно будет отлеживаться там в течение года, а затем вы заплатите №-ую сумму и будете ждать решения комиссии.

– Но неужели никого не интересует сохранение здоровья собственных детей и вообще – людей?

– Им наплевать на людей, на детей. Главное – деньги.

– Так какой же алгоритм действий?

– Сначала надо найти инвестора, который может быть одновременно и производителем. Затем – реклама профессиональных маркетологов. Производство и рынок сбыта.

– Благодарю, уважаемый Абдурахман, – мы тепло попрощались.

В голове всплыло несколько солидных состоятельных людей, с которыми мне довелось быть знакомым. Созвонившись с одним из них, Эмином А., я выслал ему краткую аннотацию проекта и провел следующий разговор:

Эмин А. «Первое: что делать с передней частью телефона – экраном?

Второе: если сигнал вообще не будет поступать, то какой смысл в футляре? Ведь телефон можно просто отключить и никакого излучения не будет».

Я: «5 мм в футляре будет открыто для приема сигнала. И это обеспечит защиту на 95 %.»

Эмин А. «5 мм – это существенное утолщение мобильного. В наш век, производители и потребители хотят видеть его тонким и легким. Нужно ли им это???»

Я: «Вы неправильно поняли. 5 мм – это не толщина футляра, а щель на футляре. А толщина футляра станет толще лишь на пятую часть мм., что совсем незаметно.

Эмин А.: «Хорошо. Но самая вредная часть телефона это антенна и приемник, то есть два в одном. Антенна постоянно находится в поиске ближайшего оператора связи, и она не должна быть закрыта фольгой для качественной связи. Не вижу смысла укутывать фольгой остальную часть устройства».

Я: «Мы считаем, что именно эта вредная часть должна быть прикрыта фольгой. Приемник может ловить волну и другою частью прибора».

Эмин А.: «Но тогда может пострадать качество сигнала и связи».

Я: «В том-то и дело. Страдает качество связи, но не страдает здоровье».

Эмин А.: «Тогда это может быть рассчитано на узкую группу боящихся за свое здоровье. И мало кто будет покупать. Тут не ловит, там не ловит, тут помеха, там прерывается. Производители естественно провели самые разные исследования и в этом направлении. Они могли бы заранее внедрить вещество из фольги в сам корпус или окружить антенну фольгой. Из дилеммы – сигнал или здоровье, производители выбирают – Сигнал.

Я: «Но мы не нацелены, чтобы производители увеличили свои затраты на допполнения моделей телефонов. Мы говорим о фольгированном футляре, чехле, мешочке, кобуре. Именно они могут защитить организм, в отличие от обычных футляров. Да к тому же узкая группа, названная вами, может превратиться в широкую, если провести мощную рекламу о вреде гаджетов и о пользе нашей придумки. То есть популяризировать данное изобретение, показав все предпочтительные стороны. Легкость и доступность.

Эмин А.: «Ладно. Возможно их, например, «Самсунг», можно принудить информационно и юридически предусматривать производство подобных чехлов с допполнением к инструкции по применению. Давайте поступим следующим образом. В июле, а это через месяц, у меня в Баку будет песенный фестиваль «Пекло» и придет масса разного народу. Тогда созвонимся и пересечемся. Возможно, что-нибудь придумаем».

На том и распрощались. Оставалось ждать «Пекла» на бакинском побережье.